

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

ISSN 2078-9025

№ 4 (57) • 2022

12+

Серия «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

DOI: 10.47598/2078-9025-2022-4-57

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.

ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

АРИСТАРХОВА Маргарита Константиновна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный авиационный технический университет)

АСОНОВ Николай Васильевич, д-р полит. наук, канд. ист. наук (Московский педагогический государственный университет)

БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна, д-р юрид. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Центр политико-правовых исследований «АНО «Евразийской НИИ права»)

ГАРЕЕВА Наиля Альфритовна, канд. экон. наук, доцент (Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова)

ГЫЯЗОВ Айдарбек Токторович, д-р экон. наук, профессор (Баткенский государственный университет, Кыргызстан)

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович, д-р экон. наук, профессор (Финансово-экономический институт Таджикистана)

ЗАЙНАШЕВА Зарима Гафаровна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КОДИРОВ Фируз Абдулхафизович, канд. экон. наук, доцент (Таджикский государственный финансово-экономический университет)

ЛЕБЕДЕВА Маргарита Леонидовна, канд. полит. наук, доцент (Российский государственный аграрный университет имени К. А. Тимирязева)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна, д-р техн. наук, профессор (Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Издательство «Наука сегодня»)

МИРАЛИЁН Киёмиддин Абдусалимзода, д-р полит. наук (Парламент Республики Таджикистан)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Институт права Башкирского государственного университета)

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Регина Массаровна, д-р полит. наук (Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр РАН»)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна, д-р экон. наук, доцент (ГАОУ ДПО РБ «Учебный центр ГСЭН»)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д-р юрид. наук, профессор (Институт права Башкирского государственного университета)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Институт истории, языка и литературы)

РЫКОВА Инна Николаевна, д-р экон. наук, академик РАЕН (Научно-исследовательский Финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич, канд. полит. наук (Академия труда и социальных отношений)

ЯМАЛОВА Эльвира Наилевна, д-р полит. наук (Башкирский государственный университет)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БАСКАКОВ Алексей Тихонович, канд. филос. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции и издателя: проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Сайт: vestnik-bist.ru

Vestnik BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

No. 4 (57) • 2022

"SOCIAL SCIENCES"

12+

DOI: 10.47598/2078-9025-2022-4-57

Founder:

Educational Institution
of Trade Unions
of higher education
"Academy of Labour
and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.

ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

The scientific journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science.

Journal Editors

Chairperson

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Deputy chairperson

VELTS Rakhil Yakovlevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of the Editorial Board:

ARISTARKHOVA Margarita Konstantinovna, Doctor of Economic Sciences, Professor (Ufa State Aviation Technical University)

ASONOV Nikolay Vasilievich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences (Moscow State Pedagogical University)

BOLTENKOVA Lubov Fiodorovna, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

GAIDUK Vadim Vitalievich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences (Center for Political and Legal Research "ANO "Eurasian Research Institute of Law")

GAREEVA Nailiya Alfrtovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov)

GYAZOV Aydarbek Toktorovich, Doctor of Economics Sciences, Professor (Batken State University, Kyrgyzstan)

DAYLATOV Kudrat Kambarovich, Doctor of Economics Sciences, Professor (Financial and Economic Institute of Tajikistan)

ZAYNASHEVA Zarima Gafarovna, Doctor of Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

ISMAGILOV Nail Amirkhanovich, Doctor of Economics (Bashkir Institute of Social Technologies)

KODIROV Firuz Abdulkhafizovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Tajik State Financial and Economic University)

LEBEDEVA Margarita Leonidovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor (K. A. Timiryazev Russian State Agrarian University)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna, Doctor of Technical Sciences, Professor (N. E. Bauman Moscow State Technical University)

MALIKOV Boris Zufarovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation)

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

MEDVEDEV Nikolay Pavlovich, Doctor of Political Sciences, Professor (Publishing House "Science Today")

MIRALIYON Kiyomiddin Abdusalimzoda, Doctor of Political Sciences (Parliament of the Republic of Tajikistan)

MIKHAYLOVA Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Sciences (Peoples' Friendship University of Russia)

MURATSHIN Flarit Rashitovich, Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor (Institute of Law of Bashkir State University)

MUKHAMETZYANOVA-DUGGAL Regina Massarovna, Doctor of Political Sciences (R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Science)

NAZAROVA Ulyana Anatoliyevna, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor (State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education of the Republic Bashkortostan "Training Center of the State Employment Service")

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Institute of Law of Bashkir State University)

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Institute of History, Language and Literature)

RYKOVA Inna Nikolaevna, Doctor of Economics Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow Institute of Road Traffic)

FELDMAN Pavel Yakovlevich, Candidate of Political Sciences (Academy of Labor and Social Relations)

YAMALOVA Elvira Nailevna, Doctor of Political Sciences (Bashkir State University)

Editorial Board

Senior Editor

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of Editorial Board

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich, Candidate of Philosophical Sciences (Bashkir Institute of Social Technologies)

BOCHAROVA Tatiana Yevgenyevna (Executive Secretary) (Bashkir Institute of Social Technologies)

BISTROV Aleksandr Ilyich, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

GALIEVA Gulnaz Fizatovna, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Editorial and publisher address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, the Republic of Bashkortostan, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Website: vestnik-bist.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО 7

В. Н. Алипа

Современное образование для современного мира:
интеграционные процессы и интегральный подход 7

П. И. Ананченкова

Рынок корпоративного обучения:
тенденции, статистика, перспективы развития. 13

Е. Г. Карпова

Цифровизация высшего образования
в контексте глобализационных процессов 20

И. Ф. Каршанов

Вопросы практикоориентированной подготовки кадров
в системе среднего профессионального образования
для предприятий военно-промышленного комплекса региона. 29

С. З. Кунсбаев

Цифровизация и инклюзия в системе
современной образовательной политики 35

В. В. Тонконог, П. И. Ананченкова

Влияние корпоративных программ обучения
и развития сотрудников на эффективность компании 42

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА 50

Н. А. Гареева, А. И. Романова

Прогнозирование инновационного развития
регионов-лидеров Приволжского федерального округа
с использованием синергетической модели. 50

Е. С. Молчанова, П. П. Годлевский

Анализ создания регионального резерва
финансовых и материальных ресурсов
для реагирования на чрезвычайные ситуации 64

Е. В. Кабашова

Республика Башкортостан на фоне неравенства заработной платы
в Российской Федерации. 73

Н. С. Огурцова

Тенденции развития SPA- и wellness-индустрии в России 82

ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ	88
Ф. Р. кызы Алиева	
Концептуальные и институциональные основы миграционной политики Азербайджанской Республики	88
И. М. Габдрафиков, Л. Г. Хуснутдинова	
Межнациональные отношения в современной России: взгляд студенческой молодежи Башкортостана	95
Р. Р. Галлямов, С. М. Емелин, Ф. Г. Сафин	
Религиозная идентичность жителей полиэтнического российского региона на современном этапе: тенденции развития (на материалах Республики Башкортостан)	103
З. Г. Зайнашева, Л. Р. Загитова, Э. Р. Хурамшина	
Государственная семейная политика в современной России	112
Т. А. Нигматуллина, Л. О. Терновая	
Исторические, геополитические и этнопсихологические особенности формирования казачества Донбасса	120
Д. А. Чертороев	
Методы государственного управления информационной составляющей сети Интернет: анализ современных подходов	127
ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ	133
И. А. Владимиров, Р. А. Иксанов	
Направления законодательного регулирования деятельности по созданию и организации геопарков	133
А. Ф. Самигуллина	
Основные формы взаимодействия органов внутренних дел с государственными и негосударственными организациями при обеспечении правопорядка	137
АВТОРАМ	142

CONTENTS

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE	7
V. N. Alipa Modern education for the modern world: integration processes and an integral approach	7
P. I. Ananchenkova Corporate training market: trends, statistics, development prospects	13
E. G. Karpova Digitalization of higher education in the context of globalization processes	20
I. F. Karshanov Issues of practice-oriented training in the system of secondary vocational education for the enterprises of the military-industrial complex of the region	29
S. Z. Kunsbaev Digitalization and inclusion in the system of modern educational policy	35
V. V. Tonkonog, P. I. Ananchenkova The impact of corporate employee training and development programs on the company's efficiency	42
REGIONAL ECONOMY	50
N. A. Gareeva, A. I. Romanova Forecasting the innovative development of leading regions of the volga federal district using a synergetic model	50
E. S. Molchanova, P. P. Godlevskiy Analysis of the creation of a regional reserve of financial and material resources for emergency response	64
E. V. Kabashova The Republic of Bashkortostan in the background of wage inequality in the Russian Federation	73
N. S. Ogurtsova Trends in the development of the SPA and wellness industry in Russia	82

POLITICS AND IDEOLOGY	88
F. R. kyzy Alieva	
Conceptual and institutional foundations of the migration policy of the Republic of Azerbaijan	88
I. M. Gabdrafikov, L. G. Khusnutdinova	
International relations in modern Russia: view of the student youth of Bashkortostan	95
R. R. Gallyamov, S. M. Emelin, F. G. Safin	
Religious identity of the inhabitants of a multiethnic russian region at the present stage: trends of development (based on the materials of the Republic of Bashkortostan)	103
Z. G. Zaynasheva, L. R. Zagitova, E. R. Khuramshina	
Government's family policy in modern Russia	112
T. A. Nigmatullina, L. O. Ternovaya	
Historical, geopolitical and ethnopsychological features of the formation of the cossacks of Donbass	120
D. A. Chertoroev	
Methods of state management of the information component of the Internet: analysis of modern approaches	127
LEGAL ISSUES	133
I. A. Vladimirov, R. A. Iksanov	
Directions of legislative regulation of activities on creation and organization of geoparks	133
A. F. Samigullina	
Main types of interaction between internal affairs bodies with state and non-state organizations while ensuring law and order	137
FOR AUTHORS	142

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 7–12.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):7–12.

НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Научная статья
УДК 351.862.216.36 (470.333)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-7-12

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Виктор Николаевич Алипа

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), alipa@madi.ru

Аннотация. В современном мире при ослаблении тенденции глобализации принципиальное значение для поддержания не только экономического, но и социально-политического порядка в отдельных государствах имеет тенденция регионализации. Чаще всего она понимается как продвижение в области региональной интеграции. Однако этим не исчерпывается ее позитивный потенциал. Он проявляется также в углублении процессов взаимосвязанности развития как территорий, так и сфер деятельности, проявляя в них свой преобразующий, интегративный характер. Одной из наиболее значимых для будущего областей, где наблюдаются серьезные интегративные перемены, стала сфера образования. Именно образование способно придать более целостный характер интеграции на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: культура, образование, интеграция, интегративный подход, современные учебники

Для цитирования: Алипа В. Н. Современное образование для современного мира: интеграционные процессы и интегральный подход // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 7–12. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-7-12>.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE

Research article

MODERN EDUCATION FOR THE MODERN WORLD: INTEGRATION PROCESSES AND AN INTEGRAL APPROACH

Viktor N. Alipa

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), alipa@madi.ru

Abstract. In the modern world, with the weakening of the trend of globalization, the trend of regionalization is of fundamental importance for maintaining not only the economic, but also the socio-political order in individual states. Most often it is understood as progress in the field of regional integration. However, this does not exhaust its positive potential. It also manifests itself in the deepening of the processes of interconnected development of both territories and spheres of activity, manifesting in them its transformative, integrative nature. One of the most significant areas for the future, where serious integrative changes are observed, has become the field of education. It is education that can give a more holistic character to integration in the post-Soviet space.

Keywords: culture, education, integration, integrative approach, modern textbooks

For citation: Alipa V. N. Modern education for the modern world: integration processes and an integral approach. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):7–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-7-12>.

Простая констатация факта наличия стремительных изменений в современном мире вряд ли может устроить не только ученых, но даже людей, на первый взгляд очень далеких от процессов бурных перемен. Почти каждый человек, живущий на планете Земля, так или иначе, ощущает влияние мощных информационных, экономических, социальных и политических волн. Чтобы их подъем не превратился во все сметающий на своем пути девятый вал, требуется овладеть теми инструментами, которые не столько служат спасению от несомых тектоническими общественными трансформациями бедствий, сколько выступают в роли орудий обустройства новой реальности.

Среди таких инструментов во все времена были знания, умения, полученные на основе этих знаний, и навыки, выработанные в ходе применения их на практике, которые позволяли человеку даже при минимальном наборе средств выживания находить нужный путь и необходимые средства для поддержания своего положения и развития. Копилка знаний всегда считалась наиболее ценным достоянием любой цивилизации. Однако при вхождении в информационную цивилизацию сокровищница знаний, понимаемых преимущественно как частицы бесконечного потока информации, переполнилась. В распоряжении человека оказалось настолько много всевозможных сведений из почти беспредельного пространства, что представления о важности их собирания и сбережения заметно потускнели [1, с. 37–48; 2; 3, с. 49–52]. Преимущества лиц, владеющих знаниями, оказались спорными. А радость, вызванная завершением усердий от добывания знаний, померкла на фоне легкости нахождения ответов в Интернете [4, с. 279–287; 5, с. 581–586].

В этой связи возникла потребность в новой форме трансляции знаний, для которой необходимо сначала научиться по-иному, чем раньше, добывать и аккумулировать эти знания. А правильнее сказать, их следует интегрировать [6, с. 262; 7; 8; 9, с. 9–13].

Интеграция в сфере образования стала естественной частью того мирового процесса, в котором в первую очередь были выражены достижения новейшего научного знания. Данное обстоятельство определяется тем, что от-

вечающие современному уровню производства и двигающие его в будущее теории не могут быть основаны на узко огороженной дисциплинарной площадке. Также обнаружилось, что реализация интегративной модели образования невозможна без одновременного слияния отдельных функций образовательного процесса [10, с. 89–98].

Если рассматривать высшее образование, то становится все сложнее отделять его функцию воспроизводства от функции развития, предполагающей совершенствование личностного потенциала и целостности социума. Это происходит из-за наполнения функции воспроизводства новым смыслом. Теперь такая функция предполагает активное включение высшей школы в процесс воспроизводства социального опыта и общественных практик в деятельности новых поколений. Если смотреть на задачи данной функции более широко, то очевидно, что она охватывает ответственность за сохранение созданной раньше конкретной социокультурной, цивилизационной модели.

Также интегративные процессы в образовании проявляются в более целенаправленном влиянии отдельных образовательных практик на развитие педагогической науки, существенным отличием которой от педагогики прошлого становится интеграция ее функций, поскольку в современном мире невозможен отрыв описания от диагностики и далее от прогнозирования.

Интегративные процессы прежде всего обнаруживают себя в передовом педагогическом опыте. Они обеспечивают большую доступность этого опыта для широкого круга педагогов, позволяя постепенно повышать эффективность обучения и гармонизировать его отдельные компоненты. Это невозможно сделать, не меняя подходов к пониманию, выявлению и описанию интегративных процессов в педагогической деятельности. Кроме того, центр внимания в рамках таких подходов сдвигается в сторону практики, которая трансформируется в результате интеграции с ней содержательной стороны образования.

Еще одним обнадеживающим итогом интегративного развития образования становится уход от тяжести, которая в условиях многопред-

метности ложится и на преподавателей, и на обучающихся. Какофонию учебных дисциплин легко заменяют междисциплинарные курсы, которые построены на основе интеграции специальных понятий и опираются на наличие методологии, теории и методики междисциплинарного подхода. Раньше всего он проявился у предметов естественнонаучного цикла, например, как междисциплинарная «Концепция современного естествознания».

Справедливо задаться вопросом, а только ли о педагогической науке следует говорить в контексте интегративных процессов в образовании. В этой связи важно понимать, как меняются функции тех базовых наук, что служат источником материала для классических учебных дисциплин в средней школе. В высшем образовании невозможно игнорировать тенденции преобразования областей знаний, являющихся основами устоявшихся учебных программ, появления в них новых направлений, в частности, сближающих их с другими науками, в результате чего специализация идет не по отдельным наукам, а по магистральным проблемам. Только так можно осваивать те пятнадцать тысяч разных дисциплин, которые насчитываются в современной науке.

В значительной степени интеграцию в образовании необходимо видеть и как включение отдельных национальных или региональных образовательных платформ в общемировое образование, в создание глобального образовательного пространства. Несмотря на стремление руководства ряда западных государств и в области образования опустить «железный занавес», никакие границы не способны отменить свободный поток идей и образовательных технологий. К сожалению, сами эти идеи и технологии также выступают в роли своеобразных образовательных барьеров, что можно было наблюдать в течение сравнительно короткого пребывания российской университетской системы внутри Болонского процесса [11, с. 32–41]. В качестве образовательных барьеров выступали политика непризнания за границей российских дипломов, завышенные требования к кандидатам на участие в различных международных проектах, запутанные пути реализации принципа академической мобильности и многое другое.

Подлинно интеграционная модель образования не просто носит системный характер. Она предполагает наличие такой внутренней образовательной среды, в которой органично соединены местные, региональные и национальные черты культуры, плодотворно влияющие на то, чтобы их общий вклад в человека, получающего образование на любой его стадии, был бы гармоничным, а не подобным гибриду с ярко выраженным преобладанием какой-либо отдельной характеристики. Заметим, что западная модель образования изначально была склонна к продуцированию подобных гибридов. Не случайно А. С. Пушкин увидел у своего героя Владимира Ленского «гёттингенскую душу», отражающую то, что образование он получал в Гёттингенском университете имени Георга Августа (нем. *Georg-August-Universität*), одном из престижных образовательных центров Нижней Саксонии в Германии. Любопытно, что этот университет был основан только в 1734 году и не относился к числу старейших европейских высших учебных заведений. Но уже за сравнительно короткий срок своего существования до момента обучения в нем пушкинского героя сумел заявить о себе как о «школе закона», в чем, скорее всего, и состояла основа его души, а не в свободомыслии и демократии.

Подводя итоги краткого анализа поиска интегративных путей развития образования, необходимо отметить, что сложности здесь встречаются как из-за внутренних проблем образовательной системы, так и внешних, в том числе теоретического порядка. Исследователи, а за ними и практики, пока не пришли к единому пониманию того, что является сутью интеграции в образовании. Упор может делаться на содержательную сторону, и точно так же преимущественное внимание может отдаться форме обучения, иногда очень мелкой, наподобие интегрированного урока.

Одна из причин таких разночтений видится в том, что до сих пор нет разделения содержания понятий «интегративный» и «интеграционный». Так, при употреблении прилагательного «интегративный» указывается на признак склонности к действию «объединять, объединяться», со смыслом — «связанный с чем-либо», часто совсем не благодаря интеграции. Отсюда

следует, что данное прилагательное не обязательно соотносится с понятием «интеграция» (от лат. *integratio* — восстановление, восполнение, соединение). Что же касается прилагательного «интеграционный», то оно непременно отмечает подобную связь [12, с. 121–126].

Вместе с тем при разделении смыслов «интегративных» «интеграционных» действий нельзя игнорировать их соединяющую суть. Взаимно любые процессы, характеризуемые данными понятиями, не просто дополняют, а усиливают друг друга. Поэтому интегративные шаги в образовании могут быть исключительно полезными в тех регионах или государствах, в которых реализуются интеграционные проекты, в том числе на постсоветском пространстве в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) [13, с. 18–23; 14, с. 60–80].

Еще в 1997 году Советом глав правительств СНГ было подписано Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств. Этот документ был принят в целях развития сотрудничества в сфере образования на пространстве СНГ, обеспечения поступательного и динамичного развития интеграционных процессов в сфере образования. Его подписали главы правительств Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России и Таджикистана. Также был создан Совет по сотрудничеству в области образования государств — участников СНГ. В эту интеграционную структуру вошли руководители органов государственной власти, ведающие вопросами образования, руководители органов аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации государств — участников СНГ от Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана. В настоящее время по инициативе Совета по сотрудничеству в области образования государств — участников СНГ высшими органами СНГ принято 35 документов в области образования.

Российская Федерация выступает в роли флагмана во многих образовательных процессах. Например, предпринимаются шаги по развитию сетевого университета СНГ, учитывается позитивный опыт реализации европейской программы «Эразмус Мундус» (англ. *Erasmus*

Mundus), созданной для повышения мобильности студентов и повышения качества высшего образования. Этому участники программы «Эразмус Мундус» добиваются благодаря мерам по финансированию академической кооперации между Европой и государствами других регионов мира. Страны СНГ создали аналогичную программу, которую возглавил Российский университет дружбы народов (РУДН). В состав Сетевого университета были включены шестнадцать высших учебных заведений из восьми государств постсоветского пространства: Беларуси, Армении, Молдовы, Кыргызстана, Казахстана, России, Таджикистана и Украины.

Полноценная региональная интеграция не может осуществляться без интеграционных усилий в высшем образовании, которые затрагивают не только организационные, но и проблемные аспекты образовательного процесса. И если первые следует рассматривать через призму именно интеграционных целей, то вторые — преимущественно под углом зрения интегративных идей. В этом свете можно приветствовать расширение перечня предметов междисциплинарного уровня, преподающихся в высшей школе. Такие учебные курсы способствуют изменению и самого образования, и рынка труда. Из зарубежного опыта известны междисциплинарные специализации по биоэтике (*University of Oxford, New York University (NYU), Rutgers University–New Brunswick, University of Pittsburgh*), компьютерной лингвистике (*Massachusetts Institute of Technology (MIT), University of Massachusetts Amherst, University of Oxford, University of Cambridge*), юриспруденции в сфере робототехники (*Harvard University, University of Oxford, University of Cambridge, Yale University*).

Для каждого из таких междисциплинарных направлений требуется более высокий уровень подготовки преподавателей, которые не могут замыкаться внутри своей специализации, а помимо знания особенностей смежных предметов должны быть прекрасно осведомлены обо всех новшествах в практической сфере. Но этого тоже недостаточно. Необходима соответствующая база учебной литературы. В качестве примера подобного учебного издания можно привести новый учебник «Геосоцио-

логия права», вышедший в серии изданий для магистратуры в издательстве Инфра-М [15]. Автор этого издания, профессор МАДИ, доктор исторических наук Л. Терновая в аннотации к учебнику выделяет особенности этого междисциплинарного курса, в котором интегрируются научные подходы, методы, источники изучения актуальных правовых, геополитических и социальных вопросов. Безусловно, в наши дни, когда мир столкнулся с новыми вызовами, не только геополитического, но и социального и правового порядков, значение такого совместного изучения вопросов геополитики, социологии и юриспруденции выходит далеко за пределы учебных задач и приобретает практическую направленность.

В мире наблюдаются как интеграционные процессы, так и действия в противоположном,

дезинтеграционном направлении. Они заключаются не только в выходе из региональных интеграционных соглашений отдельных государств. Суть дезинтеграции состоит в наличии другой картины мира, в осознании других национальных интересов и проявлении других поведенческих моделей. При всей справедливости существования и такой картины мира, и отличающихся интересов, и особых моделей поведения использование их вместе или чего-то из данного перечня по отдельности для отдаления означает отсутствие умения договариваться, стремления понимать других и доносить до них свои позиции. А чтобы этого не было, в частности на пространстве СНГ, необходимо при продвижении интеграционных проектов не забывать о неисчерпаемых возможностях интегрального подхода в образовании.

Список источников

1. Гухман В. Б. Информационная цивилизация // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2019. № 1(47). С. 37–48.
2. Кузык Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Москва : Институт экономических стратегий, 2006. Т. 5. Цивилизации: прошлое и будущее. 768 с.
3. Шипицына И. В. Информационное общество или информационная цивилизация? // Вестник Омского университета. 2000. № 2. С. 49–52.
4. Вознесенский И. С. Цифровая экономика и человеко-ориентированный характер труда // Власть истории и история власти. 2019. Т. 5, ч. 3, № 17. С. 279–287.
5. Вознесенский И. С. Человек в цифровой экономике: Управление временем // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2. Москва : РАН. ИНИОН, 2018. С. 581–586.
6. Гревцева Г. Я. Интегративный подход в учебном процессе вуза / Г. Я. Гревцева, М. В. Циулина, Э. А. Болoduрина, М. И. Банников // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. С. 262.
7. Вражнова М. Н. Интегральная парадигма высшего образования: ответ вызовам времени : учебное пособие / М. Н. Вражнова, И. С. Вознесенский, О. В. Лезина [и др.]; под редакцией доктора педагогических наук М. Н. Вражновой и доктора исторических наук Л. О. Терновой. Москва : Этносоциум, 2021. 192 с.
8. Коротаева Е. В. Основы педагогики взаимодействий: теория и практика : монография. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2013. 202 с.
9. Пузанкова Е. Н., Бочкова Н. В. Современная педагогическая интеграция, ее характеристики // Образование и общество. 2009. № 1. С. 9–13.
10. Антонова О. Г. Социальные функции высшего образования в контексте новой образовательной парадигмы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1(45). С. 89–98.
11. Миронова Т. А., Терновая Л. О. Стадии формирования коммуникативной культуры студенчества в «Болонском» измерении // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 3 (56). С. 32–41.
12. Кудakov О. Р. Использование производных от термина «Интеграция» в современной педагогической литературе // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2010. № 3 (6). С. 121–126.
13. Байнев В. Ф. Проблемы интеграции образования стран участниц СНГ и Западной Европы // Интеграция образования. 2002. № 1. С. 18–23.
14. Терновая Л. О. Взаимосвязь духовной и политической организации постсоветского пространства // Внешнеполитическое поле России : сборник научных трудов. Москва : Интердиалект+, 2004. С. 60–80.
15. Терновая Л. О. Геосоциология права : учебник. Москва : ИНФРА-М, 2023. 332 с. (Высшее образование: Магистратура).

References

1. Gukhman V. B. Information civilization. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya» = Bulletin of Tver State University. Series "Philosophy"*. 2019;1(47):37–48. (In Russ).
2. Kuzyk B. N. Civilizations: theory, history, dialogue, future. Moscow: Institute of Economic Strategies; 2006. Vol. 5. Civilizations: past and future. 768 p. (In Russ).
3. Shipitsyna I. V. Information Society or Information Civilization? *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2000;(2):49–52. (In Russ).
4. Voznesensky I. S. Digital economy and human-oriented nature of labor. *Vlast` istorii i istoriya vlasti = Power of history and history of power*. 2019;5(3)(17):279–287. (In Russ).
5. Voznesensky I. S. Man in the digital economy: Time management. *Bol`shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost`, sotrudnichestvo. Ezhegodnik = Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook*. Issue. 1. Part 2. Moscow: RAN. INION; 2018. P. 581–586. (In Russ).
6. Grevtseva G. Ya. Integrative approach in the educational process of the university / G. Ya. Grevtseva, M. V. Tsiulina, E. A. Bolodurina, M. I. Bannikov. *Sovremennyye problemy` nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2017;(5):262. (In Russ).
7. Vrazhnova M. N. Integral paradigm of higher education: response to the challenges of the time: the textbook / M. N. Vrazhnova, I. S. Voznesensky, O. V. Lezina [at al.]; edited by Doctor of Pedagogical Sciences M. N. Vrazhnova and Doctor of Historical Sciences L. O. Ternovaya. Moscow: Ethnosocium; 2021. 192 p. (In Russ).
8. Korotaeva E. V. Fundamentals of interaction pedagogy: theory and practice: monograph. Yekaterinburg: UrGPU publishing house; 2013. 202 p. (In Russ).
9. Puzankova E. N., Bochkova N. V. Modern pedagogical integration, its characteristics. *Obrazovanie i obshchestvo = Education and society*. 2009;(1):9–13. (In Russ).
10. Antonova O. G. Social functions of higher education in the context of a new educational paradigm. *Izvestiya vysshix uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennyye nauki = News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*. 2018;1(45):89–98. (In Russ).
11. Mironova T. A., Ternovaya L. O. Stages of the formation of the communicative culture of students in the "Bologna" dimension. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`nykh texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):32–41. (In Russ).
12. Kudakov O. R. The use of derivatives from the term "Integration" in modern pedagogical literature. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta = Bulletin of the Kazan State Energy University*. 2010;3(6):121–126. (In Russ).
13. Baynev V. F. Problems of education integration in the countries of the CIS and Western Europe. *Integraciya obrazovaniya = Education Integration*. 2002;(1):18–23. (In Russ).
14. Ternovaya L. O. Relationship between the spiritual and political organization of the post-Soviet space. *Vneshnopoliticheskoe pole Rossii : sbornik nauchnykh trudov = Foreign Policy Field of Russia : collection of scientific papers*. Moscow: Interdialect+; 2004. P. 60–80. (In Russ).
15. Ternovaya L. O. Geosociology of law: the textbook. Moscow: INFRA-M; 2023. 332 p. (Higher education: Master). (In Russ).

Информация об авторе

А. В. Алипа — проректор по связям со странами СНГ.

Information about the author

A. V. Alipa — Vice-Rector for Relations with the CIS countries.

Статья поступила в редакцию 17.09.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 17.09.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 13–19.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):13–19.

Научная статья
УДК 378.046.4
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-13-19

РЫНОК КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ, СТАТИСТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Полина Игоревна Ананченкова

Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия, ananchenkova@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-1791-1292>

Аннотация. Корпоративное обучение как форма развития профессионализма сотрудников и воспроизводства необходимых компетенций персонала имеет давние традиции, методологию и набор технологических образовательных приемов, обеспечивающих высокую эффективность внутрифирменных программ обучения. При этом рынок корпоративного обучения, включающий в себя совокупность программ, провайдеров, образовательных и консалтинговых структур и пр. имеет устойчивые тенденции развития, которые вне зависимости от факторов внешней среды, демонстрируют устойчивость востребованности. Согласно отчету, опубликованному Allied Market Research под названием «Рынок корпоративного обучения», объем общемирового рынка корпоративного обучения в 2019 году оценивался в 332,9 млрд долларов США и, по оценкам, достигнет 487,3 млрд долларов к 2030 году, увеличившись в среднем на 8% с 2021 по 2030 год. Оборот российского рынка корпоративного обучения оценивается более чем в 73 млрд руб. В соответствии с тенденциями рынка корпоративного обучения ожидается, что в течение прогнозируемого периода на данном рынке виртуальный сегмент будет демонстрировать значительный рост благодаря преимуществам, связанным с методом виртуального обучения, который включает в себя снижение стоимости обучения за счет снижения расходов на проезд и проживание обучающихся, обеспечением гибкости графика обучения, повышением мотивации слушателей и пр.

Ключевые слова: обучение, кадровая политика, работники, обучение на рабочем месте, корпоративное образование

Для цитирования: Ананченкова П. И. Рынок корпоративного обучения: тенденции, статистика, перспективы развития // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 13–19. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-13-19>.

Research article

CORPORATE TRAINING MARKET: TRENDS, STATISTICS, DEVELOPMENT PROSPECTS

Polina I. Ananchenkova

Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia, ananchenkova@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-1791-1292>

Abstract. Corporate training as a form of developing the professionalism of employees and reproducing the necessary competencies of personnel has a long tradition, methodology and a set of technological educational techniques that ensure high efficiency of in-house training programs. At the same time, the corporate training market, which includes a set of programs, providers, educational and consulting structures, etc., has stable development trends that, regardless of environmental factors, demonstrate the sustainability of demand. According to a report published by Allied Market Research titled "Corporate Training Market", the volume of the global corporate training market in 2019 was estimated at 332.9 billion US dollars and is estimated

to reach 487.3 billion dollars by 2030, increasing by an average of 8% from 2021 to 2030. The turnover of the Russian corporate training market is estimated at more than 73 billion rubles. In accordance with the trends of the corporate training market, it is expected that during the forecast period in this market, the virtual segment will demonstrate significant growth due to the advantages associated with the virtual training method, which includes reducing the cost of training by reducing the cost of travel and accommodation for students, ensuring the flexibility of the training schedule, increasing the motivation of students, etc.

Keywords: training, personnel policy, employees, on-the-job training, corporate education

For citation: Ananchenkova P. I. Corporate training market: trends, statistics, development prospects. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):13–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-13-19>.

Любое малое или крупное предприятие, корпорация, холдинг, или бизнес, целью которого является выживание и процветание в условиях современной конкурентной экономики, считает необходимым инвестировать в непрерывное обучение и развитие своих сотрудников для повышения их квалификации, эффективности на производстве, а также для получения максимальной отдачи от инвестиций в человеческий капитал.

Корпоративное обучение как форма развития профессионализма сотрудников и воспроизводства необходимых компетенций персонала имеет давние традиции, методологию и набор технологических образовательных приемов, обеспечивающих высокую эффективность внутрифирменных программ обучения. При этом рынок корпоративного обучения, включающий в себя совокупность программ, провайдеров, образовательных и консалтинговых структур и пр. имеет устойчивые тенденции развития, которые вне зависимости от факторов внешней среды демонстрируют устойчивость востребованности.

По данным опроса сервиса Head Hunter, 73% респондентов считают, что в компании обязательно должна быть система корпоративного обучения, при этом в 56% фирм, где работают опрошенные, такие проекты уже запущены [1]. Основные выгоды, которые могут извлечь компании из организованных программ корпоративного обучения и развития персонала, сводятся к повышению рентабельности бизнеса, снижению текучки кадров, экономии ресурсов и фокусу на нуждах компании, что делает такую форму развития персонала востребованной практически во всех отраслях и сферах народного хозяйства.

Корпоративное обучение, которое также известно как обучение на рабочем месте, —

это метод повышения квалификации, производительности труда и эффективности сотрудника. Корпоративное обучение предлагает разнообразные и эффективные методы обучения, помогающие развить компетенции сотрудников, включая коммуникационные навыки, навыки ведения переговоров, технические и другие. Существует множество онлайн- и офлайн-учебных центров, которые обеспечивают необходимое обучение сотрудников под заказ компаний.

Согласно отчету, опубликованному Allied Market Research под названием «Рынок корпоративного обучения», объем общемирового рынка корпоративного обучения в 2019 году оценивался в 332,9 млрд долларов США и, по оценкам, достигнет 487,3 млрд долларов к 2030 году, увеличившись в среднем на 8% с 2021 по 2030 год [1].

Последствия пандемии COVID-19 наблюдаются во всех секторах всех отраслей. Экономический ландшафт динамично изменился из-за кризиса, а также наблюдалось изменение требований и тенденций. Вспышка коронавируса негативно сказалась на рынке корпоративного обучения. Из-за последствий пандемии COVID-19 в 2020 году мировой рынок корпоративного обучения сократился на 40%, однако уже в 2021 году восстановился и вырос на 22% [2].

Рынок корпоративного обучения фрагментирован, и поставщики внедряют стратегии органического и неорганического роста, чтобы конкурировать на рынке. Растущий мировой рынок корпоративного обучения предлагает множество возможностей для получения дохода. Региональные и международные игроки представляют рынок в равной степени. На рынке зафиксирован выход многих новых игроков, вносящих значительный вклад в получение доходов,

учитывая потенциал рынка. Известные игроки вкладывают значительные средства в развитие и укрепление своих предложений по обучению, чтобы обеспечить более высокое удержание сотрудников и повысить узнаваемость бренда. Сотрудничество с начинающими стартапами позволяет признанным игрокам использовать преимущества предлагаемых ими продуктов и расширять ассортимент своей продукции. Быстрое проникновение мобильных устройств и повышение цифровой грамотности среди сотрудников побудили участников рынка внедрять онлайн- или веб-учебные модули, чтобы вовлечь учащихся в процесс обучения. Поставщики маркетинговых услуг также расширяют партнерские отношения с поставщиками облачных услуг.

Глобальный сегмент рынка корпоративного обучения классифицируется на основе метода

обучения, программы обучения, отрасли и региона. По методу обучения рынок корпоративного обучения подразделяется на виртуальный и очный. По программе обучения он делится на техническое обучение, обучение мягким навыкам, обучение качеству, обучение соблюдению требований и другие программы обучения.

В целом рынок корпоративного обучения может быть классифицирован (сегментирован) по разным основаниям (рис. 1).

Что касается методов обучения, то наибольшая доля рынка корпоративного обучения в 2019 году пришлась на сегмент очного обучения, который, по прогнозам аналитиков, в период до 2030 года покажет рост в среднем на 13,9%.

По программам обучения сегмент технического профиля занимал наибольшую долю

Рисунок 1 — Сегментация рынка корпоративного обучения
(Источник: составлено автором на основе [3])

Figure 1 — Segmentation of the corporate training market
(Source: compiled by the author based on [3])

рынка в 2019 году и к 2030 году увеличится в среднем на 6,9%.

В разрезе отраслей наибольшая доля рынка в 2019 году пришлась на фармацевтический и медицинский сегменты, прогнозирующие рост на 6,6% с 2021 по 2030 год.

По регионам мира максимальную долю на рынке корпоративного обучения в 2019 году заняла Северная Америка и, как ожидается, эта доля вырастет на 7,0%.

Рост требований к обучению на рабочих местах по всему миру и рост концепции микрообучения ускоряют рост рынка корпоративного обучения. Более того, растущее использование геймификации для обучения сотрудников еще больше стимулирует рост рынка. Однако ожидается, что бюджетные проблемы корпоративного сектора будут препятствовать росту рынка. Тем не менее ожидается, что появление экономически эффективных учебных модулей электронного обучения и появление Интернета вещей (IoT), а также носимых устройств откроют огромные возможности для роста рынка с точки зрения продаж в стоимостном выражении в течение прогнозируемого периода.

Появление экономически эффективных учебных модулей электронного обучения стимулирует рост рынка. Поставщики внедряют технологии, решения, системы и курсы по доступным ценам. Переход от традиционного обучения к электронному помогает организациям экономить рабочее время сотрудников. Растущая популярность онлайн-обучения помогает сотрудникам переквалифицироваться. Все эти факторы способствуют росту рынка.

Долгосрочный исследовательский проект, проведенный по заказу Мидлсекского университета для обучения на рабочем месте, показал, что из выборки 4300 работников 74% считают, что они не полностью раскрывают свой потенциал на работе из-за отсутствия возможностей для развития [4]. Указанные данные свидетельствуют о том, что корпоративное обучение как институционализированная практика кадровой политики позволяет обеспечить лояльность персонала, его развитие, что в конечном счете положительно сказывается на качестве работы сотрудников, их эффективности.

То же исследование показало, что 56% менеджеров по персоналу считают обучение и раз-

витие важными факторами, способствующими развитию бизнеса. Но при этом они делают недостаточно для расширения возможностей обучения сотрудников. Статистика показывает, что примерно 1 из 3 человек покидает свою организацию в течение первого года, добровольно или вынужденно. Невероятные 22% текучести кадров происходят в течение первых 6 недель приема на работу [5]. По мнению американского аналитика Д. Брионс, «4% новых сотрудников уходят с работы после неудачного первого дня; большинство решает, чувствуют ли они себя „как дома“ в первые три недели на новой работе; и 22% текучести кадров происходит в течение первых 45 дней работы» [6].

С точки зрения эффективной кадровой политики эти цифры означают, что новый сотрудник нуждается в соответствующей программе адаптации на рабочем месте, включающей помимо всего остального еще и обучающие мероприятия, обеспечивающие включение работника в особенности производственных процессов, технологий, корпоративной культуры и правил и пр.

Сотрудники ценят возможности обучения так же, если не больше, чем их работодатели. Современный профессионал знает, что залог успешной карьеры — постоянное обучение и рост, однако компании часто не в состоянии предоставить своим сотрудникам надлежащие инструменты для развития.

Приведенные ниже статистические данные демонстрируют важность надлежащей профессиональной подготовки для современной рабочей силы [7]:

- почти 59% сотрудников утверждают, что у них не было обучения на рабочем месте и большинство их навыков были приобретены самостоятельно;
- 74% работников готовы освоить новые навыки или пройти переподготовку, чтобы сохранить возможность трудоустройства;
- 87% миллениалов считают, что обучение и развитие на рабочем месте важны;
- 76% миллениалов считают, что возможности профессионального развития являются одним из наиболее важных аспектов корпоративной культуры;
- 76% сотрудников говорят, что компания была бы более привлекательной, если бы

предлагала своим сотрудникам дополнительное обучение навыкам;

- 59 % сотрудников в определенной степени инвестируют в собственное повышение квалификации.

Сотрудники ценят возможности обучения и развития, поэтому неудивительно, что работники с большей вероятностью останутся в компаниях, которые инвестируют в их непрерывное образование. Организации с успешными программами обучения, как правило, отмечают значительное увеличение удержания сотрудников. Текучесть кадров обходится дорого, и большинство компаний не могут позволить себе терять своих самых результативных сотрудников. Организации с плохими процессами адаптации в два раза чаще сталкиваются с текучестью кадров. Аналитические данные подтверждают это [7]:

- 70 % сотрудников с некоторой вероятностью оставят свою нынешнюю работу, чтобы работать в организации, известной своими инвестициями в развитие и обучение сотрудников;

- 86 % миллениалов удержались бы от ухода со своей нынешней должности, если бы их работодатель предлагал им обучение и повышение квалификации;

- показатели удержания повышаются на 30–50 % в компаниях с сильной культурой обучения.

По данным Harvard Business Review, хотя организации тратят более 350 млрд долларов во всем мире на обучение, они тратят свои деньги неэффективно. Аналитика свидетельствует, что 70 % сотрудников нуждаются в овладении отдельными навыками, которые необходимы им для эффективного исполнения профессиональных обязанностей, 12 % сотрудников сразу же после окончания обучения применяют новые навыки, а 25 % сотрудников, окончивших программы корпоративного обучения, отмечают повышение собственной производительности. Учитывая приведенную статистику, можно сделать вывод, что общие потери бизнеса от неэффективного обучения обходятся в весьма внушительную сумму. По данным аналитиков, это примерно 13,5 млн долларов в год на 1000 сотрудников [8].

Консалтинговая компания TalentCode обогрывает российский рынок корпоративного обуче-

ния оценивает более чем в 73 млрд руб. [8], при этом наиболее распространены программы корпоративного обучения в банковской сфере, ретейле, а также в производственных компаниях. По оценкам аналитиков компаний, расходы на внутрифирменное обучение сотрудников составляют примерно 50 % всего образовательного бюджета, а средняя «стоимость» повышения квалификации каждого обученного составляет около 50 тыс. руб. в год.

Согласно данным отчета «Исследование индустрии корпоративного обучения», проведенного и представленного в 2020 году ООО «Теории от практиков» (270 респондентов из 237 компаний участников исследования, методы исследования — полужформализованное интервью, формализованное анкетирование):

1. Самая острая проблема для каждой второй компании — низкое кросс-функциональное сотрудничество.

2. Острого дефицита в кадрах не ощущают те компании, которые:

- развивают текущую команду;
- сами «воспитывают» недостающих специалистов.

3. Существует «размытость» запроса на рекрутинг: «нужны таланты», «умеют анализировать», «с хорошими компетенциями».

4. Есть запрос на точечную экспертизу по узким направлениям + специалисты, необходимость в которых актуализируется в связи с новыми, масштабными задачами, стоящими перед компаниями.

5. Общая тенденция — это потребность в специалистах, которые могли бы быстро приспосабливаться к постоянным изменениям и управлять этими изменениями.

В целом, как показало исследование, большая часть респондентов (хотя и менее половины от всех участников исследования), отмечают, что рынок корпоративного обучения развивается. При этом 10 % считают, что он стабилен уже много лет (рис. 2).

Из представленных данных видно, что среди респондентов доминирует оптимистичное отношение к будущему индустрии, при этом оценка текущего качества оставляет желать лучшего: 19 % обозначили рынок корпоративного обучения как не сформированный, а 9 % респондентов назвали стагнирующим.

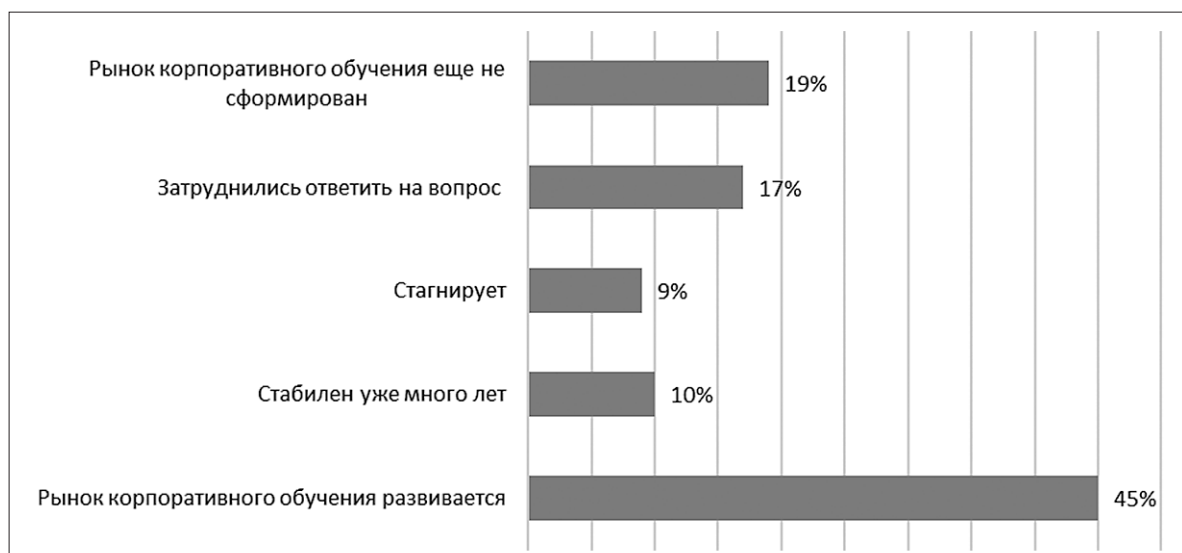

Рисунок 2 — Распределение ответов на вопрос
«Охарактеризуйте, пожалуйста, рынок корпоративного обучения в России»
(Источник: составлено автором по данным [9])

Figure 2 — Distribution of answers to the question
“Characterize, please, the corporate training market in Russia”
(Source: compiled by the author according to [9])

И тем не менее, как отмечается в публикации РБК, «работодатели продолжают обучать персонал, так как понимают, что сегодня это больше, чем просто опция соцпакета. При этом каждый третий российский наемный сотрудник оценивает эффективность корпоративного образования на тройку по пятибалльной системе, говорится в исследовании, проведенном рекрутинговой компаний Hays совместно со Skyeng, Geekbrains, «Нетологии» и MyMentoring в мае-июле 2020 года» [8]. Популярность дополнительного образования выше: 43 % профессионалов по собственному желанию (и часто — за личный счет) обучаются на различных курсах. Больше половины обучающихся считают, что это сделает их более конкурентоспособными на рынке труда.

В соответствии с тенденциями рынка корпоративного обучения ожидается, что в течение прогнозируемого периода на данном рынке виртуальный сегмент будет демонстрировать значительный рост благодаря преимуществам, связанным с методом виртуального обучения, который включает в себя снижение стоимости обучения за счет снижения расходов на проезд и проживание обучающихся, обеспечение гибкости графика обучения, повышения мотивации слушателей и пр.

Ожидается, что в сегменте soft skill в течение прогнозируемого периода также будет наблюдаться значительный рост. Это объясняется тем фактом, что работодатели, как правило, отдают предпочтение сотрудникам с soft skills, поскольку эти навыки можно перенести на любую должность и помочь в создании совместной, продуктивной и здоровой рабочей среды, а также важнейших атрибутов для организаций. Это делает его популярным среди корпораций, что, в свою очередь, способствует росту рынка корпоративного обучения.

В разбивке по отраслям ожидается, что сегмент FMCG / розничной торговли будет самым быстрорастущим сегментом с точки зрения продаж в стоимостном выражении в течение прогнозируемого периода рынка корпоративного обучения из-за увеличения корпоративных инвестиций в персонал и обучение сотрудников в секторе розничной торговли для улучшения продаж и достижения удовлетворенности клиентов. Обучение мягким навыкам является неотъемлемой частью обучения как ИТЭС, так и ВРО. Индустрия ВРО нуждается в большом количестве квалифицированных и обученных сотрудников, чтобы она могла предоставлять качественные услуги, поскольку она

дает им навыки для решения проблем клиентов или, по крайней мере, обучает искусству решения проблем. Таким образом, рост попу-

лярности обучения в этом секторе, в свою очередь, стимулирует рост рынка корпоративного обучения.

Список источников

1. Корпоративное обучение в 2022–2023 годах // 360 Медиа : сайт. URL: <https://360-media.ru/blog/online-shkoly/korporativnoe-obuchenie-v-2022-2023-godah/>
2. Corporate training market. Industry analysis report // Technavio : сайт. URL: <https://www.technavio.com/report/corporate-training-market-industry-analysis>
3. Стрельников А. В. Формы корпоративного обучения как элемента непрерывного обучения персонала // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 2 (21). С. 104–110.
4. Professional practice and work based learning courses // Middlesex University London. URL: <https://www.mdx.ac.uk/courses/professional-practice-and-work-based-learning>
5. Build a successful culture in a world of remote working // The learningwave. URL: <https://thelearningwave.com/our-approach#proven-impact>
6. Briones D. The strategic value of onboarding // Sequoia : сайт. URL: <https://articles.sequoiacap.com/the-strategic-value-of-onboarding>
7. Axonify Finds No Improvement in Corporate Training in Second Annual State of Workplace Training Study // Axonify : сайт. URL: <https://axonify.com/en-uk/news/axonify-finds-no-improvement-corporate-training-second-annual-state-workplace-training-study/>
8. Glaveski S. Where Companies Go Wrong with Learning and Development // Harvard Business Review : сайт. URL: <https://hbr.org/2019/10/where-companies-go-wrong-with-learning-and-development>

References

1. Corporate training in 2022–2023. 360 Media: site. (In Russ.). Available from: <https://360-media.ru/blog/online-shkoly/korporativnoe-obuchenie-v-2022-2023-godah/>
2. Corporate training market. Industry analysis report. Technavio: site. Available from: <https://www.technavio.com/report/corporate-training-market-industry-analysis>
3. Strel'nikov A. V. Forms of corporate training as an element of continuous staff training. *Servis v Rossii i za rubezhom* = *Service in Russia and abroad*. 2011;2(21):104–110. (In Russ.).
4. Professional practice and work based learning courses. Technavio: site. Available from: <https://www.mdx.ac.uk/courses/professional-practice-and-work-based-learning>
5. Build a successful culture in a world of remote working. The learningwave. Available from: <https://thelearningwave.com/our-approach#proven-impact>
6. Briones D. The strategic value of onboarding. Sequoia : site. Available from: <https://articles.sequoiacap.com/the-strategic-value-of-onboarding>
7. Axonify Finds No Improvement in Corporate Training in Second Annual State of Workplace Training Study. Axonify: site. Available from: <https://axonify.com/en-uk/news/axonify-finds-no-improvement-corporate-training-second-annual-state-workplace-training-study/>
8. Glaveski S. Where Companies Go Wrong with Learning and Development. Harvard Business Review: site. Available from: <https://hbr.org/2019/10/where-companies-go-wrong-with-learning-and-development>

Информация об авторе

П. И. Ананченкова — кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

P. I. Ananchenkova — Candidate of Science (Economics), Candidate of Science (Sociological), Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 20–28.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):20–28.

Научная статья

УДК 378.147:004

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-20-28

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Елена Григорьевна Карпова

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Россия, a.karpova@edmarket.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2237-4033>

Аннотация. В статье на основе анализа ряда публикаций по теме цифровизации образования в аспекте глобализации выявлены наиболее актуальные направления, связанные с внедрением в образовательный процесс цифровых технологий и цифрового инструментария, такие, как создание виртуальной (цифровой) образовательной среды; переход к онлайн-обучению, обучение в смешанном формате и др. Во всех наблюдаемых аспектах заметно влияние глобализационных процессов на проблемное поле образования, в том числе и систему высшего образования, которое можно рассматривать как с положительной стороны, так и с точки зрения социальных рисков трансформации института высшего образования под воздействием цифровизации, рисков, выражающих ситуации неопределенности в изменении конфигурации отношений между субъектами новой образовательной реальности. Предметом исследования являются возможные направления развития образования на этапе расширения цифровизации в аспекте глобализационных процессов. Целью исследования в данной статье заявлено изучение процессов трансформации института высшего образования в эпоху цифровизации. Под воздействием глобализации меняется роль преподавателя, студента, расширяется область цифровизации в управленческой и технологической сферах. Цифровизация расширяет возможности гибкости образования, способствует открытости, росту вовлеченности студентов в процесс обучения, увеличивает скорость внедрения инноваций. Однако необходимо просчитывать возможные негативные последствия данной трансформации. Методы исследования включают теоретические: анализ, синтез, обобщение, библиометрический и сравнительно-сопоставительный анализы, эмпирические: разработка исследовательского инструментария анкетного опроса (количественный метод), наблюдение.

Ключевые слова: цифровизация, онлайн-образование, виртуальная образовательная среда

Для цитирования: Карпова Е. Г. Цифровизация высшего образования в контексте глобализационных процессов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 20–28. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-20-28>.

Research article

DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION PROCESSES

Elena G. Karpova

A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow, Russia, a.karpova@edmarket.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2237-4033>

Abstract. Based on the analysis of a number of publications on the topic of digitalization of education in the aspect of globalization, the article identifies the most relevant areas related to the introduction of digital technologies and digital tools into the educational process, such as the creation of a virtual (digital) educational environment; transition to online learning, learning in a blended format, etc. In all observed

aspects, the influence of globalization processes on the problematic field of education, including the higher education system, is noticeable, which can be considered both from the positive side and from the point of view of social risks of transformation institute of higher education under the influence of digitalization, risks expressing situations of uncertainty in changing the configuration of relations between the subjects of the new educational reality. The subject of the study is the possible directions for the development of education at the stage of expanding digitalization in the aspect of globalization processes. The purpose of the study in this article is to study the processes of transformation of the institution of higher education in the era of digitalization. Under the influence of globalization, the role of the teacher and student is changing, and the area of digitalization in the managerial and technological fields is expanding. Digitalization expands the flexibility of education, promotes openness, increases the involvement of students in the learning process, increases the speed of innovation. However, it is necessary to calculate the possible negative consequences of this transformation. Research methods include theoretical: analysis, synthesis, comparative, generalization, bibliometric analysis, empirical: development of research tools for a questionnaire survey (quantitative method), observation.

Keywords: digitalization, online education, virtual educational environment

For citation: Karpova E. G. Digitalization of higher education in the context of globalization processes. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;3(56):20–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-3-56-20-28>.

Проблематика исследования обусловлена тем, что актуализируется введение и распространение телекоммуникационных технологий в системе непрерывного образования XXI века. Они предполагают усиление инфокоммуникации как ключевого фактора развития во всех сферах социально-экономической, политической, культурной жизни общества с целью повышения эффективности использования информации и знаний, в том числе в сфере образования. Основной целью цифровизации образовательного процесса является создание единого глобального цифрового образовательного пространства, которое позволяет на основе новых информационных технологий повысить качество непрерывного образования в XXI веке, обеспечивает равные возможности индивидам на получение образования всех уровней и ступеней, а также интегрирует цифровое пространство отдельной страны в мировое образовательное пространство.

В России в 2019 году принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации» на период до 2024 года, согласно которой российская система образования должна обеспечить в течение последующих 5 лет все отрасли и направления высококомпетентными кадрами пользователей современных и перспективных информационных технологий, обладающих высоким уровнем цифровой грамотности умений, навыков и компетенций, соответствующих социальному заказу и требованиям современного информацион-

ного общества, способных реализовать свой личностный профессиональный потенциал в развитии государственной цифровой экономики [1, с. 2]. Современные разработки исследований по теме цифровизации С. А. Бешенковым [2], Е. В. Гнатышиной [3–4], А. В. Гущина [5], Н. Н. Кафидулиной [6], Г. А. Малышевой [7], С. К. Омаровой [7], И. Н. Розиной [8], А. А. Саламатова [9], М. А. Чошанова [10] и др., посвящены непосредственно проблемам подготовки профессиональных кадров для цифровой экономики. В статье Д. В. Буданцева «Цифровизация в сфере образования: обзор российских научных публикаций» на основе библиометрического анализа публикаций российской электронной базы данных по теме цифровизация образования проведен анализ полученных данных, выделены перспективы дальнейших исследований [11]. За пять прошедших лет на тему цифровизации образования по поисковому запросу выявлено более 2,9 тыс. публикаций, причем данные выборки показывают, что в России по теме цифровизация образования материалов конференций (47,2 %) почти столько же, сколько и статей в журналах (48,4 %). Книг всего 4,4 %. Согласно проведенному анализу, синтезируя результаты проведенных исследований, в электронной базе данных eLIBRARY.RU выделяем статьи, посвященные анализу цифровизации в образовании. Среди наиболее значимых для исследования: Л. М. Андрюхина, Н. О. Садовникова, С. Н. Уткина, А. М. Мирзаахме-

дов [12]; Е. В. Устюжанина, С. Г. Евсюков [13]; В. М. Гребенникова, Т. В. Новикова [14]; F. Pettersson [15] и др. Обзорная статья “К вопросу о цифровой компетентности в образовательных контекстах — обзор литературы” (On the issues of digital competence in educational contexts — a review of literature) [15] посвящена вопросу цифровой компетентности в международных исследованиях последних десяти лет. Обобщая проанализированные источники, резюмируем, что во всех вышеперечисленных работах присутствуют новые подходы к повышению цифровой компетентности в образовательных контекстах, попытки всесторонне теоретизировать и операционализировать педагогические аспекты цифровой компетентности, разрабатывается дизайн дальнейших исследований по трансформации института высшего образования под воздействием глобализационных аспектов цифровизации.

Предметом исследования данной работы являются направления развития образования на этапе цифровизации в аспекте глобализационных процессов.

Цель — изучить направления развития образования на этапе цифровизации в аспекте глобализационных процессов.

Гипотеза — изучение направлений развития образования на этапе цифровизации в контексте глобализационных процессов — дает возможность прогнозировать социальные эффекты и риски для оптимального развития.

В общем виде этапы эмпирического исследования включают в себя:

- определение методологического аппарата исследования: цели, гипотезы исследования; выбор методов сбора информации, которые бы адекватно отвечали заданным целям и задачам; обработка полученных эмпирических данных; разработка исследовательского инструментария анкетного опроса;

- проведение анкетного опроса; обработка полученного эмпирического материала; описание полученных результатов в исследовании; анализ полученных данных; определение реальной ситуации в процессе цифровизации образования в аспекте глобализации, которые дают возможность спрогнозировать социальные эффекты для развития российского общества; формулирование выводов.

Результаты количественного исследования выявили и обосновали маркеры нового этапа развития цифровизации и информатизации в непрерывном образовании XXI века в аспекте глобализации.

База исследования — социальные сети, в том числе, сеть ВКОНТАКТЕ (vk.com). Исследовательская выборка представлена 100 респондентами, которые участвовали в интернет-анкетировании.

Выборка осуществлялась по стихийному отбору, то есть отбору по принципу добровольности и доступности вхождения единиц генеральной совокупности в выборочное обследование. В настоящем исследовании участие приняли 100 чел., среди которых 53 мужчины и 47 женщин в возрасте от 18 до 36+ лет, проживающих преимущественно в Москве (36 % опрошенных), в чуть меньшем количестве Московской области (32 % опрошенных) и других регионах России (32 % опрошенных). Уровень образования в основном высший: окончили специалитет или магистратуру — 45 %, 22 % не окончили высшее учебное заведение, имеют степень бакалавра — 15 %, 12 % имеют среднее профессиональное образование, а 6 % находятся на первой ступени получения высшего образования. 31 респондент (31 %) находится в стадии получения образования, 52 респондента (52 %) совмещают учебу и работу, 17 % окончили свой путь получения образования и выбрали вариант «работаю». На основе проведенного исследования было выявлено, что в основном респонденты знакомы с таким явлением как цифровизация образования и понимают значение данного термина.

Первая группа вопросов позволила выявить изменения, произошедшие в последнее время в системе образования в связи с его цифровизацией в аспекте глобализации в нашей стране и мире в целом, и помогли определить, что одним из главных изменений стало дистанционное и онлайн-обучение, являющееся неотъемлемой частью учебного процесса в системе образования.

По результатам ответов на следующие вопросы можно заметить, что среди вызовов системе образования в условиях нарастания цифровизации встречаются как положитель-

ные, так и отрицательные. Что касается непосредственно положительных вызовов системе образования, то среди них 67 респондентов (67 %) выделили информационно-технологический вызов, связанный со сменой технологий, развитием цифровой образовательной среды и искусственного интеллекта, который сможет вывести ее на новый более высокий уровень. Так, например, в качестве основных преимуществ информационно-технологического вызова респонденты отмечали: свободный доступ (подключение к образовательному portalу, видео-лекции из любой точки земного шара с помощью интернета); совершенствование цифровых навыков и компетенций; возможность присутствовать на занятии в независимости от каких-либо обстоятельств.

Еще одним положительным вызовом системе цифрового образования можно считать систему прокторинга, позволяющую писать экзамен из любой точки мира, где есть сеть Интернет, использование которой посчитали удобным 45 чел. (45 %), а также систему подачи документов через онлайн кабинеты, активное использование которой началось во время пандемии.

Многие респонденты также отмечают, что онлайн обучение, дистанционная форма в рамках цифровизации образования в условиях глобализации является перспективной, и считают, что онлайн/дистанционное обучение станет, если не неотъемлемой частью учебной практики, то, по крайней мере, и далее в образовательном процессе будут присутствовать элементы такого обучения.

Вызовами, отрицательно сказывающимися на системе образования, респонденты посчитали:

- отсутствие коммуникации с преподавателем и сверстниками;
- отсутствие надежного интернет-соединения;
- отсутствие оборудования, необходимого для онлайн обучения.

На сегодняшний день для большинства респондентов основным и актуальным источником получения информации являются интернет-ресурсы (78 чел. из 100). Это очевидно, так как цифровизация образования предполагает развитие в инфотехнологической сфе-

ре. Интернет является мобильным приспособлением, которое позволяет черпать разнообразную нужную информацию в любой момент времени. Также большинство респондентов данного исследования (77 чел.) мониторят для обучения интернет-сайты, образовательные платформы, что тоже закономерно для нашего времени.

73% опрошенных считают, что понятие цифровизации расширилось и идет по пути прогрессирующего нарастания, что непосредственно связывается с глобализационными процессами. Источники информации обновляются очень быстро и регулярно. Цифровизация предполагает повышение эффективности применения информации в обществе с помощью перспективных информационных технологий, которые непрерывно трансформируются.

Подавляющее большинство респондентов действительно считают, что сегодня престижно иметь высшее образование в разных областях. Это связано с тем, что в современном быстроразвивающемся мире формируются новые профессии и специальности, которые нуждаются в быстро обучаемых кадрах. Также 78% опрошенных из 100 утверждают, что одной из важнейших задач цифровизации образования является формирование цифровой и информационной культуры специалиста. Расширяется умение пользования современными информационными технологиями в профессиональной (образовательной) деятельности.

На вопрос исследования «Выделите важнейшие тенденции развития информатизации образования: (Выберите не более 3 вариантов ответа)» ответы респондентов распределились следующим образом:

- 75 % респондентов считают важнейшей тенденцией развития цифровизации образования формирование системы непрерывного образования как универсальной формы деятельности, направленной на постоянное развитие личности в течение всей жизни (75 чел.);
- 46 % респондентов считают важнейшей тенденцией развития цифровизации образования создание единого информационного образовательного пространства в аспекте расширения глобализации (46 чел.);

– 63 % респондентов считают важнейшей тенденцией развития цифровизации образования активное внедрение новых средств и методов обучения, ориентированных на использование информационных технологий (63 чел.);

– 15 % респондентов считают важнейшей тенденцией развития цифровизации образования синтез средств и методов традиционного и компьютерного образования (15 чел.);

– 6 % респондентов считают важнейшей тенденцией развития цифровизации образования создание системы опережающего образования (6 чел.);

– 89 % респондентов считают важнейшей тенденцией развития цифровизации образования все вышеперечисленное (89 чел.).

На основе полученных результатов можно утверждать, что подавляющее большинство респондентов считают важнейшей тенденцией развития цифровизации образования все вышеперечисленное.

В данный период времени подключение образовательных организаций к единой цифровой сети с последующим выходом в Интернет является обыденной вещью. Это не только удобно, но и актуально, современно. Также это дает больше возможностей для получения потока нужной информации.

84 % респондентов анкетного опроса считают причиной снижения популярности книжных носителей информации удобство интернет-ресурсов, стремительное развитие и постоянную смену информации, сложность восприятия информации из книжных носителей, а также изменение сознания молодого поколения. Книжные носители зачастую быстро устаревают, и информация в них не так эффективна, как в едином интернет-пространстве. Но, несмотря на такую тенденцию, книги постоянно переиздаются в новом формате, и ими активно пользуется старшее поколение.

На основе полученных результатов можно утверждать, что большинство респондентов (65 %) считают удобной технологию LMS, которая позволяет делать образование более доступным и мобильным. Технология LMS представляет собой хранилище учебных материалов — видеоуроков, лекций, презентаций, книг и курсов, доступ к которым можно получить с любого устройства в любой точке мира.

В современном мире она особо актуальна, так как многие учебные заведения находятся на дистанционном или смешанном обучении, которое предполагает больше самостоятельное обучение и получение самостоятельно информации определенного формата.

75 % респондентов считают важнейшей тенденцией развития цифровизации образования формирование системы непрерывного образования как универсальной формы деятельности, направленной на постоянное развитие личности в течение всей жизни. В современном мире особо актуальна индивидуальность личности, которая представляет собой специфическую конкурентную черту индивида. Поэтому непрерывное развитие собственных способностей является преимуществом каждого человека. Этому аспекту сегодня уделяется много внимания.

Как говорилось ранее, дистанционный формат обучения сегодня наиболее актуален. Особенно данная тенденция важна в аспекте расширения глобализации, поэтому 80 % респондентов считают важнейшей задачей цифровизации образования в современном мире разработку информационных технологий дистанционного обучения. Данная сфера не столь хорошо развита в России, но в связи с определенными обстоятельствами в виде форсмажорных обстоятельств, онлайн/дистанционный формат обучения быстро развивается и закрепляется в образовательной системе.

На вопрос исследования «Применяется ли в Вашем учебном заведении технология виртуальной реальности?» ответы респондентов распределились следующим образом:

– 4 % респондентов считают, что в их учебном заведении достаточно активно применяются технологии виртуальной реальности (4 чел.);

– 24 % респондентов считают, что в их учебном заведении технологии виртуальной реальности появились достаточно недавно и используются не так активно (24 чел.);

– 72 % респондентов считают, что в их учебном заведении не применяются технологии виртуальной реальности и появится она у них не скоро (72 чел.).

На основе полученных результатов можно утверждать, что большинство респондентов

считают, что в их учебном заведении практически не применяются технологии виртуальной реальности и появится она у них не скоро.

На вопрос исследования «Как Вы считаете, в достаточной ли степени развита цифровизация учебной и научной деятельности в России?» ответы респондентов распределились следующим образом:

- 40 % респондентов считают, что цифровизация образования, в том числе, учебной и научной деятельности в России развита в достаточной степени. В их учебном заведении каждый обучающийся оснащен нужной техникой и получает нескончаемый поток полезной информации (40 чел.);

- 43 % респондентов считают, что цифровизация образования, учебной и научной деятельности в России развита частично. Нет нужного оснащения в большом количестве и нужную информацию приходится искать достаточно долго (43 чел.);

- 17 % респондентов считают, что цифровизация образования, в том числе учебной и научной деятельности в России неразвита. Оснащение и возможность добычи нужной информации есть только в крупных городах и то не всегда (17 чел.).

Итак, почти половина опрошенных — 43% респондентов считают, что цифровизация образования, особенно в учебной и научной деятельности в России развита частично. Нет нужного оснащения в большом количестве и нужную информацию приходится искать достаточно долго. Возможно, это связано с обширностью территории Российской Федерации и разным финансированием регионов в образовательной сфере со стороны государства. В основном самая активная учебная и научная деятельность сосредотачивается и концентрируется в больших городах.

Подавляющее большинство опрошенных респондентов (88 чел. из 100) ощущают на себе результаты цифровизации в непрерывном образовании в аспекте глобализации. С цифровизацией, которая взаимоувязана с информатизацией, инфокоммуникационными технологиями, многие возможности стали мобильнее, получение информации стало доступнее. Цифровизация образования предполагает и государственную политику, государственно-част-

ное партнерство и процессы, направленные на построение и развитие телекоммуникационной инфраструктуры, объединяющей территориально распределенные информационные ресурсы.

На вопрос исследования «Как Вы думаете, будет ли продолжаться развитие процесса цифровизации в непрерывном образовании XXI века?» ответы респондентов распределились следующим образом:

- 86 % респондентов считают, что будет продолжаться развитие процесса цифровизации образования. В данной сфере будут постоянный прогресс и трансформация (86 чел.);

- 13 % респондентов считают, что будет продолжаться развитие процесса цифровизации образования в непрерывном образовании XXI века, но глобальных изменений в ближайшем будущем не наблюдается. Развитие будет незначительным (13 чел.);

- 1 % респондентов считают, что не будет продолжаться развитие процесса цифровизации образования. Цифровизация в непрерывном образовании XXI века достигла своего пика развития и дальнейшая ее модификация бессмысленна (1 чел.).

Итак, большинство опрошенных — 86 % респондентов считают, что будет продолжаться развитие процесса цифровизации в непрерывном образовании XXI века в аспекте глобализации. В данной сфере будут нарастать постоянный прогресс и трансформационные процессы, которые углубляют инфотехнологические возможности образования.

Современный этап цифровизации образования характеризуется использованием мощных персональных компьютеров, быстродействующих накопителей большой емкости, новых информационных и телекоммуникационных технологий, мультимедиа-технологий и виртуальной реальности, а также философским осмыслением происходящего процесса цифровизации образования и его социальных последствий.

Прогнозируя изменения, которые могут произойти в системе образования, в заключительном вопросе большинство респондентов 68 % (68 чел.) предположили, что возрастут затраты на цифровизацию обучения и преподавания и в системе управления образовательной ор-

ганизацией; 39 % (39 чел.) отметили, что в связи с кризисом европейские компании, сотрудничающие с учебными заведениями, сократят затраты на R&D (Research & Development — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы); 38 % (38 чел.) уверены, что в связи с невозможностью работать в лабораториях увеличатся сроки исполнения исследовательских проектов; 30 % (30 чел.) считают, что в связи с нехваткой государственного финансирования, возможно, будет наблюдаться тенденция слияния учебных заведений; 28 % (28 чел.) уверены, в том, что будет наблюдаться снижение количества иностранных обучающихся, и, соответственно, доходов от международной деятельности учебных заведений.

С точки зрения социальных рисков переход к онлайн-образованию, создание виртуальной образовательной среды порождают потребность в изменении системы управления образовательной организацией. И если эти изменения не происходят, то цифровизация может привести и к негативным последствиям. Поэтому существует насущная потребность систематизации исследований социальных эффектов цифровизации высшего образования и проведения соответствующих лонгитюдных исследований, которые смогут выявить, изучить и выработать рекомендации, каким образом минимизировать социальные риски трансформа-

ции института образования под воздействием цифровизации в аспекте глобализационных процессов.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать выводы о том, что современная цифровизация образования предполагает процесс системной интеграции компьютерных средств, информационных и коммуникационных технологий с целью получения новых общесистемных свойств, позволяющих более эффективно организовать продуктивную деятельность человека, группы, социума, и вызовы и изменения в системе образования под воздействием цифровизации в условиях глобализации имеют не только отрицательные стороны, но и положительные, а именно, приводят ее к системным преобразованиям.

Цифровизация в образовании в аспекте глобализации играет большую роль в жизни современной личности. Однако только при соблюдении определенных условий, таких как улучшение интернет связи, развитие и расширение интернет ресурсов доступных для бесплатного пользования, улучшение методик и технологий преподавания, цифровизация образования сможет выйти на более высокий уровень и, если не заменить традиционную аналоговую систему образования, то стать для нее хорошим дополнением. Это в полной мере подтвердили результаты проведенного исследования.

Список источников

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р // Стратегические приоритеты. 2017. № 3(15). С. 153–165.
2. Цифровизация образования. Беседа с С. А. Бешенковым // Пресс-служба ТГТУ : сайт. URL:// <http://press.tstu.ru/index.php/aktualnoe-intervyu/2345-tsifrovizatsiya-obrazovaniya>
3. Гнатышина Е. В. Педагогический инструментальный формирования цифровой культуры будущего педагога // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2018. № 3. С. 46–52.
4. Гнатышина Е. В., Саламатов А. А. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2017. № 8. С. 19–24.
5. Гушин А. В. Концептуальные основы создания информационно-технологического обеспечения высшего педагогического образования // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–4. С. 849–853.
6. Кафидулина Н. Н. Цифровизация как тренд: точки роста для российского образования // Интерактивное образование. 2018. № 1–2. С. 9–14.
7. Малышева Г. А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. Т. 26, № 1. С. 40–46.
8. Омарова С. К. Современные тенденции образования в эпоху цифровизации // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (9). С. 78–83.

9. Розина И. Н. Цифровизация образования // Информационные технологии в образовании : сборник научных трудов участников XI научно-практической конференции-выставки (31 октября — 1 ноября 2011 г.). Ростов н/Д. : Ростиздат, 2011. С. 149–151.
10. Чошанов М. А. Е-дидактика. Новый взгляд на теорию обучения в эпоху цифровых технологий // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16, № 3. С. 684–696.
11. Буданцев Д. В. Цифровизация в сфере образования: обзор российских научных публикаций // Молодой ученый. 2020. № 27 (317). С. 120–127.
12. Цифровизация профессионального образования: перспективы и незримые барьеры / Л. М. Андриухина, Н. О. Садовникова, С. Н. Уткина, А. М. Мирзаахмедов // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 3. С. 116–147.
13. Устюжанина Е. В., Евсюков С. Г. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2018. № 1 (97). С. 3–12.
14. Гребенникова В. М., Новикова Т. В. К вопросу о цифровизации образования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. № 11 (5). С. 158–165.
15. Pettersson F. On the issues of digital competence in educational contexts — a review of literature // Education and Information Technologies. 2018. No. 23. P. 1005–1021.

References

1. The program "Digital Economy of the Russian Federation": approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017. No. 1632-r. *Strategicheskie priority` = Strategic priorities*. 2017;3 (15):153–165. (In Russ.).
2. Digitalization of education. Conversation with S. A. Beshenkov. Press service of TSTU: site. (In Russ.). Available from: <http://press.tstu.ru/index.php/aktualnoe-intervy/2345-digitalization-education>
3. Gnatyshina E. V. Pedagogical tools for the formation of the digital culture of the future teacher. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva = Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*. 2018;(3):46–52. (In Russ.).
4. Gnatyshina E. V., Salamatov A. A. Digitalization and formation of digital culture: social and educational aspects. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva = Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*. 2017;(8):19–24. (In Russ.).
5. Gushchin A. V. Conceptual foundations for the creation of information technology support for higher pedagogical education. *Fundamental`ny`e issledovaniya = Fundamental research*. 2014;(9–4):849–853. (In Russ.).
6. Kafidulina N. N. Digitalization as a trend: points of growth for Russian education. *Interaktivnoe obrazovanie = Interactive education*. 2018;(1–2):9–14. (In Russ.).
7. Malysheva G. A. On socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society. *Vlast` = Power*. 2018;26(1):40–46. (In Russ.).
8. Omarova S. K. Modern trends in education in the era of digitalization. *Pedagogika. Voprosy` teorii i praktiki = Pedagogy. Questions of theory and practice*. 2018;1 (9):78–83. (In Russ.).
9. Rozina I. N. Digitalization of education. *Informacionny`e texnologii v obrazovanii : sbornik nauchny`x trudov uchastnikov XI nauchno-prakticheskoy konferencii-vy`stavki (31 oktyabrya — 1 noyabrya 2011 g.) = Information technologies in education: collection of scientific papers of participants of the XI scientific-practical conference-exhibition. October 31 — November 1, 2011*. Rostov-on-Don: Rostizdat; 2011. P. 149–151. (In Russ.).
10. Choshanov M. A. E-didactics. A new look at the theory of learning in the era of digital technologies. *Obrazovatel`ny`e texnologii i obshchestvo = Educational technologies and society*. 2013;16(3):684–696. (In Russ.).
11. Budantsev D. V. Digitalization in education: a review of Russian scientific publications. *Molodoy ucheny`j = Young scientist*. 2020;27 (317):120–127. (In Russ.).
12. Digitalization of vocational education: prospects and invisible barriers / L. M. Andriukhina, N. O. Sadovnikova, S. N. Utkina, A. M. Mirzaakhmedov. *Obrazovanie i nauka = Education and Science*. 2020;22(3(172)):116–147. (In Russ.).
13. Ustyuzhanina E. V., Evsyukov S. G. Digitalization of the educational environment: opportunities and threats. *Vestnik Rossijskogo e`konomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2018;1(97):3–12. (In Russ.).

-
14. Grebennikova V. M., Novikova T. V. On the issue of digitalization of education. *Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl` = Historical and Socio-Educational Thought*. 2019;11 (5):158–165. (In Russ.).
15. Pettersson F. On the issues of digital competence in educational contexts — a review of literature. *Education and Information Technologies*. 2018;(23):1005–1021.

Информация об авторе

Е. Г. Карпова — доктор педагогических наук, профессор кафедры социологии и рекламных коммуникаций.

Information about the author

E. G. Karpova — Doctor of Science (Pedagogical), Professor of the Department of Sociology and Advertising Communications.

Статья поступила в редакцию 21.09.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 21.09.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 29–34.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):29–34.

Научная статья

УДК 94(477.6)

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-29-34

ВОПРОСЫ ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА*

Ильгиз Фанисович Каршанов

Институт социально-экономических исследований — обособленное структурное подразделение
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия, Kif20@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме подготовки кадров в системе среднего профессионального образования для предприятий военно-промышленного комплекса региона. В статье определяются особенности учащихся среднего профессионального образования при поступлении и обучении, рассматриваются основные проблемы при трудоустройстве выпускников, какими знаниями и навыками должен обладать специалист, предлагается модель обучения с учетом практикоориентированного подхода.

Ключевые слова: система среднего профессионального образования, обеспечение кадрами предприятий ВПК региона, специалисты среднего звена, новые компетенции, практикоориентированный подход

Для цитирования: Каршанов И. Ф. Вопросы практикоориентированной подготовки кадров в системе среднего профессионального образования для предприятий военно-промышленного комплекса региона // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 29–34. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-29-34>.

Research article

ISSUES OF PRACTICE-ORIENTED TRAINING IN THE SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION FOR THE ENTERPRISES OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE REGION

Ilgiz F. Karshanov

Institute for Socio-Economic Research — Subdivision of the Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, Kif20@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the actual problem of personnel training in the system of secondary vocational education for enterprises of the military-industrial complex of the region. The article defines the characteristics of students of secondary vocational education and training, discusses the main problems in the employment of graduates, what knowledge and skills a specialist should have, and suggests a training model taking into account a practice-oriented approach.

Keywords: the system of secondary vocational education, staffing of enterprises of the military-industrial complex of the region, mid-level specialists, new competencies, a practice-oriented approach

For citation: Karshanov I. F. Issues of practice-oriented training in the system secondary vocational education for enterprises of the military industrial complex of the region. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):29–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-29-34>.

* Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г. ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Одной из важнейших задач в процессе подготовки современных кадров является прогнозирование потребностей и обеспечение кадрами предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) экономики региона в условиях инновационного развития.

Актуальность этой задачи обусловлена возрастающим влиянием системы среднего профессионального образования (СПО) на социально-экономическое развитие регионов. Инновационное развитие региональной экономики возможно только на основе обеспечения современного производства, создающего материальную базу, хорошо подготовленными, квалифицированными кадрами. В предыдущие периоды, начиная с 2000-х годов, наблюдался рост числа экономистов, юристов, менеджеров, а задача восполнения технических, инженерных специалистов осталась.

В настоящее время, когда стремительно изменяется скорость освоения новых технологий, необходимо обеспечить соответствие между рыночной потребностью в квалифицированных кадрах рабочих и технических специалистов нового типа и профессионально-квалификационной структуры выпускников образовательных учреждений требованиям современного производства. Важно, чтобы профиль выпускника СПО, уровень его знаний и навыков соответствовал услови-

ям и требованиям предприятий ВПК, причем требуется обладать именно теми знаниями и о тех продуктах, которые востребованы на конкретном предприятии. При этом надо понимать — что произойдет в будущем в рамках цифровой трансформации, чтобы знания не оказались устаревшими — необходимо прогнозировать компетенции специалиста среднего звена, формировать образ будущего специалиста с учетом стратегических документов развития.

На территории Республики Башкортостан как одного из крупнейших индустриальных центров России сосредоточены предприятия ВПК, которые в настоящее время испытывают дефицит технических квалифицированных кадров, и эта проблема усугубляется в связи со старением кадров на производстве, оттоком молодых специалистов в частный бизнес и сокращением профессиональной подготовки рабочих и работников среднего звена.

Статистические данные за период 2016–2021 гг. [1] показывают постепенный рост приема и выпуска специалистов среднего звена по сравнению с квалифицированными рабочими и служащими (рис. 1). Хотя прием обучающихся в СПО увеличился, выпуск пока еще остается примерно на том же уровне.

Данные по численности выпускников по уровням подготовки показывают, что сре-

Рисунок 1 — Прием и выпуск рабочих и специалистов среднего звена в Российской Федерации

Figure 1 — Reception and graduation of workers and mid-level specialists in the Russian Federation

ди выпускников СПО большую долю составляют специалисты с высшим образованием. В общей структуре подготовленных в Республике Башкортостан на 2021 год — 44,8 % специалистов, специалистов среднего звена — 39,4 %, квалифицированных рабочих — 15,8 % [1].

В целом по Российской Федерации доля выпущенных специалистов с высшим образованием составляет 55 %, специалистов среднего звена — 39,4 %, квалифицированных рабочих и служащих — 9,2 % [1]. Данные по численности выпускников и тенденция увеличения популярности программ подготовки специалистов среднего звена в Республике Башкортостан аналогична общероссийской.

Материалы опросов студентов позволяют анализировать, как они выбирали специальность и куда направляться, что дает основание для их рассмотрения в контексте проблемы подготовки кадров для предприятий ВПК. Стоит учесть, что для нынешнего поколения преобладающими мотивами получения профессии являются ее материальный и престижный аспекты. Исследования указывают, что при поступлении на обучение в СПО у 58,5 % опрошенных абитуриентов профессионально-жизненные планы не сформированы, и они недостаточно готовы к правильному выбору направлений обучения [2].

На основании обзоров исследований и комплексного наблюдения условий жизни населения [3] можно выделить следующие характеристики студентов-выпускников технических СПО, влияющие на характер и результат их трудоустройства:

- юный, по сравнению выпускниками вузов возраст. Студенты СПО заканчивают обучение чаще всего в 19–20 лет, что накладывает определенный отпечаток на их профессиональный и социальный выбор, поскольку идет активное становление личности;
- более слабую, по сравнению с выпускниками других уровней, социальную и познавательную активность, незначительный опыт внешних социальных коммуникаций;
- значительный перевес среди выпускников численности мужчин, находящихся к тому же в возрасте призыва в ряды вооруженных сил;

– обучающиеся как правило находятся в сложных экономических условиях: неполные и многодетные семьи, наличие неработающих родителей-пенсионеров, низкие доходы в семье, проживание в сельской местности и т. д.

При этом принципиально важными остаются проблемы сохранения мотивации у самих студентов завершить учебу и пойти работать по специальности, но многое зависит от материальных, экономических и семейных проблем, которые вынуждают студентов совмещать учебу с подработкой, чтобы иметь возможность обеспечивать себя, помогать родителям и т. д.

Основными проблемами при трудоустройстве выпускников СПО являются отсутствие опыта работы, недостаток подходящих вакансий, низкий уровень заработной платы. При трудоустройстве после обучения основным препятствием является отсутствие у них опыта работы и стажа по специальности (52,6 %), 70,6 % представителей центров занятости подтверждают этот фактор.

Необходимость освоения претендентом профессиональной специфики работы на конкретном рабочем месте при наличии общих профессиональных знаний и умений, что близко по сути к понятию «опыт по специальности» отмечают 41,5 % работодателей, но чаще всего 71,9 % работодателей предпочитают брать выпускников СПО с опытом работы [3].

Следует отметить, что востребованность опыта работы по специальности варьируется в зависимости как от сектора экономики, так и от выбора конкретной профессии. По итогам опроса работодателей можно отметить, что для предприятий ВПК опыт значим для 90,5 % работодателей, что соответствует региональной ситуации на рынке труда в Республике Башкортостан.

При трудоустройстве выпускников любой опыт работы как таковой, повышает шансы на успешное трудоустройство выпускников СПО после получения диплома.

Вопрос заработной платы воспринимается как определенная трудность при трудоустройстве выпускников. Работодатели часто сталкиваются с завышенными ожиданиями выпускников СПО относительно своей будущей заработной платы. Выпускники часто указывают низкий уровень заработной платы в качестве пробле-

мы при поиске работы, но при этом связь восприятия данной трудности выпускниками и реального размера их зарплаты не всегда четко просматривается.

Эти проблемы определяют поиск новых форм и методов помощи студентам, заинтересованным в работе по специальности, включая актуализацию программ и содержания подготовки специалистов для обеспечения их соответствия современным требованиям и задачам инновационного развития экономики, практико-ориентированный подход при обучении, участие представителей предприятий в этой работе.

Учитывая вышесказанное, в Уфимском авиационном техникуме ведется работа над моделью подготовки кадров, обладающих достаточным уровнем компетенций, способных быстро адаптироваться к постоянно меняющимся условиям современных требований. Модернизируются образовательные программы, совместно с индустриальными партнерами развиваются практикоориентированность и индивидуальная подготовка студентов.

Уделяется внимание программам дополнительного профессионального образования, нацеленным и на повышение квалификации работающих специалистов, и на приобретение перспективных компетенций студентами. Профильные предприятия могут более активно участвовать в образовательном процессе благодаря открытию сети мастерских СПО по приоритетным для Республики Башкортостан компетенциям в направлении «Промышленные и инженерные технологии», что стало возможным благодаря гранту федерального национального проекта «Образование». Появилась возможность продвигаться в области практико-ориентированного обучения студентов с использованием уникального оборудования и опыта высококвалифицированных работников.

Современные условия развития промышленно развитых стран и связанное с этим появление новых требований к подготовке кадров оказывают большое влияние на систему профессионального образования [4].

Практико-ориентированный характер обучения предполагает практическую деятельность по профилю обучения с участием профессио-

налов, то есть участие студентов в научно-исследовательских или инженерных проектах по заданию предприятий. Работа и роль преподавателя ориентирована главным образом на действия в этих условиях. Студенты для развития исследовательского направления участвуют в проектных командах подготовки к олимпиадам, конкурсам, чемпионатам или могут работать над совместной практической задачей.

Психологические и социологические критерии классификации образовательных услуг значимы в исследовании рынка потребителей-личностей. Этими критериями определяются как выбор личностью региона получения образования и выбор конкретного образовательного учреждения, так и собственно ориентация на образование как одну из конечных целей или как на средство получения иных благ (например, отсрочка от призыва на военную службу, «обустройство» личной жизни и т. п.).

В работе предложено разделение потребителей образовательных услуг — студентов по признаку практико-ориентированного подхода с учетом следующих особенностей:

- используется современное оборудование и технические специалисты предприятий;
- модель обучения предусматривает привлечение предприятий в процесс подготовки кадров;
- система образования включает сочетание обучения в образовательной организации с периодами производственной деятельности на обучающем предприятии, где вырабатываются необходимые для производства компетенции.

Классификация моделей обучения предложена на основе разделения студентов по типу их обучения, признакам применения практикоориентированного подхода (ПОП), дополнительным компетенциям, знаниям и подготовке, по финансированию обучения (рис. 2).

Модели обучения студентов предлагается реализовать на основе разработки персонализированных линий обучения. По типу потребления разделяется очное, заочное, дистанционное обучение и смешанное-сочетание сетевого обучения с очным.

По признаку применения ПОП предлагается следующее разделение:

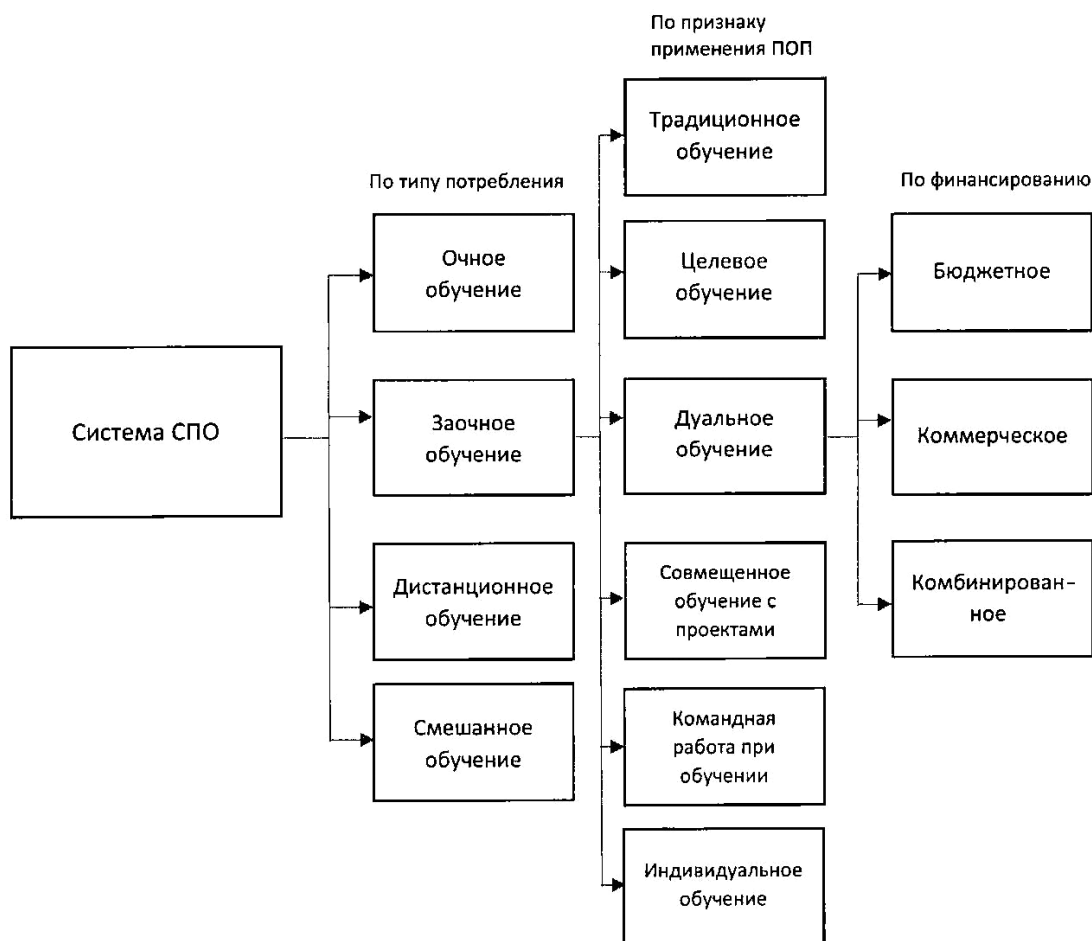

Рисунок 2 — Модели обучения

Figure 2 — Learning models

Стратегия «Традиционная форма обучения» предполагает прямую передачу теоретических и практических знаний в учебном процессе образовательной организации. Студенты являются пассивными субъектами информации, и их роль заключается в освоении и запоминании данных, предоставленных преподавателем.

Стратегия «Дуальное обучение» включает обучающихся в производственный процесс на ранних этапах обучения. Будущие специалисты осваивают и теорию (30%), и практику (70%), и, как правило, остаются работать на предприятии.

Стратегия «Целевое обучение» готовит студентов для конкретных предприятий, с необходимыми для этого предприятия требованиями.

Стратегия «Совмещение обучения с решением практических задач предприятий» направлена на решение новых практических

проектов предприятий и предполагает совместное решение проектов силами студентов и промышленных партнеров. Студенты смогут присоединиться к реальным проектам для своей отрасли, решать инженерные и конструкторские задачи в интересах промышленного заказчика. Таким образом, студенты смогут реализоваться как специалисты, вырасти в профессионалов высокой квалификации и получить конкретную перспективу трудоустройства.

Стратегия «Командная работа» ориентирована на командную работу студентов в ходе обучения над проектами, конкурсами, чемпионатами. Например, создается команда для участия в конкурсе «Кибердром» или в чемпионате «Воздушно-инженерная школа», что дает реальную возможность школьникам и студентам начать подготовку к профессиональной деятельности. На мастер-классах участники получают знания, которые позволяют им творчески

решить задачу создания действующих моделей аэрокосмических аппаратов различной сложности и запуск их в финале чемпионата. При этом они учатся работать в команде и находить новые решения.

Стратегия «Индивидуальное обучение» включает обучение по индивидуальной программе через выполнение исследовательских проектов, стартапов.

По типу финансирования обучение подразделяется на бюджетное, коммерческое и ком-

бинированное, когда предприятие платит стипендии будущим работникам.

Использование моделей обучения позволяет студентам приобрести высокий уровень профессиональных умений и навыков, опыт управленческой работы, профессиональную компетентность, умение применять свои знания на практике, предоставляет возможности для развития личной карьеры, что делает выпускников конкурентоспособными и востребованными на предприятиях ВПК.

Список источников

1. Гайнанов Д. А., Уляева А. Г. Проблемы развития системы среднего профессионального образования в Республике Башкортостан // *Фундаментальные исследования*. 2022. № 10(2). С. 171–179.
2. Каршанов И. Ф., Дикова Ф. А. Проблемы подготовки кадров для авиадвигателестроения в системе СПО // *Мавлютовские чтения : материалы V Международной научно-технической конференции : в 6 томах*. Т. 1. Уфа : УГАТУ, 2021. С. 46–51.
3. Селиверстова И. В. Трудоустройство выпускников СПО: в чем специфика? // *Научен вектор на Балканите*. 2020. Т. 4, № 4(10). С. 24–30.
4. Торопов Д. А. Адаптация опыта немецкой профессиональной школы в образовательных учреждениях НПО и СПО // *Специалист*. 2005. № 8.

References

1. Gainanov D. A., Ulyayeva A. G. Problems of development of the system of secondary vocational education in the Republic of Bashkortostan. *Fundamental`ny`e issledovaniya = Fundamental research*. 2022;10(2):171–179. (In Russ.).
2. Karshanov I. F., Dikova F. A. Problems of personnel training for aircraft engine building in the SPO system. *Mavlyutovskie chteniya : materialy` V Mezhdunarodnoj nauchno-texnicheskoj konferencii : v 6 tomax. = Mavlyutov readings: materials of the V International scientific and technical conference: in 6 volumes*. Vol. 1. Ufa: USATU; 2021. P. 46–51. (In Russ.).
3. Seliverstova I. V. Employment of vocational graduates: what are the specifics? *Nauchen vektor na Balkanite = Scientific vector of the Balkans*. 2020;4(4(10)):24–30. (In Russ.).
4. Toropov D. A. Adaptation of the experience of the German professional school in educational institutions of NGOs and SPO. *Specialist = Specialist*. 2005;(8). (In Russ.).

Информация об авторе

И. Ф. Каршанов — аспирант.

Information about the author

I. F. Karshanov — post-graduate student.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 35–41.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):35–41.

Научная статья
УДК 351.862.216.36 (470.333)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-35-41

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИНКЛЮЗИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Сайфутдин Зайнетдинович Кунсбаев

Уфимский колледж статистики вычислительной техники, Уфа, Россия, uksivt@uksivt.ru

Аннотация. В статье рассматриваются феномены цифровизации и инклюзивного образования в российском обществе как новейшие тенденции развития современной образовательной политики страны. Показаны основные способы цифровизации образовательной деятельности с точки зрения создания инклюзивного образовательного пространства, выделены направления цифровизации конкретной образовательной деятельности с целью оптимального воздействия на инклюзивную педагогику.

Ключевые слова: цифровизация, инклюзивное образование, образовательная политика

Для цитирования: Кунсбаев С. З. Цифровизация и инклюзия в системе современной образовательной политики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 35–41. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-35-41>.

Research article

DIGITALIZATION AND INCLUSION IN THE SYSTEM OF MODERN EDUCATIONAL POLICY

Saifutdin Z. Kunsbaev

Ufa College of Computer Science Statistics, Ufa, Russia, uksivt@uksivt.ru

Abstract. The article examines the phenomena of digitalization and inclusive education in Russian society as the latest trends in the development of the country's modern educational policy. The main ways of digitalization of educational activities are shown from the point of view of creating an inclusive educational space, the directions of digitalization of specific educational activities are highlighted in order to have an optimal impact on inclusive pedagogy.

Keywords: digitalization, inclusive education, educational policy

For citation: Kunsbaev S. Z. Digitalization and inclusion in the system of modern educational policy. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):35–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-35-41>.

Новейшее развитие российского общества, происходящее под доминирующим влиянием ведущих тенденций всей современной цивилизации, осуществляется в условиях масштабного воздействия феномена цифровизации на основные направления экономики, в том числе — на систему образования.

Одновременно в современной российской педагогике активно разрабатывается и вне-

дряется в практику концепция инклюзивного образования и воспитания, особенно в связи с переходом отечественного образования на согласование в этом смысле с мировыми стандартами и подходами.

Применительно к феномену цифровизации в различных сферах современного отечественного народного хозяйства становятся общеупотребительными понятия «цифровая

экосистема», «цифровая среда», «цифровое сообщество», «цифровая экономика», «цифровизация образования». Понимая и принимая этот вызов современного этапа развития человечества, политическое руководство Российской Федерации разработало и реализует на практике основополагающие стратегические и нормативные документы, призванные стимулировать развитие данного направления общественной эволюции. Например, еще в 2011 году была принята к исполнению Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», которая затем дополнялась и изменялась. Уже в 2016 году начал реализовываться федеральный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», утвержденный Правительством Российской Федерации в рамках реализации государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы. Наконец, в 2017 году Президент Российской Федерации В. В. Путин утвердил своим указом «Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [1].

К реализации концепции инклюзивного образования в отечественной науке и политической практике приступили, в силу определенных исторических причин, несколько позже, чем за пределами нашей страны. При этом здесь также повторяется зарубежная ситуация, которая во многом осложняет осуществление единой государственной политики в реализации этого направления педагогической деятельности. Считается, что в нашей стране (в рамках обновленного российского государства) нормативно, то есть за пределами общественных дискуссий, проблема инклюзивного образования начала разрабатываться в таких отечественных законодательных документах, как: письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 апреля 2008 г. N АФ-150/06 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами» [2]; национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», представленная Президентом Российской Федерации в 2008 году [3]; Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 «О на-

циональной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [4] и более поздних документах.

Диахронный анализ постсоветской эволюции политики инклюзивного образования позволяет выделить три основных этапа в развитии этого процесса. Первый этап (с 1992 по 2007 годы), на наш взгляд, начинается с образования суверенного российского государства и распада Советского Союза, а выражается в текстах его базовых нормативных документов, в том числе: Закона Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» [5]; Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [6]; Федерального закона от 24.06.1998 № 124 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7] и Закона Российской Федерации от 02.06.1999 «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)» [8]. Таким образом, первый этап развития политики инклюзии в нашей стране начался с периода деидеологизации образования в целом и создания предпосылок для создания современной системы инклюзивного образования, с применением стандартов, выработанных мировым сообществом.

На втором этапе (с 2008 по 2012 годы) завершается создание специальной нормативной базы политики инклюзивного образования в стране (письмо Минобрнауки Российской Федерации от 18.04.2008 № АФ-150/06 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами» [2], национальная образовательная инициатива «Наша новая школа») [3]. Россия ратифицирует международные документы в этой области. 24 сентября 2008 г. Российская Федерация подписала Конвенцию о правах инвалидов, а в декабре 2010 г. Государственная Дума Российской Федерации приступила к практической работе по изменению российского законодательства в целях приведения его в соответствие с Конвенцией о правах инвалидов в рамках подготовки к ратификации Конвенции. Наконец, на этом этапе понятие инклюзивного образования закрепляется в основном законе, регулирующем образовательную деятельность. В п. 27 ст. Федерального закона № 273-ФЗ

«Об образовании в Российской Федерации» впервые в федеральном законодательстве инклюзивное образование трактуется как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [9].

Наконец, на третьем этапе, который начинается хронологически с 2012 года и продолжается по сей день, продолжается совершенствование нормативно-законодательной базы политики инклюзивного образования (Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [10]) и происходит интенсивная реализация данного направления образовательной деятельности на всех уровнях обучения.

Как известно, в рамках реализации «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» предполагается «модернизировать систему образования и профессиональной подготовки, привести образовательные программы в соответствие с нуждами цифровой экономики, широко внедрить цифровые инструменты учебной деятельности и целостно включить их в информационную среду, обеспечить возможность обучения граждан по индивидуальному учебному плану в течение всей жизни — в любое время и в любом месте» [1]. При этом, как справедливо отмечают некоторые эксперты, «система образования должна обеспечивать обществу уверенный переход в цифровую эпоху, ориентированную на рост производительности, новые типы труда, потребности человека, что возможно посредством включения в образовательный процесс всех слоев населения, выстраивания индивидуальных маршрутов обучения, управления собственными результатами обучения, виртуальную и дополненную реальность. А цифровые ресурсы, применяемые сегодня в повседневной деятельности человека, позволяют преодолевать барьеры традиционного обучения: темп освоения программы, выбор педагога, форм и методов обучения» [11].

Нам представляется, что последний вывод имеет наибольшее и особенное значение применительно к такому важному направле-

нию современной образовательной системы, как профессиональное инклюзивное образование. Дело в том, что цифровые технологии в образовании, по своей сути, или по, так сказать, своему определению, призваны решать основные проблемы, стоящие перед недавно вошедшим в отечественную политическую теорию и практику инклюзивным образованием. Определяется это следующими условиями.

Во-первых, как обоснованно отмечают некоторые специалисты, в образовании, несмотря на интенсивную разработку данной проблематики, пока нет устоявшегося определения понятия «цифровизация». Однако в него включают использование в обучении больших данных о процессе освоения отдельным учащимся отдельных дисциплин и во многом автоматической адаптации учебного процесса на их основе; использование виртуализации, дополненной реальности и облачных вычислений и многие другие технологии. При этом система цифрового образования включает в себя информационные ресурсы (гиперколлекции: медиа, видео, аудио, библио, фото, графика, анимации; информационные массивы данных, образовательные порталы, интернет-сайты), телекоммуникации (сетевые и мобильные среды, СМИ, телевидение, телефония, телемосты, хостинг, почтовые сервисы), систему управления (авторизация пользователей, тестирование, контент, рейтинги, личное и коллективное информационное пространство: сайт, блог, чат, форум, почта, база данных) [12].

Таким образом, весь этот набор перечисленных цифровых технологий позволяет на современном этапе осуществлять очень эффективную инклюзию в образовательный процесс учащихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Как отмечается в утвержденном недавно Правительством Российской Федерации паспорте приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда», создание условий для системного повышения качества и расширения возможностей непрерывного образования будет реализовано за счет цифрового образовательного пространства, доступности онлайн-обучения и направлено на возможность организации смешанного обучения, выстраивания индивидуальных образовательных маршрутов обуче-

ния, самообразование, семейное и неформальное образование [13].

Во-вторых, само развитие современных информационных технологий, как показывает мировая практика, формирует фактор доступности информационной среды для обучающихся с ОВЗ, а следовательно — дополнительные возможности для их образования и будущего трудоустройства. Как отмечается в международных документах, для преодоления эксклюзии сейчас создаются новейшие адаптивные технологии, усиливающие и альтернативные способы общения. В зависимости от вида и степени инвалидности ИТ-промышленность предлагает специальные технические средства — тактильные и аудиодисплеи для незрячих пользователей, мониторы и принтеры Брайля, различные модификации клавиатур и манипуляторов для людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, специализированные мыши для людей с нарушениями слуха и речи, специальное программное обеспечение синтеза речи, позволяющее инвалидам по зрению использовать глобальную сеть Интернет в повседневной жизни. В результате, инвалиды все активнее включаются в информационную среду, формируя инклюзивное общество. Итогом такой интеграции постепенно становится изменение социального подхода к пониманию инвалидности. Отношение социума к людям с ОВЗ становится более позитивным, стираются барьеры, разрушаются стереотипы и предрассудки, формируется нравственная составляющая инклюзивного общества [14].

В-третьих, конечно же цифровизация системы профессионального образования с целью повышения его инклюзивных характеристик потребует мобилизации дополнительных финансовых, организационных, методических и прочих усилий для ее осуществления. На наш взгляд, наибольшие трудности возникнут в трех основных направлениях образовательной деятельности, а следовательно — потребуют разработки и реализации соответствующих подпрограмм.

Прежде всего — это создание соответствующей, наиболее передовой и совершенной электронно-технологической инфраструктуры образовательного процесса, при этом — по-

стоянно обновляемой в соответствии с новейшими достижениями современной науки и техники. Понятно, что для создания данной инфраструктуры потребуется совершенно иной уровень финансирования. Данное финансирование необходимо и вполне возможно осуществлять не только за счет бюджетных ресурсов всех уровней, но и, например, посредством государственно-частного партнерства.

Следующей, на наш взгляд, наиболее важной проблемой является необходимость наличия соответствующей научно-методической подготовки педагогического состава. При этом у этой проблемы существуют два аспекта. С одной стороны, цифровизация образования напрямую зависит от уровня владения цифровыми технологиями педагога с целью их продуктивного применения в образовательной деятельности. То есть применительно к педагогам резко возрастает необходимость формирования у них умения ориентироваться в потоке цифровой информации, работать с ней, обрабатывать и встраивать в новую технологию. Это создаст дополнительные сложности, принимая во внимание образовательные и возрастные особенности современных преподавателей среднего профессионального образования [12]. С другой стороны, принципиально меняется сама концепция образовательного процесса, основные положения ее методики, которая перестает быть традиционной. В корне преобразуется сама педагогическая сущность профессии преподавателя, который из учителя-воспитателя превращается в тьютора, в «образовательно-куратора», к которому учащиеся будут обращаться лишь при необходимости. Таким образом, цифровая среда требует от педагогов другой ментальности, совершенно иного способа и форм работы с обучающимися. Это создает дополнительные психолого-педагогические проблемы в преподавательской деятельности [15].

Наконец, еще одним важнейшим трудно преодолеваемым аспектом реализации процесса цифровизации с целью наполнения профессионального образования инклюзивным содержанием выступает то, что учащиеся с ОВЗ практически подавляющую часть информации и выработки профессиональных

компетенций будут получать посредством современных онлайн и офлайн технологий. Данная проблема также имеет амбивалентный характер. Например, доказано, что в цифровой среде дети различного возраста адаптируются довольно быстро и безболезненно, формируя первоначальные «цифровые» навыки и умения для последующего их развития. Этот вывод справедлив и в отношении детей с ОВЗ. Однако, как показывают специальные исследования, активное использование детьми с ОВЗ мировых коммуникационных сетей приводит к Интернет-аддикции, патологической увлеченности глобальной сетью и стремлению к замещению реальной жизни виртуальной. Причем для детей с ОВЗ этот процесс имеет более болезненные последствия, чем для здоровых, в связи с тем, что им значительно труднее возвращаться к реальной жизни из виртуальной по причине того, что для них интернет является основным способом имею-

щегося дефицита коммуникационного взаимодействия [16].

Таким образом, вышеприведенный анализ показывает, что цифровизация и инклюзивное образование как новейшие тенденции развития современной образовательной политики стали одним из важнейших факторов педагогического процесса в российском обществе, в особенности в системе профессионального образования. При этом многие особенности применения цифровых технологий в образовании вполне согласуются с ведущими требованиями реализации инклюзии. В то же время во взаимодействии этих двух феноменов возникают и некоторые противоречия, приводящие к коллизиям. Именно поэтому научное и экспертное сообщества обязаны разрабатывать такие педагогические технологии, которые способны оптимизировать с точки зрения гармонизации профессионального образования возникающие разнонаправленные векторы.

Список источников

1. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» : Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>
2. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 апреля 2008 г. N АФ-150/06 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами» // Консорциум Кодекс : Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902122269>
3. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» : утверждена Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 4 февраля 2010 г. N Пр-271 // Консорциум Кодекс : Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902210953>
4. «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» : Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418>
5. «Об образовании» : Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 : утратил силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/
6. «Конституция Российской Федерации» : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
7. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» : Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ : принят Государственной Думой 3 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 9 июля 1998 г. : последняя редакция // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/
8. «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)» : Федеральный закон : принят Государственной Думой 2 июня 1999 г. // Яндекс документы : сайт. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1670392045&tid=ru&lang=ru&name=FZ_ob_obrazovanii_lic_s_ogr_vozm_.doc&text
9. «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ : принят Государственной Думой 21 декабря 2012 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г. : последняя редакция // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

10. «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»: Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418>
11. Главный тренд российского образования — цифровизация // Учительская газета: сетевое издание. URL: <http://www.ug.ru/article/1029>. Дата публикации: 23.01.20218.
12. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б., Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.
13. «Паспорт приоритетного проекта "Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации"»: утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 № 9 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216432/
14. Бухтиярова И. Н. Информационные технологии как фактор развития современного инклюзивного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 118–121.
15. Наталия Булгакова. Меняйся или уходи. Цифровое образование бросает вызов преподавателям вузов // Поиск: сайт. URL: <https://poisknews.ru/magazine/31969/>
16. Inva.tv: сайт для инвалидов. URL: <http://inva.tv/>

References

1. "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030": Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203. President of Russia: official site. (In Russ). Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>
2. Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated April 18, 2008 N AF-150/06 "On the creation of conditions for the education of children with disabilities and children with disabilities". Codex Consortium: Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical documents. (In Russ). Available from: <https://docs.cntd.ru/document/902122269>
3. National educational initiative "Our new school": approved by the President of the Russian Federation D. Medvedev on February 4, 2010 N Pr-271. Consortium Code: Electronic fund of legal and regulatory documents. (In Russ). Available from: <https://docs.cntd.ru/document/902210953>
4. "On the National Strategy for Action in the Interests of Children for 2012–2017": Decree of the President of the Russian Federation dated June 1, 2012 No. 761. President of Russia: official site. (In Russ). Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418>
5. "On Education": Law of the Russian Federation dated 10.07.1992 No. 3266-1: invalidated. ConsultantPlus: site. (In Russ). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/
6. "The Constitution of the Russian Federation": adopted by popular vote on December 12, 1993: with changes approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. ConsultantPlus: site. (In Russ). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
7. "On the basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation": Federal Law dated July 24, 1998 No. 124-FL: adopted by the State Duma on July 3, 1998: approved by the Federation Council on July 9, 1998: latest version. ConsultantPlus: site. (In Russ). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/
8. "On the education of persons with disabilities (special education)": Federal law: adopted by the State Duma on June 2, 1999. Yandex documents: site. (In Russ). Available from: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1670392045&tld=ru&lang=ru&name=FZ_ob_obrazovanii_lic_s_ogr_vozm_.doc&text
9. "On Education in the Russian Federation": Federal Law dated December 29, 2012 No. 273-FL: adopted by the State Duma on December 21, 2012: approved by the Federation Council on December 26, 2012: latest edition. ConsultantPlus: site. (In Russ). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
10. "On the National Strategy for Action in the Interests of Children for 2012–2017": Decree of the President of the Russian Federation dated June 1, 2012 No. 761. President of Russia: official site. (In Russ). Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418>
11. The main trend of Russian education is digitalization. *Uchitel'skaya gazeta = Teacher's newspaper*: online edition. (In Russ). Available from: <http://www.ug.ru/article/1029>. Publication date: 01/23/20218. (In Russ).
12. Nikulina T. V., Starichenko E. B., Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2018;(8):107–113. (In Russ).
13. "Passport of the priority project "Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation": approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development

and Priority Projects, protocol dated 10.25.2016 No. 9. ConsultantPlus: site. (In Russ). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216432/

14. Bukhtiyarova I. N. Information technologies as a factor in the development of a modern inclusive society. *Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2015;(6-1):118–121. (In Russ).

15. Natalia Bulgakova. Change or leave. Digital education challenges university teachers. Search: site. (In Russ). Available from: <https://poisknews.ru/magazine/31969/>

16. Inva.tv: site for the disabled. URL: <http://inva.tv/>

Информация об авторе

С. З. Кунсбаев — кандидат педагогических наук, директор.

Information about the author

S. Z. Kunsbaev — Candidate of Science (Pedagogical), Director.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 42–49.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):42–49.

Научная статья

УДК 378.046.4

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-42-49

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ПРОГРАММ ОБУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОТРУДНИКОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОМПАНИИ

Виктория Владимировна Тонконог¹, Полина Игоревна Ананченкова²

¹Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, Новороссийск, Россия, vikatonkonog79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6526-3678>

²Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия, ananchenkova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1791-1292>

Аннотация. Корпоративное, или внутрифирменное обучение, как практика развития персонала, обеспечения актуальных знаний и навыков сотрудников имеет давние традиции и историю развития. Коммерческие компании, занимающие лидирующее положение на соответствующих рынках, традиционно инвестируют существенную часть прибыли в программы обучения и развития сотрудников, поскольку именно рабочая сила выступает важным фактором конкурентоспособности и устойчивости компаний как в текущей, так и стратегической перспективе. Профессиональное обучение и повышение квалификации работников является насущной задачей развития персонала в современных экономических условиях, поскольку скорость смены технологий, глобальные тренды цифровизации, а также другие вызовы обуславливают необходимость быстрого реагирования. Компании, неспособные к оперативному воспроизводству профессиональных компетенций сотрудников, постепенно утрачивают конкурентные позиции на рынке. Цель настоящей работы — рассмотреть основные преимущества, которые обеспечивает компания продуманная и системная работа по внутрифирменному обучению сотрудников.

Ключевые слова: обучение, развитие, персонал, кадровая политика, внутрифирменное обучение, корпоративное образование

Для цитирования: Тонконог В. В., Ананченкова П. И. Влияние корпоративных программ обучения и развития сотрудников на эффективность компании // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 42–49. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-42-49>.

Research article

THE IMPACT OF CORPORATE EMPLOYEE TRAINING AND DEVELOPMENT PROGRAMS ON THE COMPANY'S EFFICIENCY

Victoria V. Tonkonog¹, Polina I. Ananchenkova²

¹Admiral F. F. Ushakov State Maritime University, Novorossiysk, Russia, vikatonkonog79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6526-3678>

²Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia, ananchenkova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1791-1292>

Abstract. Corporate or in-firm training, as a practice of personnel development, providing relevant knowledge and skills of employees has a long tradition and history of development. Commercial companies that occupy a leading position in their respective markets traditionally invest a significant part of their profits in employee training and development programs, since it is the workforce that is an important factor in the competitiveness and sustainability of companies both in the current and strategic perspective. Professional training and advanced training of employees is an urgent task of personnel development in

modern economic conditions, since the speed of technology change, global trends in digitalization, as well as other challenges necessitate a rapid response. Companies that are unable to promptly reproduce the professional competencies of employees are gradually losing their competitive positions in the market. The purpose of this work is to consider the main advantages that thoughtful and systematic work on in-firm employee training provides to companies.

Keywords: training, development, personnel, personnel policy, in-firm training, corporate education

For citation: Tonkonog V. V., Ananchenkova P. I. The impact of corporate employee training and development programs on the company's efficiency. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologii) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):42–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-42-49>.

Цифровизация экономики требует пересмотра стратегий компаний, их адаптации к меняющейся социальной, экономической и технологической реальности, в том числе — в рамках кадровой политики и системы управления персоналом.

Понятие обучения и развития как инструмента корпоративных систем профессионального роста персонала в рамках кадровой политики многих компаний присутствует уже много лет. Доступ к обучению, который сначала рассматривался как щедрый жест со стороны работодателей, становится все более и более важным для благополучия сотрудников и производительности компании. Это привело к тому, что обучение и развитие стали ключевой частью бизнес-стратегии с наибольшей отдачей от инвестиций, поскольку они улучшают бизнес сверху донизу.

Между этими двумя терминами, часто упоминаемыми вместе, есть небольшая разница, которая может помочь понять будущие преимущества, которые они приносят. Если оба термина содержат идею улучшения знаний и/или навыков, конечная цель каждого из них несколько отличается. Основная цель обучения — лучше выполнять свою текущую работу, в то время как основная цель развития — противостоять будущим вызовам и/или развивать карьеру.

Три основные причины, по которым сотрудник желает пройти обучение, — это либо новая роль, сохранение своей текущей должности (в связи с развитием отрасли), либо карьерный рост (продвижение по службе). Таким образом, основная выгода, которую видят сотрудники, — это развитие или приобретение новых жестких и мягких навыков, которые помогут им удовлетворить одну из указанных потребностей. Эта выгода напрямую влияет на

эффективность и производительность компании. Сотрудник, стремящийся развивать свои компетенции, делает компанию более гибкой в условиях быстрых изменений.

В дополнение к очевидным преимуществам обучения и развития, существует широкий спектр менее очевидных преимуществ, которые положительно влияют на индивидуальное благополучие и, следовательно, косвенно на производительность компании. Если верно, что самым большим активом компании являются ее сотрудники, то любой бизнес, достаточно осведомленный, чтобы действовать соответствующим образом, инвестируя в своих сотрудников, несомненно, получит вознаграждение. Сотрудник, который заботится о своей работе и компании, скорее всего, будет более продуктивным.

Кроме того, сотрудник, которому предлагается возможность обучения и развития новых навыков, будет чувствовать себя более ценным. В свою очередь, работник, чувствующий, что его ценят, более мотивирован и меньше думает о своей работе, как о рутине, что способствует меньшему количеству пропусков и инцидентов.

Учитывая нынешнюю атмосферу недовольства людей своими работодателями, удержание сотрудников, несомненно, занимает важное место в повестке дня многих организаций. Неудивительно, что одной из возможных причин отсутствия лояльности по отношению к работодателям является нехватка возможностей для роста внутри компании.

В условиях глобальных технологических преобразований обучение персонала, воспроизводство необходимых профессиональных навыков и компетенций посредством программ корпоративного обучения актуализируется и становится основной задачей кадрового

менеджмента, обеспечивающего конкурентоспособность не только персонала, но и компании в целом.

Тщательно продуманная стратегия развития сотрудников важна на всех уровнях иерархической структуры компании. Правильная реализация программ обучения и развития обеспечивает компании ряд стратегических преимуществ, в том числе, следующих:

1. Повышение производительности.

Чтобы компании оставались конкурентоспособными в своей нише, организация должна продолжать опережать конкурентов. Развитие персонала может помочь организации оправдать ожидания и даже превзойти их.

В отчете CSO Insights (исследовательское подразделение Miller Helman Group) за 2017 год, посвященном влиянию развития сотрудников на производительность, показано, как развитие менеджеров по продажам может значительно улучшить показатели эффективности, такие как достижение плана продаж, выручки и пр. В некоторых случаях инвестирование всего лишь \$ 500 в развитие сотрудни-

ков приносило 46,1%-ное повышение производительности труда, в то время как инвестиции в размере \$ 5000 обеспечивало рост производительности в объеме 51,4 % (рис. 1).

2. Адаптивность к изменениям.

Сегодняшняя деловая среда — это постоянные изменения, которые выступают не только источником организационных и прочих проблем, но и при правильном подходе открывают ранее неожиданные возможности. Поэтому крайне важно, чтобы рабочая сила могла быстро и эффективно справляться с постоянно меняющимися условиями экономической и бизнес конъюнктуры.

Сотрудники, способные быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, обладают большей гибкостью мышления и эмоциональным интеллектом, что позволяет им не испытывать стресса адаптации к изменениям и обеспечивать постоянный, неснижаемый уровень качества и производительности труда.

3. Привлечение новых сотрудников за счет развитой внутренней системы развития персонала.

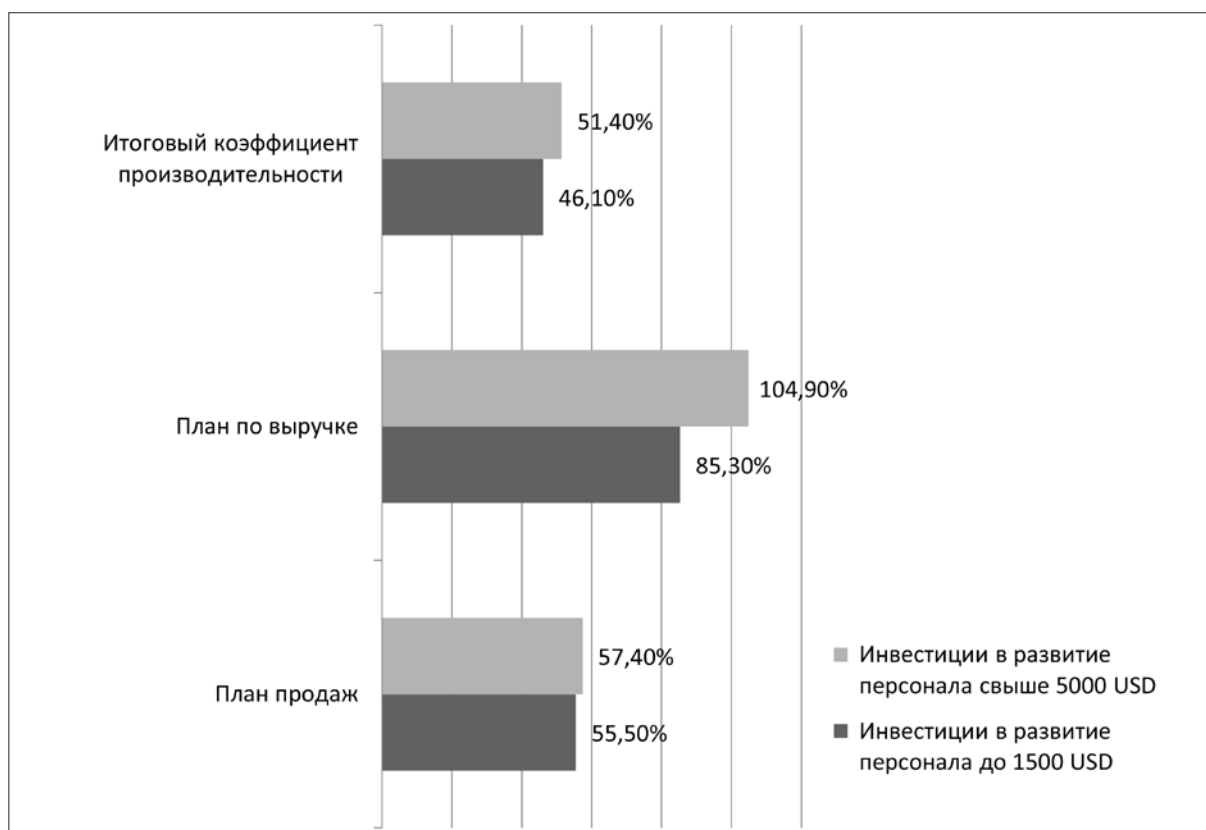

Рисунок 1 — Вложения в развитие менеджеров по продажам и их влияние на результативность работы [1]

Figure 1 — Investments in the development of sales managers and their impact on performance [1]

Согласно исследованию ATD Research (анкетный опрос 832 лидеров по развитию талантов, участники которого были примерно поровну разделены между национальными и многонациональными или глобальными организациями; почти две трети представляли предприятия с численностью работников более 1000 человек), компании более конкурентоспособны и гибки, а их рабочая сила более вовлечена, когда существует культура обучения и обмена знаниями в организации [2].

В высокоэффективных организациях сотрудники обмениваются знаниями со своими коллегами в четыре раза чаще, чем работники менее эффективных фирм. Эта коммуникация поддерживается вознаграждением работников за обучение, предоставлением инструментов и ресурсов для создания и обмена учебным контентом, а также превращением обмена знаниями в ожидаемую производительность на всех организационных уровнях.

Культура обучения коренится в процессе найма. Согласно исследованию, 22 % всех опрошенных в процессе интервьюирования кандидатов на должность ведут подобные беседы о существующей в компании системе обучения и развития персонала.

4. Сокращение расходов на найм и адаптацию новых сотрудников.

Инвестирование в собственные программы повышения квалификации сотрудников важно для обеспечения стабильности деятельности компании. Однако, и в стратегической перспективе вложения в развитие персонала обладают большей отдачей (ROI), чем затраты на поиск новых.

В 2018 году крупнейшая телефонная компания Соединенных Штатов Америки AT&T обнаружила, что только 50 % из 250 000 ее сотрудников обладают достаточными навыками, чтобы вести компанию в будущее. В результате руководство компании приступило к программе переподготовки персонала стоимостью 1 млрд долларов, которые, по мнению менеджмента, дадут большую отдачу, чем найм новых сотрудников с необходимыми навыками.

Компания выяснила, что средняя стоимость замены работника, не обладающего необходимыми навыками, составляет около 21 % от зарплаты этого работника. А по мере

роста базовой оплаты труда работников растут и затраты на их замену — что делает переподготовку гораздо более рентабельным вариантом [3].

5. Создание кадрового резерва и формирование управленческих команд и «своих» сотрудников.

Резерв лидеров — неотъемлемая часть кадровой политики компании, которая стремится к устойчивому развитию в долгосрочной перспективе. Однако лидерские навыки редко формируются за счет формального обучения в образовательных учреждениях. Они, скорее, возникают в процессе реальной работы с реальными коллективами. Совместная работа формирует систему формальных и неформальных связей и показателей, достаточных для образования лидера — человека, чей авторитет возвышается среди остальных в силу личностных характеристик и нередко никак не связан с базовым образованием и формальной должностной позицией.

Сильные лидеры в коллективе — это показатель зрелости менеджмента компании, поскольку тесный тандем формального и неформального лидера обеспечивает синергетический эффект на всех уровнях взаимодействия управляющего и управляемого звена.

Согласно исследованиям Bersin by Deloitte, организации с сильным лидерством демонстрируют 37 %-й рост выручки на одного сотрудника и 9 %-й рост валовой прибыли [4].

Показатели финансовой эффективности в организациях с низкой и высокой степенью зрелости топ-менеджмента представлены в таблице 1.

При этом в исследовании в качестве методологического пояснения отмечается, что эффекты значительны при 95 %-м доверительном уровне. Организация классифицируется как имеющая «низкую зрелость», если ее совокупный балл находится в пределах нижних 50 % среди всех организаций, включенных в это исследование. Организация классифицируется как имеющая «высокую зрелость», если ее совокупный балл находится в пределах 50 % лучших среди всех организаций, включенных в это исследование.

6. Повышение вовлеченности и мотивации сотрудников.

Таблица 1 — Финансовая эффективность организаций с различными степенями зрелости управленческого звена [4].

Показатель финансовых результатов деятельности	Выручка на одного работника	Валовая маржа
Среднее значение для организаций с низким уровнем зрелости	402,35	43 %
Среднее значение для организаций с высокой степенью зрелости	551,65	47 %
Разница в показателях деятельности организаций с высокой степенью зрелости и низкой степенью зрелости	+37 %	+9 %

Только 12 % сотрудников уходят на новую работу исключительно потому, что им предлагается более высокая зарплата. Многие сотрудники стремятся получить признание за свои усилия и вклад в развитие компании — не обязательно повышение — и гораздо больше удовлетворены работой в компаниях, которые практикуют своевременную обратную связь и похвалу [5].

Исследования Института Дейла Карнеги показывают, что «высоко вовлеченная рабочая сила может привести к исключительному повышению производительности труда — до 202 %. А 85 % руководителей считают, что вовлечение сотрудников в принятие решений является стратегическим приоритетом развития компании» [6].

7. Обеспечение лояльности и снижение текучести кадров.

По данным Amdocs, 64 % людей уволились бы со своей работы, если бы у них не было доступа к обучению и развитию. Это включает в себя отсутствие роста и плохое обучение внутри организации (рис. 2).

Создавая позитивную траекторию карьерного роста, компании могут значительно сократить текучесть кадров и затраты на найм (измеряемые как во времени, так и в деньгах), которые намного превышают выгоды от разработки бизнес-стратегий по удержанию талантов. В нынешний период Великой отставки доступ к обучению и развитию становится необходимым, поскольку 56 % людей, опрошенных Amdocs, нуждаются в дополнительном обучении и развитии карьеры в 2022 году.

Более того, поощряя внутреннее продвижение, приращенных будущих лидеров можно

воспитать так, чтобы они брали на себя больше ответственности и требовали меньше контроля благодаря своим навыкам и опыту работы в организации.

Сотрудник, который видит, что компания инвестирует в его будущее, будет готов использовать вновь приобретенные навыки для ее развития. Это естественным образом поощряет творчество и инновации в командах, улучшает бизнес-продукты, услуги и процессы и, следовательно, увеличивает конкурентные преимущества.

Кроме того, довольные и мотивированные сотрудники естественным образом способствуют хорошему имиджу компании через «сарафанное радио» и социальные сети. Компания, которая ценит культуру обучения и развития, также привлечет лучшие таланты при приеме на работу. По данным Amdocs, 90 % соискателей считают возможность обучения и роста в компании важной при принятии решения о подаче заявления и/или принятии предложения. Четкое представление о возможностях обучения и развития на этапе адаптации познакомит новичка с культурой компании и побудит его работать лучше и усерднее благодаря глубокому пониманию перспектив роста.

Поскольку задачи меняются, рабочие места должны быть переопределены, и компании говорят, что им нужно будет стать более гибкими. Самостоятельная работа, скорее всего, будет расти. Лидерство и человеческие ресурсы также должны будут адаптироваться: почти 20 % компаний говорят, что их руководящей команде не хватает достаточных знаний, чтобы возглавить внедрение

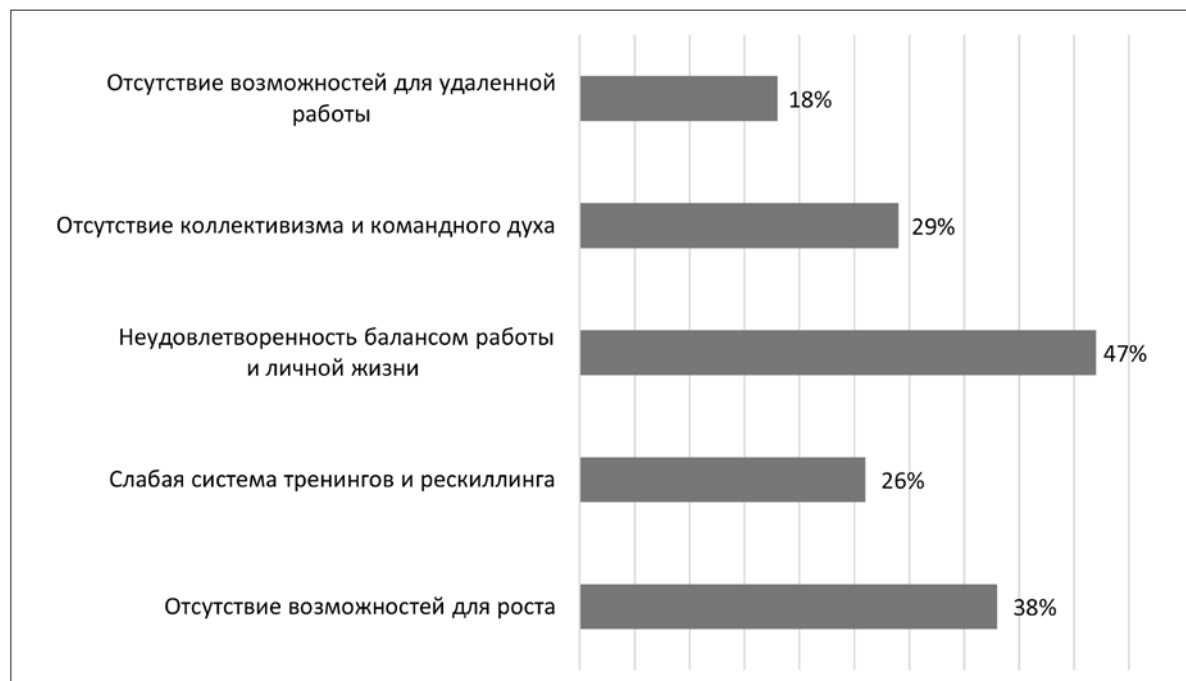

Рисунок 2 — Распределение ответов на вопрос «Почему Вы хотите уволиться со своей работы?» [7]

Figure 2 — Distribution of answers to the question "Why do you want to quit your job?" [7]

автоматизации и искусственного интеллекта. Почти каждая третья фирма обеспокоена тем, что отсутствие навыков, необходимых им для внедрения автоматизации, негативно скажется на их будущих финансовых показателях.

Отдача от инвестиций не всегда положительная, поскольку обучение — это не решение всех проблем внутри организации, а скорее вариант, который следует рассматривать, когда есть реальная необходимость и цель. Многие крупные компании, как правило, вкладывают значительные средства в обучение и развитие, ожидая высокой отдачи от инвестиций. Тем не менее, подход к обучению без глубокого понимания текущих навыков и четкого объяснения целей и видения бизнеса будет неэффективным и непригодным для компании и сотрудников. Например, низкая производительность со стороны сотрудника может быть вызвана непониманием задачи, недостатком инструментов или отсутствием качественного управления. Другими словами, сотрудник может обладать навыками для выполнения своей работы, но не иметь подходящих инструментов (программного обеспечения, машин и т. д.), чтобы быть эффективным.

Понимание целей развития имеет решающее значение для компании, чтобы предложить правильный тип обучения нужным людям с наилучшим методом доставки. Для того чтобы обучение было наиболее эффективным, необходимо соблюдать все три условия. Тот, кто проходит теоретические учебные курсы, не имея возможности реализовать это на практике, является примером плохого метода доставки, даже если правильное обучение проводится нужным людям. В результате, чтобы тренинги оказали положительное влияние на компанию, они не всегда должны предлагаться руководством, инициатива об их проведении также должна исходить и от самих сотрудников. Сотрудники лучше понимают свои потребности в отношении своих ролей, профессиональных амбиций и эволюции рынка, и поэтому их следует поощрять к созданию собственного плана обучения и развития.

Конкуренция за высококвалифицированных работников будет усиливаться, в то время как перемещение будет сосредоточено главным образом на низкоквалифицированных работниках, продолжая тенденцию, которая усугубляет неравенство доходов и сокращает рабочие места со средней зарплатой. Компании говорят, что высококвалифицированные

работники, скорее всего, будут наняты и переподготовлены, а в последствии им будет повышена и заработная плата.

Фирмы, находящиеся на переднем крае внедрения автоматизации, рассчитывают привлечь таланты, в которых они нуждаются, но менее оперативные структуры опасаются, что их возможности будут более ограниченными. Лидеры бизнеса все чаще и чаще заявляют, что готовы взять на себя ведущую роль в создании рабочей силы будущего, но все заинтересованные стороны должны будут работать вместе, чтобы справиться с крупномасштабной переподготовкой и другими проблемами переходного периода в будущем.

Компании могут сотрудничать с преподавателями для изменения образовательных программ в университетах и колледжах. Отраслевые ассоциации могут помочь создать каналы воспроизводства талантов, в то время как профсоюзы могут помочь в межотраслевой мобильности. Правительствам необходимо бу-

дет усилить гарантии для работников в переходный период и поощрять мобильность, поскольку в новую эпоху меняются способы работы и само рабочее место.

Обучение и развитие становятся все более и более неотъемлемой частью корпоративной культуры. Существует причинно-следственная связь: доступ к обучению создает ценное чувство для сотрудников, которые в результате будут более мотивированы и продуктивны, что в конечном итоге положительно скажется на прибыли и имидже бренда бизнеса. Повышение сотрудниками своей квалификации посредством обучения и развития позволит им лучше реагировать на новые потребности рынка в рамках отрасли компании, а также поможет компании сохранить свои конкурентные преимущества. Однако это возможно только в том случае, если для работников организованы соответствующие тренинги благодаря предварительному пониманию потребностей и тесному сотрудничеству с ними.

Список источников

1. CSO Insights Sales Enablement Optimization Study. Littleton : Miller Heiman Group, 2017.
2. Employer-Sponsored Continuing Edu // Association for Talent Development : сайт. URL: <https://www.td.org/research-report/employer-sponsored-continuing-education>
3. AT&T's \$1 billion gambit: Retraining nearly half its workforce for jobs of the future // CNBC.com : сайт. URL: <https://www.cnbc.com/2018/03/13/atts-1-billion-gambit-retraining-nearly-half-its-workforce.html>
4. High-Impact Leadership. The New Leadership Maturity Model. Deloitte Development LLC, 2017.
5. A labor market that works: Connecting talent with opportunity in the digital age. McKinsey Global Institute, June 2015.
6. Mark Muro et al., Digitalization and the American workforce. Brookings Institution, November 2017.
7. Rechagneux A., Van Rompuy N. How does training & development impact your organization? // AION consulting.eu : сайт. URL: <https://www.aionconsulting.eu/post/how-does-training-development-impact-your-organization-1>

References

1. CSO Insights Sales Enablement Optimization Study. Littleton: Miller Heiman Group; 2017.
2. Employer-Sponsored Continuing Edu. Association for Talent Development: site. Available from: <https://www.td.org/research-report/employer-sponsored-continuing-education>
3. AT&T's \$1 billion gambit: Retraining nearly half its workforce for jobs of the future. CNBC.com: site. Available from: <https://www.cnbc.com/2018/03/13/atts-1-billion-gambit-retraining-nearly-half-its-workforce.html>
4. High-Impact Leadership. The New Leadership Maturity Model. Deloitte Development LLC; 2017.
5. A labor market that works: Connecting talent with opportunity in the digital age. McKinsey Global Institute; June 2015.
6. Mark Muro et al., Digitalization and the American workforce. Brookings Institution; November 2017.
7. Rechagneux A., Van Rompuy N. How does training & development impact your organization? AION consulting.eu : site. Available from: <https://www.aionconsulting.eu/post/how-does-training-development-impact-your-organization-1>

Информация об авторах

П. И. Ананченкова — кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом;

В. В. Тонконог — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры таможенного права.

Information about authors

P. I. Ananchenkova — Candidate of Science (Economics), Candidate of Science (Sociological), Associate Professor, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management;

V. V. Tonkonog — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Customs Law.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 50–63.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):50–63.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 323.1(470.41+470.57+470.341)

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-50-63

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ-ЛИДЕРОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Наиля Альфритовна Гареева^{1✉}, Анна Ильинична Романова²

¹Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия, gareevana5@mail.ru✉

²Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань, Россия, aisofi@kgasu.ru

Аннотация. Важнейшей составляющей экономического пространства Российской Федерации становится инновационное пространство регионов, характеризующееся наличием высокого уровня неопределенности и противоречивости происходящих социально-экономических и политических явлений. В статье представлены результаты прогнозирования инновационного развития Приволжского федерального округа и его регионов-лидеров: Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Нижегородской области с использованием синергетической модели. Выявлены основные тенденции изменения инновационных показателей Приволжского федерального округа и регионов-лидеров до 2027 года. В частности, определены прогнозные показатели объема производства инновационных товаров, затрат на инновационную деятельность, валовой прибыли от реализации инновационной продукции, инновационной активности, рентабельности инновационной деятельности. Практическое использование многофакторной синергетической модели можно рассматривать в качестве объективного инструментария для оценки инновационного развития региональных экономических систем, выявления перспективных направлений инновационной политики, важного информационного ресурса при принятии управленческих решений.

Ключевые слова: инновационное развитие, синергетическая модель, прогнозирование, регион, региональная инновационная система

Для цитирования: Гареева Н. А., Романова А. И. Прогнозирование инновационного развития регионов-лидеров Приволжского федерального округа с использованием синергетической модели // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 50–63. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-50-63>.

REGIONAL ECONOMY

Research article

FORECASTING THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF LEADING REGIONS OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT USING A SYNERGETIC MODEL

Nailya A. Gareeva^{1✉}, Anna I. Romanova²

¹V. G. Timiryasov Kazan Innovative University, Kazan, Russia, gareevana5@mail.ru✉

²Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, Kazan, Russia, aisofi@kgasu.ru

Abstract. The most important component of the economic space of the Russian Federation is the innovative space of the regions, characterized by the presence of a high level of uncertainty and inconsistency of the ongoing socio-economic and political phenomena. The article presents the results of predicting the

innovative development of the Volga Federal District and its leading regions: the Republic of Tatarstan, the Republic of Bashkortostan, the Nizhny Novgorod region using a synergistic model. The main trends in the change in innovative indicators of the Volga Federal District and the leading regions until 2027 are identified. In particular, the predictive indicators of the volume of production of innovative goods, the cost of innovative activities, gross profit from the sale of innovative products, innovative activity, and the profitability of innovative activities are determined. The practical use of a multifactorial synergetic model can be considered as an objective tool for assessing the innovative development of regional economic systems, identifying promising areas of innovation policy, and an important information resource in making managerial decisions.

Keywords: innovative development, synergetic model, forecasting, region, regional innovation system

For citation: Gareeva N. A., Romanova A. I. Forecasting the innovative development of leading regions of the Volga federal district using a synergetic model. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologii) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):50–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-50-63>.

В последнее время определенные трудности вызывает все более расширяющийся конфликтный потенциал антироссийских санкций, которые обуславливают новые вызовы, опасности, риски, угрозы инновационному развитию региональных социально-экономических систем как сложноорганизованных объектов управления. Учитывая сложный, многоаспектный характер современного развития регионов Приволжского федерального округа (ПФО) в условиях санкционных ограничений, возникают новые цели и задачи региональной экономической политики, важнейшим ориентиром которой становится активизация инновационного процесса в регионах в целях повышения уровня жизни населения и качества окружающей природной среды путем внедрения инноваций. С учетом новых вызовов особую актуальность приобретает проблема экономического прогнозирования инновационного развития регионов в условиях неопределенности и подвижности внешней среды. В настоящее время известны десятки методов прогнозирования сложноорганизованных систем, основанных на экспертных оценках, экстраполяции тенденций развития, «мозговом штурме», сценариях развития (экспертные, интуитивные, формализованные, фактографические методы) [1–4]. Данные методы могут быть использованы для повышения эффективности деятельности региональных экономических систем, однако без учета скорости окружающих развивающихся событий. Данную проблему можно решить с помощью синергетического подхода при прогнозировании показателей сложноорганизован-

ных систем, изложенного в трудах Е. И. Галеевой [5–6]. Синергетическая модель управления региональной социально-экономической системой позволяет использовать методы нелинейного моделирования для составления среднесрочных и долгосрочных прогнозов показателей их развития, для формирования на их основе различных вариантов стратегий и способствует уменьшению рисков субъективных ошибок. Множеству результатов решений нелинейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы в зависимости от ее начальных условий. На основе данной синергетической модели целесообразно определить показатели инновационного развития ПФО и его регионов-лидеров: Республики Татарстан (РТ), Республики Башкортостан (РБ) и Нижегородской области (НО) на период до 2027 года. В качестве начальных условий представлены статистические данные за 2017–2020 годы, отраженные в таблицах 1–4 [7–10].

Следуя методике, введем исходные данные (начальные условия) в синергетическую модель. Настроим синергетическую модель на колебания факторов внешней и внутренней среды с помощью интегрального информационно-энтропийного показателя — активности системы (АС) вариационным методом таким образом, чтобы рассчитанные с использованием синергетической модели региональные показатели совпадали со статистическими данными. Полученные результаты прогнозирования инновационного развития ПФО и его регионов-лидеров с помощью синергетической модели представим на рисунках 1–18.

Таблица 1 — Начальные условия для разработки прогноза инновационного развития Приволжского федерального округа

Показатели	Условное обозначение	2017	2018	2019	2020
1. Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.	X_0	1 445 640,1	1 778 685,7	1 716 539,3	1 606 414,4
2. Затраты на инновационную деятельность, млн руб.	X_4	336 919	397 324	437 296,2	516 363,6
3. Валовая прибыль от реализации инновационной продукции, млн руб.	X_9	1 108 721,1	1 381 361,7	1 279 243,1	1 090 050,8
4. Общее число организаций реального сектора экономики, ед.	X_5	746 116	721 250	671 191	634 503
5. Число организаций, осуществлявших инновационную деятельность, ед.	X_2	67 897	95 926	77 858	98 348

Таблица 2 — Начальные условия для разработки прогноза инновационного развития Республики Татарстан

Показатели	Условное обозначение	2017	2018	2019	2020
1. Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.	X_0	435 557,7	586 666	582 676,4	528 840,4
2. Затраты на инновационную деятельность, млн руб.	X_4	78 404,6	126 908,4	107 097,7	147 733,3
3. Валовая прибыль от реализации инновационной продукции, млн руб.	X_9	357 153,1	459 757,6	475 578,7	381 107,1
4. Общее число организаций реального сектора экономики, ед.	X_5	117 616	117 334	109 445	106 423
5. Число организаций, осуществлявших инновационную деятельность, ед.	X_2	26 111	25 227	19 043	26 499

Таблица 3 — Начальные условия для разработки прогноза инновационного развития Республики Башкортостан

Показатели	Условное обозначение	2017	2018	2019	2020
1. Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.	X_0	109 688,9	143 745,5	152 873,1	150 637,9
2. Затраты на инновационную деятельность, млн руб.	X_4	29 888,7	29 251,8	28 961,8	25 915,7
3. Валовая прибыль от реализации инновационной продукции, млн руб.	X_9	79 800,2	114 493,7	123 911,3	124 722,2
4. Общее число организаций реального сектора экономики, ед.	X_5	82 728	81 538	78 952	77 126
5. Число организаций, осуществлявших инновационную деятельность, ед.	X_2	6122	10 111	8 132	19 358

Таблица 4 — Начальные условия для разработки прогноза инновационного развития Нижегородской области

Показатели	Условное обозначение	2017	2018	2019	2020
1. Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.	X_0	218 802,1	246 042,6	266 444,5	276 159,9
2. Затраты на инновационную деятельность, млн руб.	X_4	94 979,2	95 618,1	155 191,2	181 801,9
3. Валовая прибыль от реализации инновационной продукции, млн руб.	X_9	123 822,9	150 424,5	111 253,3	94 358
4. Общее число организаций реального сектора экономики, ед.	X_5	94 700	88 896	83 275	78 321
5. Число организаций, осуществлявших инновационную деятельность, ед.	X_2	10 512	16 090	11 409	10 965

Прогнозные показатели количества организаций реального сектора экономики и организаций, осуществляющих инновационную деятельность в ПФО и регионах-лидерах: РТ, РБ, НО, отражены на рисунках 1, 2.

Представленные данные свидетельствуют о стабильной прогнозной динамике количества организаций реального сектора экономики (x_5) и организаций, занимающихся инновационной деятельностью (x_2) в период 2017–2027 годы. Отсутствие негативной динамики инновационных показателей в условиях санкционных ограничений может говорить в целом об устойчивости региональных инновационных систем [11–12]. Прогнозные показатели объема инновационных товаров, затрат на инновационную деятельность и валовой прибыли от реализации инновационной продукции в ПФО, РТ, РБ, НО отражены на рисунках 3 и 4.

На рисунке 3 можно наблюдать снижение объема производства инновационных товаров (x_0) в ПФО и РТ с 2018 по 2027 годы, что обусловлено постепенным сокращением затрат на инновационную деятельность (x_4) в анализируемом периоде в результате пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) и антироссийских санкций. Негативная тенденция наблюдается по показателю «валовая прибыль от реализации инновационной продукции» (x_9), в частности, в ПФО прогнозируется убыток от реализации инновационной продукции до 2027 года, в РТ на-

блюдается траектория падения показателя x_9 вплоть до 2022 года, затем показатель остается на неизменном уровне. Подобная ситуация характерна для НО и РБ. Данные рисунка 4 позволяют констатировать динамику снижения объема производства инновационных товаров (x_0) в НО с 2019 по 2027 год и в РБ с 2020 по 2027 год. Тенденция уменьшения показателя x_0 обусловлена сокращением затрат на инновационную деятельность. Прогнозная динамика показателя «валовая прибыль от реализации инновационной продукции» (x_9) в НО и РБ свидетельствуют о безубыточности инновационной деятельности в указанных регионах.

Кроме того целесообразно отметить позиции регионов-лидеров ПФО по показателю «удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг» среди субъектов Российской Федерации: РТ — 3, НО — 4, РБ — 22. По показателю «удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг» соответственно занимают следующие позиции: НО — 1, РТ — 3, РБ — 39 [13].

Далее на рисунках 5 и 6 представлена прогнозная динамика инновационной активности предприятий ПФО в целом и регионов-лидеров в частности.

Данные рисунка 5 свидетельствуют о негативной динамике показателя инновационной активности (x_7) ПФО в целом с 2018 года,

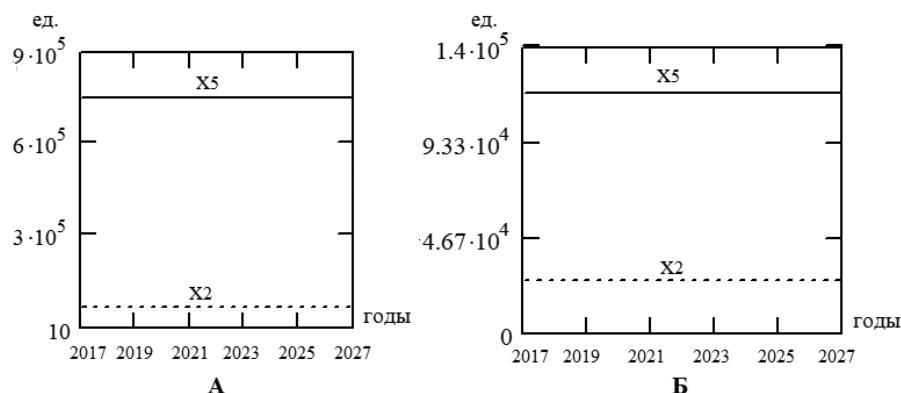

Рисунок 1 — Динамика и прогноз количества организаций реального сектора экономики и инновационных организаций в ПФО (А) и РТ (Б)

Figure 1 — Dynamics and forecast of the number of organizations in the real sector of the economy and innovative organizations in the Volga Federal District (A) and the Republic of Tatarstan (B)

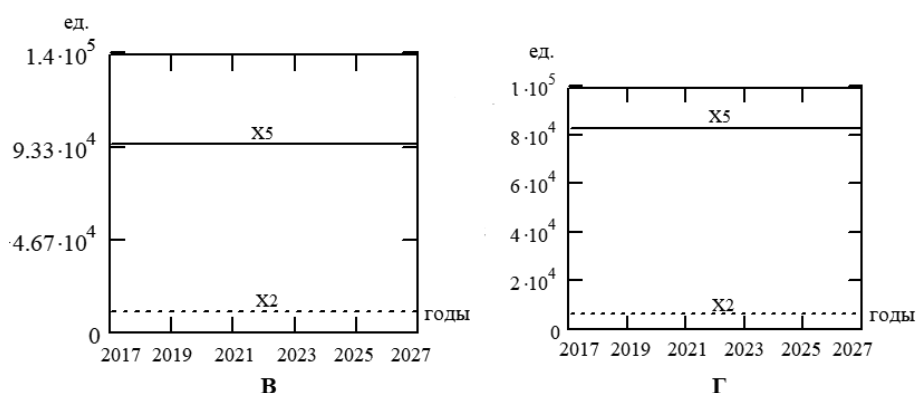

Рисунок 2 — Динамика и прогноз количества организаций реального сектора экономики и инновационных организаций в НО (Б) и РБ (Г)

Figure 2 — Dynamics and forecast of the number of organizations in the real sector of the economy and innovative organizations in the Nizhny Novgorod region (V) and the Republic of Bashkortostan (G)

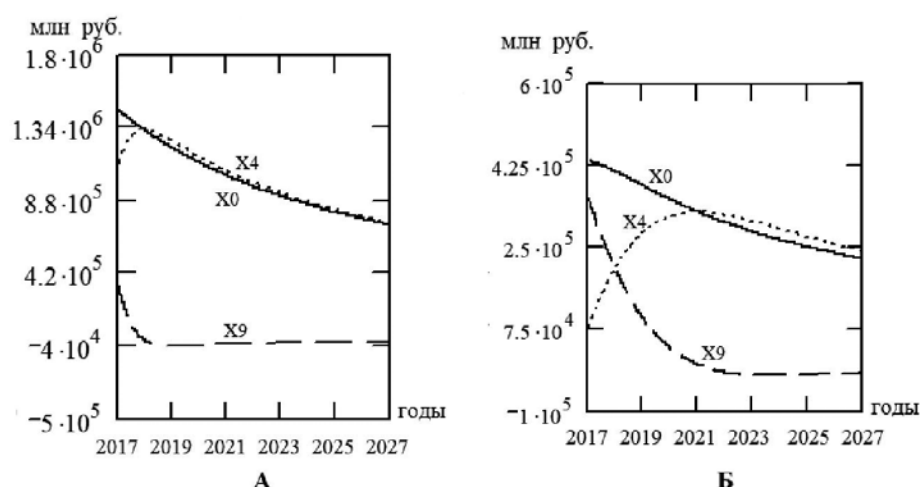

Рисунок 3 — Динамика и прогноз объема производства инновационных товаров, затрат на инновационную деятельность и валовой прибыли от реализации инновационной продукции в ПФО (А) и РТ (Б)

Figure 3 — Dynamics and forecast of the volume of production of innovative goods, costs of innovative activities and gross profit from the sale of innovative products in the Volga Federal District (A) and the Republic of Tatarstan (B)

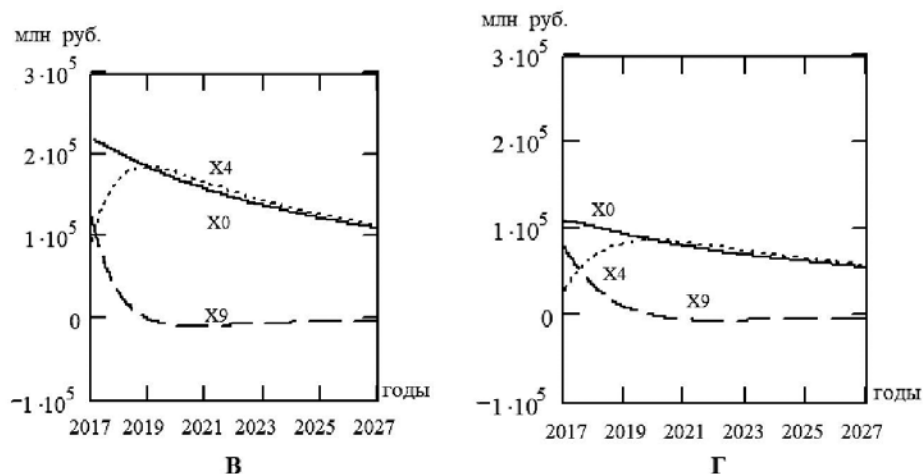

Рисунок 4 — Динамика и прогноз объема производства инновационных товаров, затрат на инновационную деятельность и валовой прибыли от реализации инновационной продукции в НО (В) и РБ (Г)

Figure 4 — Dynamics and forecast of the volume of production of innovative goods, costs of innovative activities and gross profit from the sale of innovative products in the Nizhny Novgorod region (V) and the Republic of Bashkortostan (G)

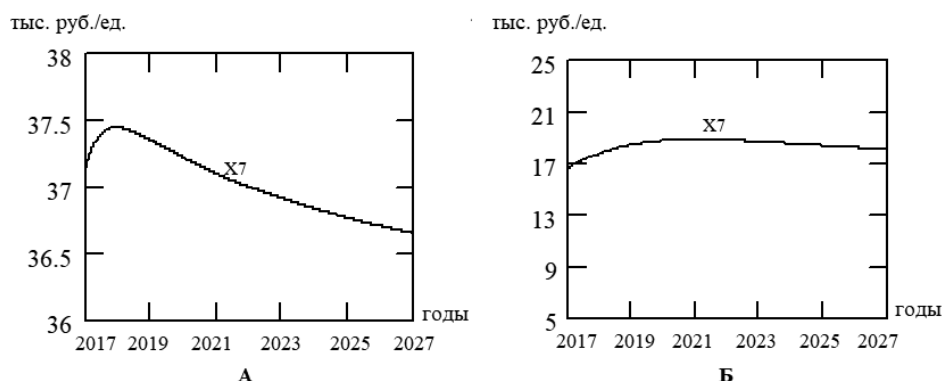

Рисунок 5 — Динамика и прогноз инновационной активности предприятий ПФО (А) и РТ (Б)

Figure 5 — Dynamics and forecast of innovative activity of enterprises of the Volga Federal District (A) and the Republic of Tatarstan (B)

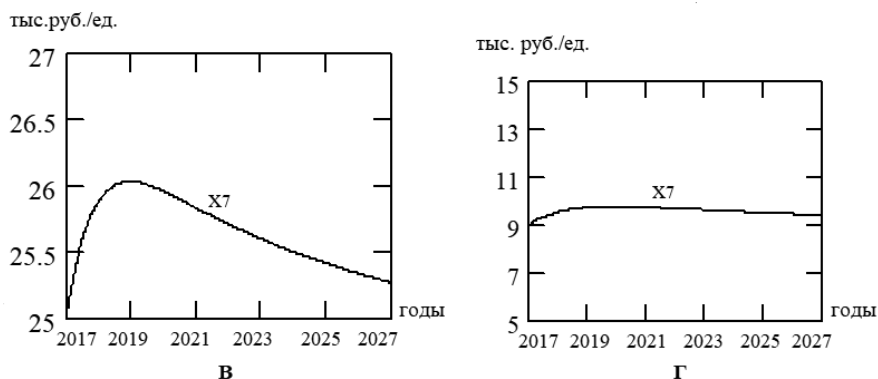

Рисунок 6 — Динамика и прогноз инновационной активности предприятий НО (В) и РБ (Г)

Figure 6 — Dynamics and forecast of innovative activity of enterprises in the Nizhny Novgorod region (V) and the Republic of Bashkortostan (G)

несмотря на лидирующую позицию ПФО по уровню инновационной активности среди субъектов Российской Федерации. Это обусловлено наличием в округе регионов-аутсайдеров: Саратовская область (56-я позиция среди субъектов Российской Федерации), Оренбургская область (53), Республика Марий Эл (41), Пермский край (37), Удмуртская Республика (24) [13]. РТ, занимая вторую позицию среди субъектов Российской Федерации по уровню инновационной активности организаций, имеет позитивную тенденцию прогнозного значения показателя инновационной активности (x_7) до 2027 года. Это объясняется своевременно проведенной работой в регионе по импортозамещению, а также наличием в пяти муниципальных районах республики эффективно функционирующих территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), в частности в г. Набережные Челны — 39, Нижнекамском муниципальном

районе — 27, Зеленодольском районе — 24, Менделеевском районе — 15, Чистопольском районе — 11 резидентов [14–15].

Как видно из рисунка 6, в НО наблюдается снижение показателя инновационной активности предприятий (x_7) с 2019 по 2027 год, что в значительной степени предопределено 17-й позицией в рейтинге по уровню инновационной активности организаций среди субъектов Российской Федерации. В РБ можно отметить стабильный уровень инновационной активности предприятий (x_7) на протяжении анализируемого и прогнозируемого периодов, что объясняется наличием шести ТОСЭР (Белебей, Кумертау, Нефтекамск, Белорецк, Учалы, Благовещенск) [16].

На рисунках 7 и 8 отражена прогнозная динамика себестоимости инновационной продукции в ПФО, РТ, РБ и НО. Данные рисунков позволяют констатировать снижение себестоимости инновационной продукции (x_8)

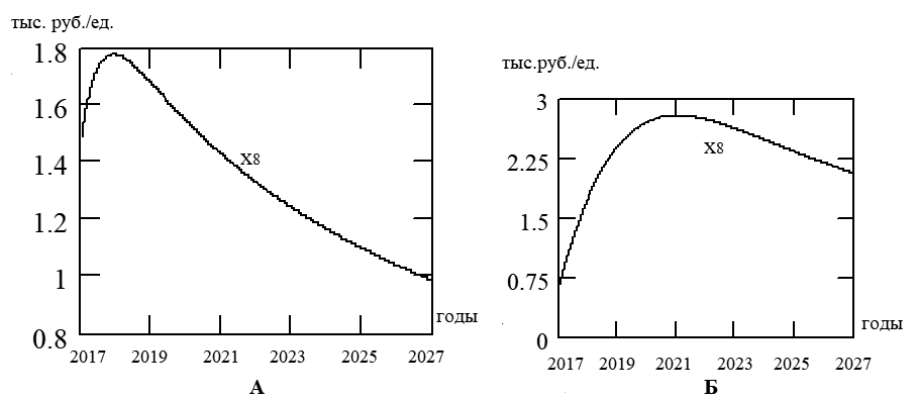

Рисунок 7 — Динамика и прогноз себестоимости инновационной продукции ПФО (А) и РТ (Б)
Figure 7 — Dynamics and forecast of the cost of innovative products of the Volga Federal District (A) and the Republic of Tatarstan (B)

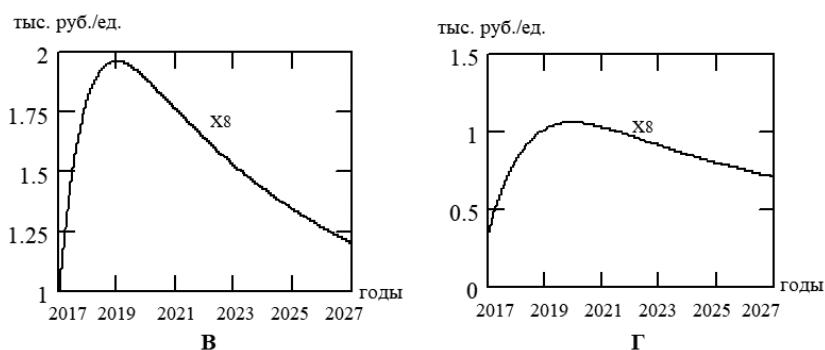

Рисунок 8 — Динамика и прогноз себестоимости инновационной продукции НО (В) и РБ (Г)
Figure 8 — Dynamics and forecast of the cost of innovative products in the Nizhny Novgorod region (V) and the Republic of Bashkortostan (G)

в ПФО с 2018 года, РТ — с 2021, РБ — с 2020, НО — с 2019 вплоть до конца 2027 года, что является следствием сокращения объема производства инновационных товаров в анализируемом периоде.

Более масштабно прогнозные показатели валовой прибыли от реализации инновационной продукции (x_9) в ПФО и регионах-лидерах отражены на рисунках 9 и 10. В ПФО с начала 2019 г. наблюдается сокращение убытка от реализации инновационной продукции, что объясняется наличием в округе наряду с регионами-лидерами регионов со средним уровнем инновационной активности. В частности, по уровню инновационной активности Республика Мордовия занимает 4-ю позицию среди субъектов Российской Федерации, Пензенская область — 9-ю, Ульяновская область — 13-ю, Самарская область — 14-ю, Чувашская Республика — 15-ю [13]. Низкие зна-

чения данного показателя (x_9) в регионах-лидерах ПФО в прогнозном периоде обусловлены реализацией мероприятий и проектов социальной направленности.

Прогнозная динамика прибыли на единицу инновационной продукции (x_{10}) в ПФО, РТ, РБ и НО отражена на рисунках 11 и 12. Следует отметить незначительную позитивную динамику данного показателя с 2019 года в ПФО и НО. В РТ и РБ представленный показатель характеризуется относительной стабильностью с 2021 года.

Наряду с абсолютными показателями для оценки и прогнозирования инновационного развития регионов целесообразно использовать относительные показатели, очищенные от случайных влияний и индивидуальных особенностей отдельных периодов, а также позволяющие нивелировать отрицательные последствия инфляционных процессов на величину

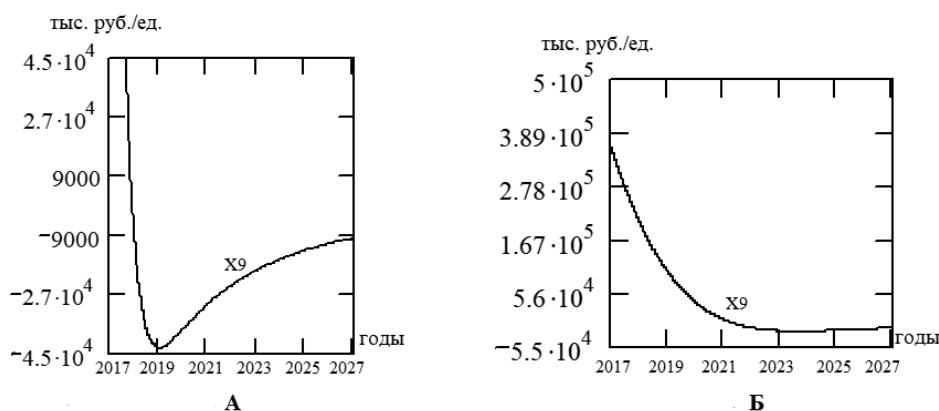

Рисунок 9 — Динамика и прогноз валовой прибыли от реализации инновационной продукции ПФО (А) и РТ (Б)

Figure 9 — Dynamics and forecast of gross profit from the sale of innovative products of the Volga Federal District (A) and the Republic of Tatarstan (B)

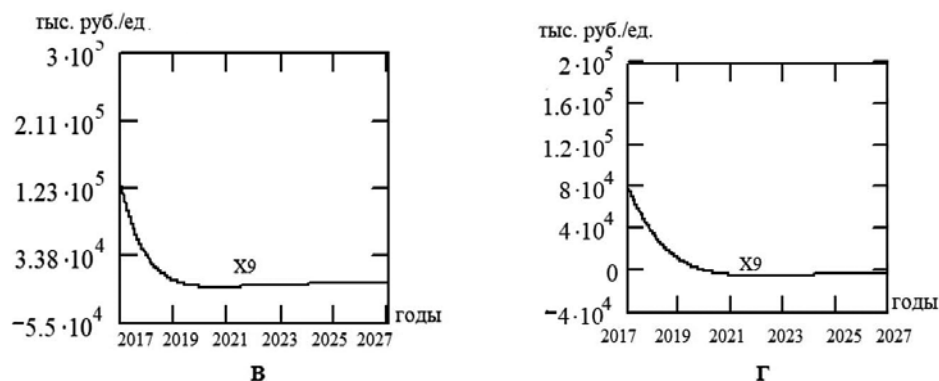

Рисунок 10 — Динамика и прогноз валовой прибыли от реализации инновационной продукции НО (Б) и РБ (Г)

Figure 10 — Dynamics and forecast of gross profit from the sale of innovative products of the Nizhny Novgorod Region (B) and the Republic of Bashkortostan (G)

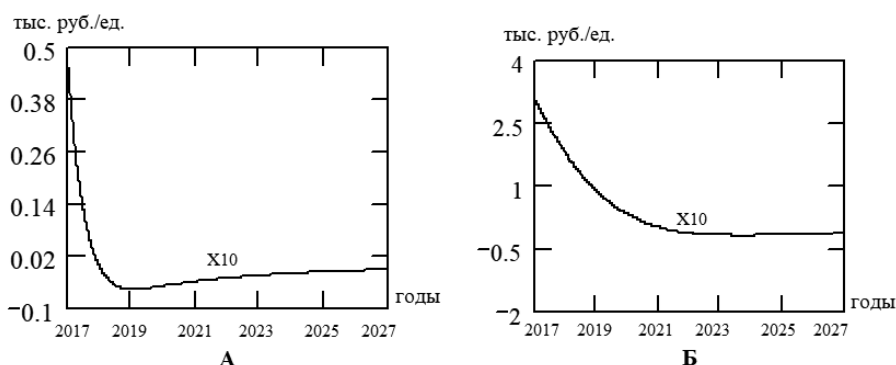

Рисунок 11 — Динамика и прогноз прибыли на единицу инновационной продукции ПФО (А) и РТ (Б)
Figure 11 — Dynamics and forecast of profit per unit of innovative products of the Volga Federal District (A) and the Republic of Tatarstan (B)

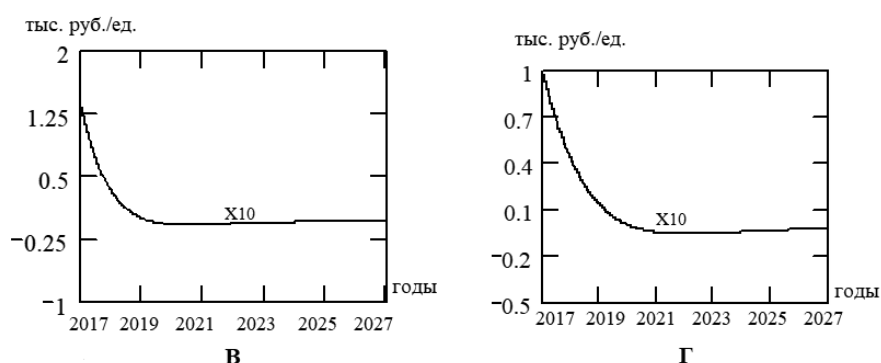

Рисунок 12 — Динамика и прогноз прибыли на единицу инновационной продукции НО (В) и РБ (Г)
Figure 12 — Dynamics and forecast of profit per unit of innovative products of the Nizhny Novgorod region (V) and the Republic of Bashkortostan (G)

базовых показателей. Рентабельность инновационной деятельности можно рассматривать в качестве важнейшего объективного критерия эффективности региональной социально-экономической системы. Прогнозная динамика рентабельности инновационной деятельности ПФО и его регионов-лидеров отражена на рисунках 13 и 14.

На рисунках 13, 14 видно, что прогнозные показатели рентабельности инновационной деятельности (x_{12}) в ПФО, РТ, РБ, НО с 2018 по 2027 год имеют негативную тенденцию и отрицательные значения, что объясняется снижением валовой прибыли от реализации инновационной продукции, а также опережением темпов роста затрат на инновационную деятельность по сравнению с темпом роста валовой прибыли от реализации инновационной продукции.

На рисунках 15–18 представлена зависимость инновационных показателей: объема

производства инновационных товаров, работ, услуг (x_0), затрат на инновационную деятельность (x_4), валовой прибыли от реализации инновационной продукции (x_9) от количества инновационных организаций (x_2) и инновационной активности (x_7) ПФО, РТ, РБ и НО. Представленные рисунки демонстрируют пороговые состояния систем, переход через которые ведет к качественному изменению протекающих процессов, изменению их организации.

На рисунке 15 видно, что кривые зависимости затрат на инновационную деятельность (x_4) и валовой прибыли от реализации инновационной продукции (x_9) от количества инновационных организаций (x_2) ПФО имеют точки бифуркации (в точке бифуркации происходит разветвление путей, возникают новые формы развития) в 2018 году. Кривые зависимости объема производства инновационных товаров (x_0), затрат на инновационную деятель-

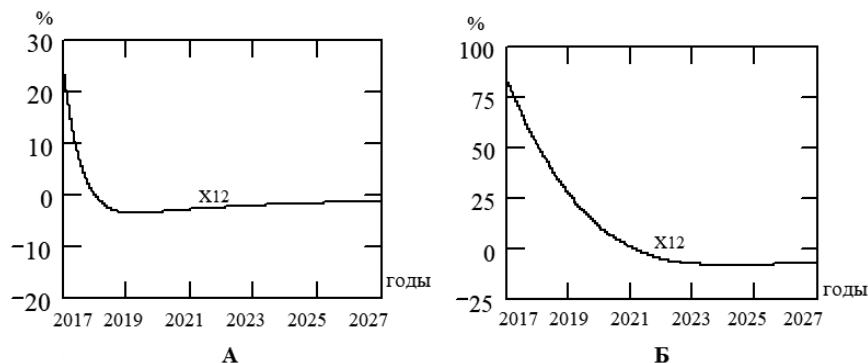

Рисунок 13 — Динамика и прогноз рентабельности инновационной деятельности ПФО (А) и РТ (Б)
Figure 13 — Dynamics and forecast of the profitability of innovation activities of the Volga Federal District (A) and the Republic of Tatarstan (B)

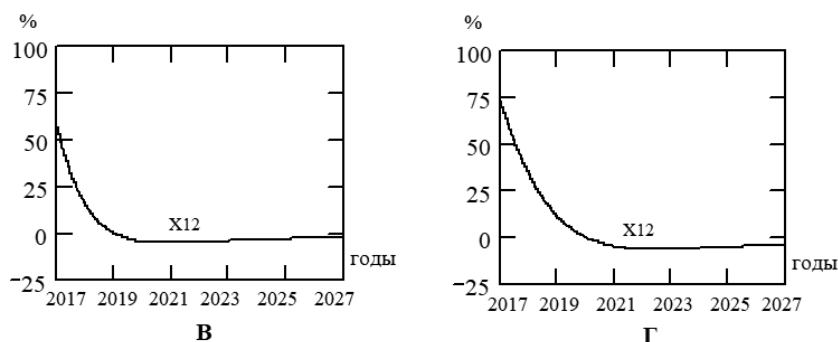

Рисунок 14 — Динамика и прогноз рентабельности инновационной деятельности НО (В) и РБ (Г)
Figure 14 — Dynamics and forecast of the profitability of innovation activity in the Nizhny Novgorod region (V) and the Republic of Bashkortostan (G)

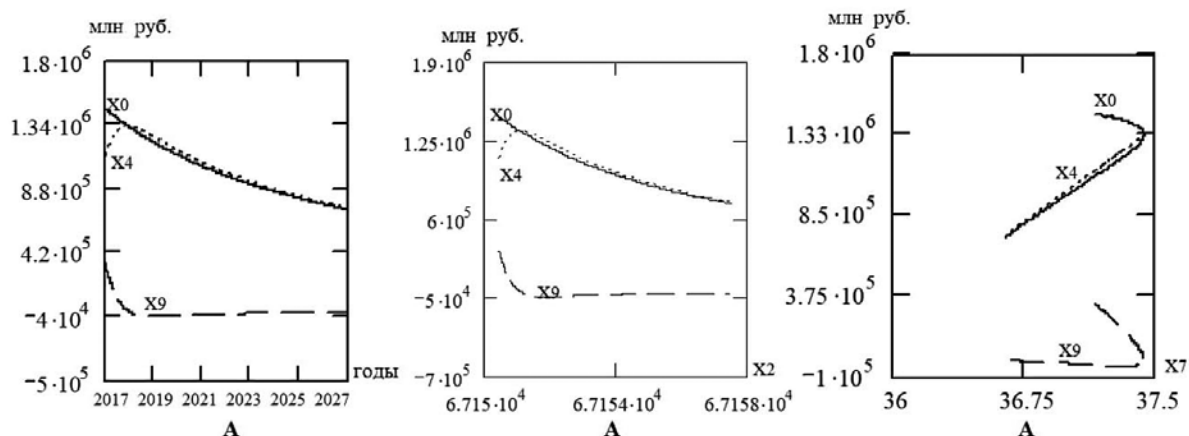

Рисунок 15 — Зависимость инновационных показателей ПФО от количества инновационных организаций (X_2) и инновационной активности (X_7)
Figure 15 — Dependence of the innovative indicators of the Volga Federal District on the number of innovative organizations (X_2) and innovative activity (X_7)

ность (x_4) и валовой прибыли от реализации инновационной продукции (x_9) от инновационной активности ПФО (x_7) имеют точки бифуркации на завершающем этапе анализируемого периода. Темп роста валовой прибыли от реализа-

ции инновационной продукции (x_9) опережает темп роста объема производства инновационных товаров (x_0) в периоде после достижения экстремальных точек, что характеризуется как позитивная тенденция.

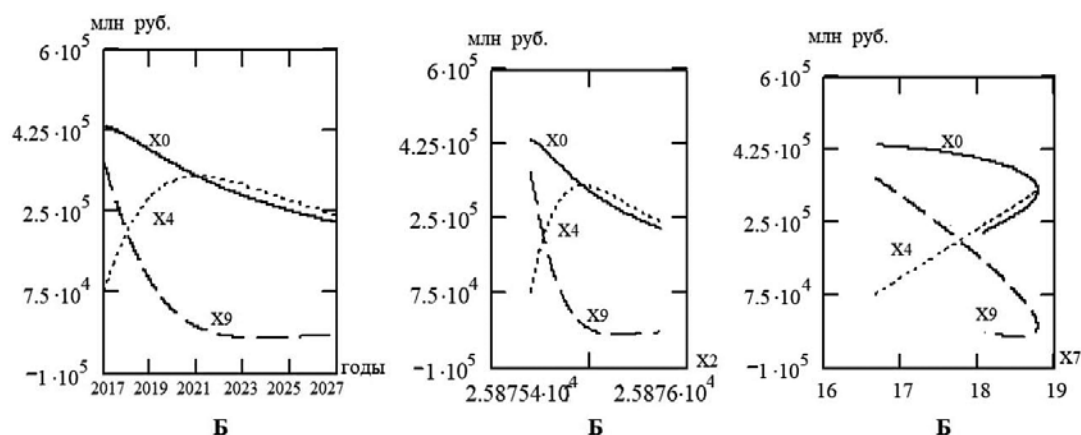

Рисунок 16 — Зависимость инновационных показателей РТ от количества инновационных организаций (X_2) и инновационной активности (X_7)

Figure 16 — Dependence of innovative indicators of the Republic of Tatarstan on the number of innovative organizations (X_2) and innovative activity (X_7)

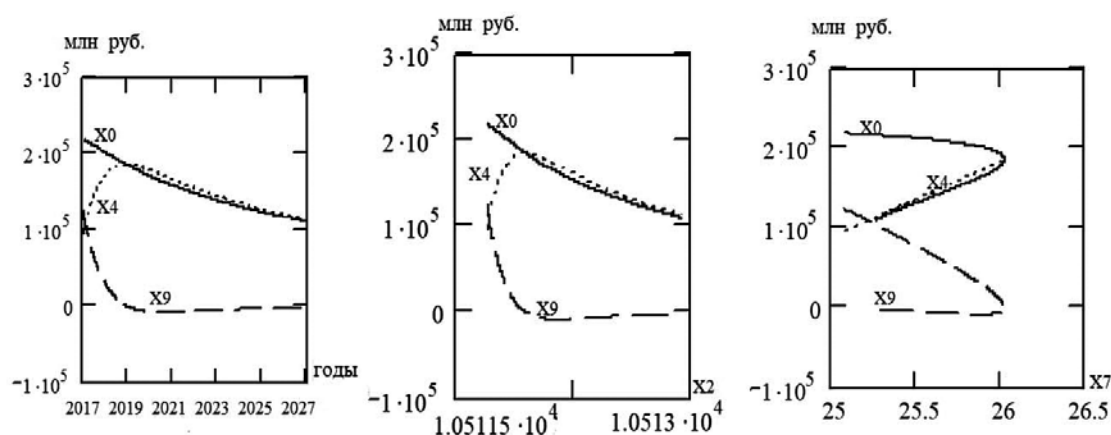

Рисунок 17 — Зависимость инновационных показателей НО от количества инновационных организаций (X_2) и инновационной активности (X_7)

Figure 17 — Dependence of innovation indicators of the Nizhny Novgorod region on the number of innovation organizations (X_2) and innovation activity (X_7)

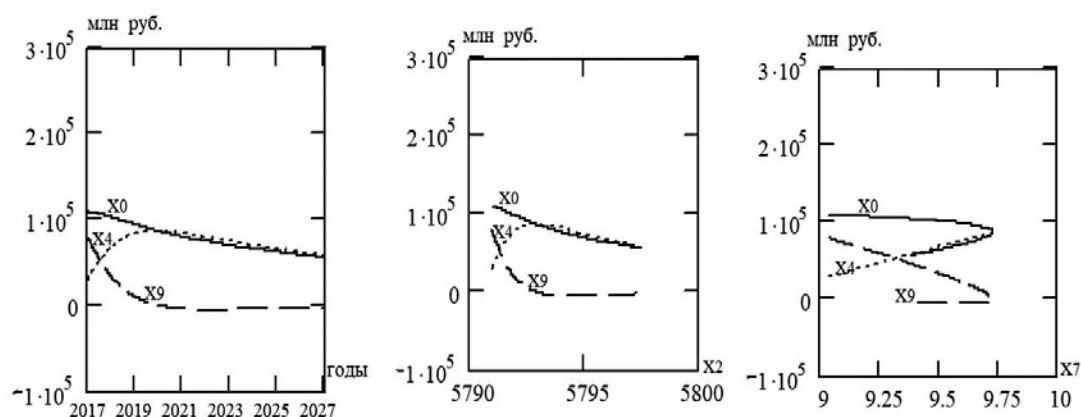

Рисунок 18 — Зависимость инновационных показателей РБ от количества инновационных организаций (X_2) и инновационной активности (X_7)

Figure 18 — Dependence of the innovation indicators of the Republic of Bashkortostan on the number of innovation organizations (X_2) and innovation activity (X_7)

Представленные на рисунке 16 графики показывают, что кривые зависимости затрат на инновационную деятельность (x_4), валовой прибыли от реализации инновационной продукции (x_9) от количества инновационных организаций (x_2) РТ имеют точки бифуркации в 2021 году. Зависимости инновационных показателей (x_0), (x_4), (x_9) от инновационной активности предприятий РТ (x_7) демонстрируют позитивную тенденцию показателей после достижения точек бифуркации. В частности, наблюдается стремительная траектория роста валовой прибыли от реализации инновационной продукции (x_9) к концу прогнозного периода, однако объем производства инновационной продукции (x_0) растет незначительными темпами.

На рисунке 17 видно, что кривые зависимости затрат на инновационную деятельность (x_4) и валовой прибыли от реализации инновационной продукции (x_9) от количества инновационных организаций (x_2) Нижегородской области имеют экстремальные точки в 2019 году. Зависимости инновационных показателей (x_0), (x_4), (x_9) от инновационной активности НО (x_7)

в прогнозном периоде свидетельствуют об опережающем темпе роста показателя (x_9) по сравнению с темпом роста показателя (x_0) после достижения точек бифуркации.

Представленные на рисунке 18 графики зависимостей инновационных показателей (x_0), (x_4), (x_9) от количества инновационных организаций (x_2) РБ демонстрируют точки бифуркации в 2020 году. В качестве позитивной тенденции наблюдается прогнозный рост валовой прибыли от реализации инновационной продукции (x_9) после достижения точки бифуркации, что отражено на графике зависимости инновационных показателей от инновационной активности предприятий (x_7) РБ.

Таким образом, полученные прогнозные результаты с использованием синергетической модели отражают важные тенденции инновационного развития ПФО и его регионов-лидеров и свидетельствуют о необходимости формирования эффективной региональной инновационной системы, базирующейся на ведущей роли высокопроизводительных и восприимчивых к инновациям отраслей специализации регионов.

Список источников

1. Багайников М. Л., Москвитина Н. В. Геоэкономический аспект проблемы развития региональных хозяйственных комплексов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 6 (128). С. 70–76.
2. Букова А. А. Региональный маркетинг как инструмент социально-экономической политики региона // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 1 (50). С. 21–28.
3. Галлямов Р. Р., Кузнецова Ю. А. Методические основы моделирования инновационных процессов социально-экономического развития на современном этапе // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 4 (53). С. 62–67.
4. Петров Н. Н. Формирование промышленного профиля региона на основе сценарного подхода // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 1 (123). С. 85–90.
5. Галеева Е. И. Синергетический подход в теории управления социально-экономическими системами. Казань : Таглитат, 2006. 123 с.: ил.
6. Галеева Е. И. Формирование стратегии развития предприятий нефтегазохимического комплекса: теория и практика. Самара : СамНЦ РАН, 2010. 252 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 // Росстат : статистический сборник. М., 2018. 1162 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 // Росстат : статистический сборник. М., 2019. 1204 с.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 // Росстат : статистический сборник. М., 2020. 1242 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021 // Росстат : статистический сборник. М., 2021. 1112 с.
11. Козлова А. А., Омилянчук А. А., Боркова Е. А. Инновационное предпринимательство в России в период санкций // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 6. С. 2135–2146.
12. Смольянова И. В. Формирование приоритетов региональной социально-экономической политики: проблемы и пути решения // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 4. С. 1637–1650.

13. Индикаторы инновационной деятельности: 2022 : статистический сборник / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, Г. А. Грачева и др. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 292 с.
14. Гиматдинов Р. Р. Организационно-правовые механизмы участия российских регионов в экономической дипломатии: опыт Республики Татарстан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 7–13.
15. Министерство экономики Республики Татарстан : официальный сайт. URL: <https://mert.tatarstan.ru/ssilki-na-sayti-po-toser.htm>
16. Министерство экономического развития и инвестиционной политики Республики Башкортостан. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/>

References

1. Bagainikov M. L., Moskvitina N. V. Geoeconomic aspect of the problem of development of regional economic complexes. *Regional`ny`e problemy` preobrazovaniya e`konomiki = Regional problems of transformation of the economy*. 2021;6(128):70–76. (In Russ.).
2. Bukova A. A. Regional marketing as a tool for the socio-economic policy of the region. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2021;1(50):21–28. (In Russ.).
3. Gallyamov R. R., Kuznetsova Yu. A. Methodological bases for modeling innovative processes of socio-economic development at the present stage. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2021;4(53):62–67. (In Russ.).
4. Petrov N. N. Formation of the industrial profile of the region based on the scenario approach. *Regional`ny`e problemy` preobrazovaniya e`konomiki = Regional problems of transformation of the economy*. 2021;1 (123):85–90. (In Russ.).
5. Galeeva E. I. Synergetic approach in the theory of management of socio-economic systems. Kazan: Taglimat, 2006. 124 p.: il. (In Russ.).
6. Galeeva E. I. Formation of the strategy for the development of enterprises of the petrochemical complex: theory and practice. Samara: SamNTs RAN; 2010. 252 p. (In Russ.).
7. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2018. *Rosstat : statisticheskij sbornik = Rosstat: statistical collection*. Moscow; 2018. 1162 p. (In Russ.).
8. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2019. *Rosstat : statisticheskij sbornik = Rosstat: statistical collection*. Moscow, 2019. 1204 p. (In Russ.).
9. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020. *Rosstat : statisticheskij sbornik = Rosstat: statistical collection*. Moscow, 2020. 1242 p. (In Russ.).
10. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021. *Rosstat : statisticheskij sbornik = Rosstat: statistical collection*. Moscow, 2021. 1112 p. (In Russ.).
11. Kozlova A. A., Omilyanchuk A. A., Borkova E. A. Innovative entrepreneurship in Russia during the period of sanctions. *Kreativnaya e`konomika = Creative Economy*. 2022;16(6):2135–2146. (In Russ.).
12. Smolyanova I. V. Formation of the priorities of the regional socio-economic policy: problems and solutions. *Kreativnaya e`konomika = Creative Economy*. 2022;16(4):1637–1650. (In Russ.).
13. Indicators of innovative activity: 2022: statistical collection / V. V. Vlasova, L. M. Gokhberg, G. A. Gracheva et al. Moscow: National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); 2022. 292 p. (In Russ.).
14. Gimatdinov R. R. Organizational and legal mechanisms for the participation of Russian regions in economic diplomacy: the experience of the Republic of Tatarstan. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2020;3 (48):7–13. (In Russ.).
15. Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan: official site. (In Russ.). Available from: <https://mert.tatarstan.ru/ssilki-na-sayti-po-toser.htm>
16. Ministry of Economic Development and Investment Policy of the Republic of Bashkortostan. (In Russ.). Available from: <https://economy.bashkortostan.ru/>

Информация об авторах

Н. А. Гареева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита;

А. И. Романова — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой муниципального менеджмента, директор.

Information about authors

N. A. Gareeva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance and Credit;

A. I. Romanova — Doctor of Science (Economics), Professor, Head of the Department of Municipal Management, Director.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 64–72.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):64–72.

Научная статья

УДК 351.862.216.36 (470.333)

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-64-72

АНАЛИЗ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЕЗЕРВА ФИНАНСОВЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ РЕАГИРОВАНИЯ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ

Елена Сергеевна Молчанова^{1✉}, Петр Петрович Годлевский²

¹Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия, esm_1@mail.ru✉,
<https://orcid.org/0000-0002-0516-670X>

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, ppgodlevskij@fa.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-2965-2275>

Аннотация. Создание и пополнение резерва финансовых и материальных ресурсов для реагирования на чрезвычайные ситуации включает в себя широкий спектр процессов и операций. В рассматриваемом регионе (Брянская область) сформирован и функционирует механизм прогнозирования потребности, создания, хранения и пополнения ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их получения и доставки на пострадавшие территории. Средств, выделяемых областным бюджетом, недостаточно для приобретения запланированных объемов материальных ресурсов для формирования резервов реагирования на чрезвычайные ситуации, поэтому областные государственные власти ищут дополнительные источники денежных поступлений для решения этих проблем. В настоящее время актуальны проекты, связанные с привлечением ресурсов частного бизнеса. Однако современная нормативно-правовая база значительно ограничивает возможности использования ресурсов частного сектора экономики. Выходом является реализация проектов, основанных на принципах государственно-частного партнерства. Рынок государственно-частного партнерства в России постоянно растет, но возможности использования ресурсов частного сектора для создания резервов для реагирования на чрезвычайные ситуации в регионе не используются. Для обеспечения взаимовыгодного сотрудничества государства и бизнеса в решении этого вопроса целесообразным видится выстраивание отношений государства и бизнеса на основе концессионных соглашений.

Ключевые слова: материальные резервы, финансовые резервы, ликвидация чрезвычайных ситуаций, жизнеобеспечение населения, государственно-частное партнерство, концессия, защита от рисков

Для цитирования: Молчанова Е. С., Годлевский П. П. Анализ создания регионального резерва финансовых и материальных ресурсов для реагирования на чрезвычайные ситуации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 64–72. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-64-72>.

Research article

ANALYSIS OF THE CREATION OF A REGIONAL RESERVE OF FINANCIAL AND MATERIAL RESOURCES FOR EMERGENCY RESPONSE

Elena S. Molchanova^{1✉}, Peter P. Godlevskiy²

¹Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russia,
 esm_1@mail.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-0516-670X>

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ppgodlevskij@fa.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-2965-2275>

Abstract. The creation and replenishment of the reserve of financial and material resources for emergency response includes a wide range of processes and operations. In the region under consideration (Bryansk region) a mechanism for forecasting the need, creation, storage and replenishment of resources for the elimination of natural and man-made emergencies, their receipt and delivery to the affected territories has been formed and is functioning. The funds allocated by the regional budget are not enough to purchase the planned amounts of material resources for the formation of emergency response reserves, therefore, the regional state authorities are looking for additional sources of cash receipts to solve these problems. Currently, projects related to attracting private business resources are relevant. However, the current regulatory framework significantly limits the possibilities of using the resources of the private sector of the economy. The solution is to implement projects based on the principles of public-private partnership. The public-private partnership market in Russia is constantly growing, but the possibilities of using private sector resources to create reserves for responding to emergencies in the region are not being used. In order to ensure mutually beneficial cooperation between the state and business in solving this issue, it seems appropriate to build relations between the state and business on the basis of concession agreements.

Keywords: material reserves, financial reserves, emergency response, life support of the population, public-private partnership, concession, protection from risks.

For citation: Molchanova E. S., Godlevsky P. P. Analysis of the creation of a regional reserve of financial and material resources for emergency response. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):64–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-64-72>.

В условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС) различного характера необходимо оперативно мобилизовать имеющиеся силы и средства для их ликвидации, минимизации негативных последствий для экономики и обеспечения приоритетного жизнеобеспечения пострадавшего населения. Эта деятельность будет эффективной при условии координации деятельности государственных структур и оперативного использования имеющихся сил и средств.

Финансовое и материально-техническое обеспечение является основным звеном в комплексе мер реагирования на ЧС. Успешные спасательные операции, спасение человеческих жизней и предотвращение негативных последствий для экономики и, в целом, поддержание функционирования региона зависят от своевременного, полного и качественного удовлетворения потребностей в материальных ресурсах.

С 1 января 2021 г. вступил в силу новый порядок создания, использования и пополнения резервов материальных ресурсов федеральными органами исполнительной власти для ликвидации ЧС природного и техногенного характера. Предусмотрено, что резервы финансовых и материальных ресурсов создаются заранее для экстренного привлечения необходимых средств в случае возникновения ЧС. Резервы используются как для аварийно-спасательных и других неотложных работ (АСДНР)

в ЧС, так и для других первоочередных мероприятий, связанных с решением задач реагирования на ЧС.

Во II квартале 2022 г. общий объем резервов материальных ресурсов для ликвидации ЧС, накопленных органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, составил 225,558 млрд рублей. По сравнению с аналогичным периодом 2021 года он увеличился на 100,395 млрд рублей (+ 80,2 %) [1].

Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ на субъекты Российской Федерации возложена ответственность за организацию и осуществление мероприятий по гражданской обороне на межмуниципальном и региональном уровнях, включая создание и поддержание запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и других средств для целей гражданской обороны [2].

Важным нормативным документом является Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [3].

Создание материального резерва в Брянской области осуществляется на основании постановления Администрации Брянской области от 14.01.2010 № 12 «О создании запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и других средств для обеспечения мероприятий гражданской обороны

на территории Брянской области» [4] и постановления Правительства Брянской области от 18.05.2020 № 210-р «О порядке создания, хранения, использования и пополнения резерва материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории Брянской области» [5].

Мероприятия по созданию и поддержанию в состоянии постоянной готовности к использованию запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и других средств для обеспечения аварийно-спасательных работ также регламентированы постановлением Губернатора Брянской области от 30.07.2021 № 93 «Об утверждении Положения об организации и проведении гражданской обороны в Брянской области» [6].

Создание, хранение, использование и пополнение резерва финансовых и материальных ресурсов для ликвидации ЧС осуществляется за счет средств областного бюджета. Накопление, хранение и использование ресурсов, предназначенных для оснащения сил гражданской обороны областного центра, а также материально-техническое обеспечение создания, обучения, оснащения и использования сил гражданской обороны областного центра осуществляется в соответствии с федеральным и региональным законодательством.

Целью создания регионального резерва финансовых и материальных ресурсов для реагирования на ЧС является развертывание и содержание пунктов временного размещения пострадавшего населения, пунктов питания, оснащение аварийно-спасательных подразделений и аварийно-спасательных служб в период проведения АСДНР, аварийно-восстановительных работ на объектах жилого фонда, образовательных учреждений, учреждений здравоохранения, социальной и культурной инфраструктуры.

Резерв создается на региональном, местном и объектовом уровнях. Региональный резерв формируется исходя из расчета осуществления первичного жизнеобеспечения для 500 чел., пострадавших в результате ЧС, в течение 5 дней.

Структура создаваемых резервов формируется в соответствии с «Методическими ре-

комендациями по определению номенклатуры и объемов запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и других средств, создаваемых для целей гражданской обороны, накопленных федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организаций» от 29 декабря 2021 г. [7] и утвержденными Правительством Брянской области.

В руководстве изложены основные принципы создания и использования материальных ресурсов. Перечень материальных запасов широк: от предметов гигиены, продуктов питания и медикаментов до оборудования для обеспечения жилых помещений теплом и электричеством и определяется с учетом:

- прогнозируемых типов и масштабов ЧС;
- предполагаемых объемов работ по их ликвидации;
- максимально возможного использования имеющихся сил и средств для реагирования на ЧС.

Методическое руководство по созданию, хранению, использованию и пополнению материальных ресурсов в регионе осуществляет Главное управление МЧС России по Брянской области. Ответственность за создание, хранение, использование и пополнение резерва материальных ресурсов возложена на исполнительные органы государственной власти и государственные учреждения региона (табл. 1).

В случае возникновения ЧС на уровне объекта используются резервы материальных ресурсов организаций, а при их недостаточности в администрацию муниципального района подается заявка с обоснованиями оказания дополнительной помощи.

В случае возникновения ЧС муниципального и межмуниципального характера администрация использует объектные резервы и резервы населенных пунктов, расположенных на ее территории, по согласованию с органами власти и организациями их создавшими.

Бюджетные средства не позволяют полностью обеспечить регион материальными резервами для ликвидации ЧС, что подтверждается данными таблиц 2 и 3.

Таблица 1 — Учреждения Брянской области, ответственные за создание, хранение, использование и пополнение финансовых и материальных ресурсов [5]

Учреждения Брянской области	Номенклатура резерва
Управление потребительского рынка и услуг, контроля в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции Брянской области	Вещевое имущество и предметы первой необходимости
Департамент сельского хозяйства Брянской области	Продовольствие и пищевое сырье
Департамент строительства Брянской области	Строительные материалы
Департамент здравоохранения Брянской области	Лекарственные средства и медицинские изделия
Департамент промышленности, транспорта и связи Брянской области	Нефтепродукты и средства индивидуальной защиты
Департамент региональной безопасности Брянской области в лице ГКУ «Брянский пожарно-спасательный центр»	Средства связи и оповещения, аварийно-спасательный инструмент и оборудование
Управление ветеринарии Брянской области	Ветеринарное имущество
Департамент топливно-энергетического комплекса и жилищно-коммунального хозяйства Брянской области	Ресурсы жизнеобеспечения

За рассматриваемый период наибольший объем запасов был накоплен в 2020 году, когда расхождение между плановыми и фактическими объемами накопленных запасов составило менее 10 %. Значительный объем запасов был создан благодаря значительному профициту регионального бюд-

жета в 2020 году — 811,33 млн руб. [10]. В 2021 году главный финансовый документ области также был исполнен с профицитом — 3,56 млн руб., однако это не повлияло на процесс создания материальных резервов, чей объем в расчете на душу населения составил менее 10 руб. [11].

Таблица 2 — Наличие резервов финансовых ресурсов для ликвидации ЧС в Брянской области [1, 8–9]

Годы	Планируемые объемы накопления, млн руб.	Израсходовано	Размер резервов на душу населения, руб./чел.
2020	50,0	0,00	41,93
2021	50,0	0,00	42,28
2022 (на 01.07.2022)	50,0	17,014	42,78

Таблица 3 — Наличие резервов материальных ресурсов для ликвидации ЧС в Брянской области [1, 8–9]

Годы	Планируемые объемы накопления, млн руб.	Фактическое наличие, млн руб.	%	Размер резервов на душу населения, руб./чел.
2020	149,123	138,741	93,04	116,35
2021	61,122	11,728	19,19	9,92
2022 (на 01.07.2022)	61,122	11,728	19,19	10,03

Увеличение размера подушного финансирования при ликвидации ЧС в условиях дефицитного бюджета в 2022 году (1,8 млн руб.) связано со снижением численности населения региона с 1,18 млн чел. в 2021 году до 1,16 млн чел. в 2022 [12–14].

Таким образом, в настоящее время перед региональными органами власти стоят две противоречивые задачи; с одной стороны — оптимизация бюджетных расходов, с другой — создание необходимого резерва финансовых и материальных ресурсов для ликвидации ЧС в предусмотренном законодательством объеме, для чего необходимо изыскать дополнительные внебюджетные источники средств. Одним из вариантов решения этих задач может стать привлечение ресурсов частного сектора экономики на основе государственно-частного партнерства.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) — «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве» [15].

Основа ГЧП — долгосрочные (не менее трех лет) взаимоотношения государства и бизнеса, в результате которых сокращается доля участия государства в тех видах деятельности, которые может осуществлять частный бизнес.

Развитие особого взаимодействия частного сектора и государства в рамках ГЧП в нашей стране стало актуальным в последние десять лет. Это связано с тем, что партнерство государства и бизнеса позволяет публичной стороне экономить временные и материальные ресурсы на производство общественных благ, привлекать финансовый и предпринимательский потенциал для решения этих задач, привлекать частный бизнес в традиционно монопольные отрасли экономики и стимулировать в них развитие конкуренции.

Для бизнеса ГЧП открывает возможности участия в инвестиционных проектах при минимизации косвенных рисков. Государство является инициатором и заказчиком услуг, определяет условия сотрудничества и финансирования проекта, ответственность и доходы сторон,

контролирует ход и качество выполнения работ и предоставление услуг.

Основными направлениями реализации проектов ГЧП в нашей стране являются транспортно-коммунальные, социальные и энергетические проекты, создание телекоммуникационной инфраструктуры. Одним из перспективных направлений развития ГЧП является привлечение ресурсов частного бизнеса для создания резервов для реагирования на ЧС. В настоящее время бизнес не участвует в подобных проектах, поскольку основная роль в этой сфере традиционно принадлежит государству. В то же время взаимодействие государства и частного бизнеса в этой сфере поможет обеспечить регион необходимыми резервами в полном объеме, а органы государственной власти смогут оптимизировать бюджетные расходы.

Современная нормативно-правовая база ограничивает возможности использования ресурсов частного сектора экономики, поэтому организации не заинтересованы в участии в подобных проектах.

Наряду с этим, уже есть положительный опыт сотрудничества между Единой государственной системой предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) и бизнесом. Еще в 2013 году Группа компаний «Российские бизнес-системы» (Группа компаний РБС) участвовала в реализации проекта по созданию единой системы оповещения населения о ЧС. Для реализации этого масштабного проекта были использованы современные информационные технологии, задействованы значительные интеллектуальные и технические ресурсы компании.

В настоящее время рынок ГЧП в России постоянно растет.

За 8 месяцев 2022 г. общий объем инвестиций в новые проекты ГЧП, запущенных в форме концессионных соглашений и соглашений о ГЧП/МЧП, составил 231,7 млрд руб. (в 1,5 раза больше, чем за 8 месяцев 2021 г.), из которых 137,7 млрд (59 %) приходится на частные вложения. В среднем на один проект приходится 3,7 млрд руб. [16].

Согласно прогнозу Национального центра ГЧП, в 2022 году «рынок ГЧП может вырасти в 2,5–3 раза по количеству заключенных кон-

цессионных соглашений и соглашений о ГЧП/МЧП, что позволит привлечь в 2–2,5 раза больше инвестиций в инфраструктуру по сравнению с 2021 годом» [17].

К сожалению, потенциал ГЧП в Брянской области практически не используется. В рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню развития ГЧП в 2021 году регион занимал 77-е место. Ситуация в области оценивалась в совокупности по нескольким показателям: оценка результатов реализации проектов ГЧП в 2021 году и в предыдущие годы, оценка работы органов власти, их открытости для инвесторов и готовности поддерживать проекты ГЧП. Уровень развития ГЧП в регионе оценивается в 3,2 балла. В соседней Смоленской области этот показатель составляет 8,2 балла [18].

В то же время представляется целесообразным привлечь ресурсы частного бизнеса региона для формирования регионального резерва материальных ресурсов для реагирования на ЧС. Благодаря участию бизнеса в этой деятельности можно будет обеспечить:

- максимально быстрый доступ к резервам. Как правило, производственные и складские помещения частного бизнеса расположены в черте города. Своевременная доставка ресурсов поможет сократить время локализации ЧС;
- экономию затрат за счет оптимизации логистических операций;
- гибкое изменение номенклатуры запасов с учетом местных особенностей и уровня развития секторов частного бизнеса;
- гарантированное качество хранения запасов (производственные предприятия создают оптимальные условия для хранения запасов на складах);
- своевременное обновление накопленных запасов;
- рассредоточение резервов для снижения риска их повреждения в результате ЧС;
- сокращение расходной части областного бюджета.

В рыночной экономике существует проблема перепроизводства товаров. Перевод товаров в резерв может способствовать расширению его номенклатуры. Излишки товаров могут быть переданы населению, пострадавшему в результате ЧС.

Целесообразно привлекать материальные ресурсы частного бизнеса в резервы для ликвидации ЧС на основе концессионного соглашения. Концессия позволяет обеим сторонам планировать свою деятельность в долгосрочной перспективе. В то же время концессионер обязан соблюдать определенные принципы такого соглашения, в частности, непрерывность предоставления услуг и их доступность, одинаковый размер тарифов и т. д. Концессионер также имеет большую свободу в принятии экономических, административных и управленческих решений, но в соответствии с законом право собственности на объект всегда остается за публичной стороной [19].

Концессионер несет ответственность за проведение работ по формированию резерва, что гарантирует качественное выполнение обязательств. В целях защиты сторон от рисков, связанных с форс-мажорными обстоятельствами, целесообразно в концессионном соглашении предусмотреть условия взаимодействия сторон в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств и распределения рисков. Это особенно актуально в условиях кризиса.

Каждая сторона выигрывает от сотрудничества в рамках ГЧП. При участии частного бизнеса решаются задачи формирования резерва материальных ресурсов для реагирования на ЧС, стоящие перед региональными властями. Для частной стороны основные преимущества сотрудничества бизнеса и власти заключаются, прежде всего, в получении налоговых и других льгот и других преференций. Участие в таких проектах положительно сказывается на деловой репутации частного лица и позволит ему в будущем участвовать в более крупных проектах.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что решение задач реагирования на ЧС требует привлечения значительных материальных и финансовых ресурсов, которые накапливаются в резервах. В современных экономических условиях невозможно накопить резервы в необходимых объемах только за счет регионального бюджета. Эффективным решением в этом случае может стать сотрудничество государства и частного сектора экономики в рамках ГЧП. Такое взаимодействие позво-

лит сформировать резервы для ликвидации ЧС в полном объеме на региональном, местном и объектовом уровнях. Внедрение принципов государственно-частного партнерства

будет способствовать более тесному и эффективному взаимодействию государства и бизнеса на благо безопасности региона и граждан.

Список источников

1. Бюллетень о создании, наличии, использовании и восполнении резервов финансовых и материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций: № 75 за 2 квартал 2022 года // МЧС России : официальный сайт. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/6406>
2. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : Федеральный закон от 06 октября 1999 № 184-ФЗ : с изменениями и дополнениями // Гарант.ру : информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12117177/>
3. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» : Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/
4. «О создании запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств для обеспечения мероприятий гражданской обороны на территории Брянской области» : Постановление Администрации Брянской области от 14.01.2010 № 12 // Консорциум Кодекс : Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/974058402>
5. «О порядке создания, хранения, использования и восполнения резерва материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций Брянской области» : Постановление Правительства Брянской области от 18.05.2020 № 210-п // Консорциум Кодекс : Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/974058402>
6. «Об утверждении Положения об организации и ведении гражданской обороны в Брянской области» : Указ Губернатора Брянской области от 30.07.2021 № 93 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3200202107300002?index=10&rangeSize=1>
7. Методические рекомендации по определению номенклатуры и объемов, создаваемых в целях гражданской обороны запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств, накапливаемых федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями от 29.12.2021 г. // МЧС России : официальный сайт. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/5790>
8. Бюллетень о создании, наличии, использовании и восполнении резервов финансовых и материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций № 69 4 кв. 2020 года // МЧС России : официальный сайт. URL: <https://www.mchs.gov.ru/uploads/document/2021-02-19/e3ada5bcffcb8be3669310824afdfa5.pdf>
9. Бюллетень о создании, наличии, использовании и восполнении резервов финансовых и материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций № 71 2 кв. 2021 года // МЧС России : официальный сайт : <https://www.mchs.gov.ru/uploads/document/2021-08-03/8656133b5569c1b9fe035a03863c98c7.pdf>
10. Заключение Контрольно-счетной палаты Брянской области на отчет об исполнении областного бюджета за 2020 год : утверждено решением Коллегии Контрольно-счетной палаты Брянской области от 26.05.2021 № 29-рк) // Контрольно-счетная палата Брянской области : официальный сайт. URL: <https://kspbo.ru/doc/Заключение%20на%20отчет%20обл.%20бюдж.%20за%202020%20год.pdf>
11. Заключение Контрольно-счетной палаты Брянской области на отчет об исполнении областного бюджета за 2021 год : утверждено решением Коллегии Контрольно-счетной палаты Брянской области от 25.05.2022 № 33-рк // Департамент финансов Брянской области : Единый портал бюджетной системы. URL: <https://www.bryanskoblfin.ru/upload/Files/2022/вн355/Заключение%20КСП%20на%20исполнение%20обл%20бюджета%20за%202021%20год.pdf>
12. «Об областном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» : Закон Брянской области : принят Брянской областной Думой 9 декабря 2021 года // Брянская областная Дума : официальный сайт. URL: https://duma32.ru/bank/bjudzhet_2022/zakon-brjanskoj-oblasti-ob-oblastnom-bjudzhete-na-2022-god.pdf
13. Численность и распределение населения Брянской области по основным возрастным группам // Брянскстат : официальный сайт. URL: <https://bryansk.gks.ru/folder/129188/document/180779>
14. Население Брянской области: численность, крупные города // Statdata.ru : сайт о странах и городах. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie/bryanskoj-oblasti>

15. «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ : с изменениями и дополнениями // Гарант.ру : информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71129190/>

16. Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП. Аналитический обзор // Национальный Центр ГЧП : официальный сайт. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/59e/59e99c63fe1b0558340251ab897b3409.pdf>

17. Национальный Центр ГЧП: 2022 год может стать годом беспрецедентного роста рынка ГЧП // Национальный Центр ГЧП : официальный сайт. URL: <https://pppcenter.ru/press-tsentr/novosti/nacionalnyj-centr-gcp-2022-god-mozet-stat-godom-besprecedentnogo-rosta-rynka-gcp/>

18. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства за 2021 год // Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/de1738536995153cc65c8b47c5ff2520/reiting_gchp_2021.pdf

19. Государственно-частное партнерство // Корпорация развития Калининградской области : сайт. URL: <https://ppp.kgd-rdc.ru/>

References

1. Bulletin on the creation, availability, use and replenishment of reserves of financial and material resources for emergency response: No. 75 for the 2nd quarter of 2022 // Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation: official site. (In Russ). Available from: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/6406>

2. "On the general principles of organizing legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation": Federal Law dated October 06, 1999 No. 184-FL: with amendments and additions // Garant.ru: information and legal portal. (In Russ). Available from: <https://base.garant.ru/12117177/>

3. "On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies": Federal Law dated December 21, 1994 No. 68-FL // ConsultantPlus: site. (In Russ). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/

4. "On the creation of stocks of material, technical, food, medical and other means to ensure civil defense measures on the territory of the Bryansk region": Decree of the Administration of the Bryansk region dated January 14, 2010 No. 12 // Consortium Code: Electronic fund of legal and regulatory documents. (In Russ). Available from: <https://docs.cntd.ru/document/974058402>

5. "On the procedure for creating, storing, using and replenishing the reserve of material resources for emergency situations in the Bryansk region": Decree of the Government of the Bryansk region dated May 18, 2020 No. 210-p // Consortium Code: Electronic fund of legal and regulatory documents. (In Russ). Available from: <https://docs.cntd.ru/document/974058402>

6. "On approval of the Regulations on the organization and conduct of civil defense in the Bryansk region": Decree of the Governor of the Bryansk region dated July 30, 2021 No. 93 // Official Internet portal of legal information. (In Russ). Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3200202107300002?index=10&rangeSize=1>

7. Guidelines for determining the range and volumes of stocks of material, technical, food, medical and other means created for the purposes of civil defense, accumulated by federal executive authorities, state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, local authorities and organizations dated 12/29/2021 // Ministry of Emergency Situations of Russia: official site. (In Russ). Available from: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/5790>

8. Bulletin on the creation, availability, use and replenishment of reserves of financial and material resources for the elimination of emergency situations No. 69, 4 quarter. 2020 // Ministry of Emergency Situations of Russia: official site. (In Russ). Available from: <https://www.mchs.gov.ru/uploads/document/2021-02-19/e3ada5bcffcb8be3669310824afdffa5.pdf>

9. Bulletin on the creation, availability, use and replenishment of reserves of financial and material resources for the elimination of emergency situations No. 71, 2 quarter. 2021 // Ministry of Emergency Situations of Russia: official site. (In Russ). Available from: <https://www.mchs.gov.ru/uploads/document/2021-08-03/8656133b5569c1b9fe035a03863c98c7.pdf>

10. Conclusion of the Chamber of Control and Accounts of the Bryansk Region on the report on the execution of the regional budget for 2020: approved by the decision of the Collegium of the Chamber of Control and Accounts of the Bryansk Region dated May 26, 2021 No. 29-rk) // Chamber of Control and Accounts of the Bryansk Region: official site. (In Russ). Available from: <https://kspbo.ru/doc/Conclusion%20on%20report%20regional%20budget%20for%202020%20year.pdf>

11. Conclusion of the Chamber of Control and Accounts of the Bryansk Region on the report on the execution of the regional budget for 2021: approved by the decision of the Collegium of the Chamber of Control and Accounts of the Bryansk Region dated May 25, 2022 No. 33-rk // Department of Finance of the Bryansk Region: Unified portal of the budget system. (In Russ). Available from: <https://www.bryanskoblfin.ru/upload/Files/2022/vn355/Conclusion%20KSP%20%20execution%20reg%20budget%20%202021%20year.pdf>
12. "On the regional budget for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024": Law of the Bryansk Region: adopted by the Bryansk Regional Duma on December 9, 2021 // Bryansk Regional Duma: official site. (In Russ). Available from: https://duma32.ru/bank/bjudzhet_2022/zakon-brjanskoj-oblasti-ob-oblastnom-bjudzhet-na-2022-god.pdf
13. Number and distribution of the population of the Bryansk region by main age groups // Bryanskstat: official site. (In Russ). Available from: <https://bryansk.ks.ru/folder/129188/document/180779>
14. Population of the Bryansk region: population, large cities // Statdata.ru: a site about countries and cities. (In Russ). Available from: <http://www.statdata.ru/naselenie/bryanskoj-oblasti>
15. "On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation": Federal Law dated July 13, 2015 No. 224-FL: with amendments and additions // Garant.ru: information and legal portal. (In Russ). Available from: <https://base.garant.ru/71129190/>
16. Investment in infrastructure and PPP. Analytical review // National PPP Center: official site. (In Russ). Available from: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/59e/59e99c63fe1b0558340251ab897b3409.pdf>
17. National PPP Center: 2022 could be a year of unprecedented growth in the PPP market // National PPP Center: official site. (In Russ). Available from: <https://pppcenter.ru/press-tsentr/novosti/nacionalnyj-centr-gcp-2022-god-mozet-stat-godom-besprecedentnogo-rosta-rynka-gcp/>
18. The rating of the constituent entities of the Russian Federation by the level of development of public-private partnership for 2021 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official site. (In Russ). Available from: https://www.economy.gov.ru/material/file/de1738536995153cc65c8b47c5ff2520/reiting_gchp_2021.pdf
19. Public-private partnership // Development Corporation of the Kaliningrad region: site. (In Russ). Available from: <https://ppp.kgd-rdc.ru/>

Информация об авторах

Е. С. Молчанова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и организации государственных закупок;

П. П. Годлевский — кандидат военных наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности.

Information about authors

E. S. Molchanova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economics, Management and Organization of Public Procurement;

P. P. Godlevsky — Candidate of Science (Military), Associate Professor of the Department of Life Safety.

Вклад авторов:

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of authors:

Authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 73–81.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):73–81.

Научная статья
УДК 331.2(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-73-81

РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН НА ФОНЕ НЕРАВЕНСТВА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елена Владимировна Кабашова

Лаборатория региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России
Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской Академии наук, Уфа, Россия, e_kabashova@bk.ru

Аннотация. Одной из болевых точек современного рынка труда, да и всей экономики в целом, является низкая заработная плата большей части населения, не выполняющая своих воспроизводственной и стимулирующей функций, а также высокая степень ее дифференциации. Учитывая высокую долю оплаты труда в денежных доходах населения в условиях сокращения бесплатных услуг, основная проблема — это неспособность заработной платы обеспечить достойный уровень жизни. Кроме того, сложившийся высокий уровень дифференциации заработной платы, в большинстве случаев не зависящий от личных характеристик работника, негативно сказывается на социальном самочувствии населения. В статье проведен мониторинг дифференциации заработной платы в Республике Башкортостан на фоне российского неравенства. Выделены и проанализированы основные направления зарплатного неравенства: между российскими регионами, видами экономической деятельности, группами занятий, а также гендерное неравенство. Выявлено, что наибольшая степень дифференциации заработной платы наблюдается по группам занятий, особенно у мужчин.

Ключевые слова: социальное неравенство, заработная плата, неравенство, дифференциация, регион, уровень жизни населения, доходы населения, отрасль, группы занятий

Для цитирования: Кабашова Е. В. Республика Башкортостан на фоне неравенства заработной платы в Российской Федерации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 73–81. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-73-81>.

Research article

THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE BACKGROUND OF WAGE INEQUALITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena V. Kabashova

Laboratory for Regional Studies of Quality of Life of the Centre of Russian Regions Research
of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, e_kabashova@bk.ru

Abstract. One of the pain points of the modern labor market, and of the entire economy as a whole, is the low wages of the majority of the population, which do not fulfill their reproductive and stimulating functions, as well as the high degree of its differentiation. Given the high share of wages in the monetary income of the population in the face of a reduction in free services, the main problem is the inability of wages to provide a decent standard of living. In addition, the prevailing high level of wage differentiation, which in most cases does not depend on the personal characteristics of the worker, has a negative impact on the social well-being of the population. The article monitors the differentiation of wages in the Republic of Bashkortostan

against the background of Russian inequality. The main directions of wage inequality are identified and analyzed: between Russian regions, types of economic activity, occupational groups, as well as gender inequality. It was revealed that the highest degree of wage differentiation is observed by occupational groups, especially among men.

Keywords: social inequality, wages, inequality, differentiation, region, standard of living of the population, incomes of the population, industry, occupational groups

For citation: Kabashova E. V. The Republic of Bashkortostan in the background of wage inequality in the Russian Federation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):73–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-73-81>.

Характерными чертами современного общества являются: высокая степень социальной поляризации, различия в имущественном положении и уровне доходов населения. Социальное неравенство, присущее любому социуму [1], зависит не только от различий в экономическом развитии регионов, но и от перераспределительной политики [2].

Заработная плата, занимающая в 2020 году в денежных доходах 57,5%, для большей части населения Российской Федерации является основным, а иногда и единственным источником материального благосостояния. Неравенство в заработной плате оказывает значительное влияние на доходную дифференциацию, хотя эта связь, по оценкам экспертов, стала менее тесной [3], и, в конечном итоге, влияет на социальное неравенство в целом. Анализ неравенства уровня заработной платы по регионам, отраслям, а также выработка эффективных рекомендаций по его снижению имеют первостепенное значение для обеспечения экономического роста, повышения уровня жизни и прав граждан на достойный и эффективный труд [4].

Вопросам неравенства заработной платы, обуславливающих его факторам, причинам и последствиям данного явления для российского рынка труда и экономики в целом посвящены научные труды отечественных ученых: С. А. Айвазяна, Н. А. Волгина, В. Е. Гимпельсона, Е. В. Заровой, Р. И. Капелюшниковой, А. Я. Кируты, А. Л. Лукьяновой, В. С. Мхитаряна, Л. И. Ниворожкиной, А. Е. Суринова, А. Ю. Шевякова и др.

Цель данного исследования — мониторинг дифференциации заработной платы в Республике Башкортостан на фоне российского неравенства. В задачи исследования входят выделение и анализ основных направлений зарплатного неравенства: между российскими

регионами, видами экономической деятельности, группами занятий, а также гендерного неравенства.

Эмпирической базой исследования явились официальные данные Федеральной службы государственной статистики, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, результаты выборочного обследования заработной платы работников по профессиональным группам и категориям персонала (октябрь 2021 г.), данные агентства РИА Рейтинг.

По сути, данное исследование является продолжением разработки методических подходов к оценке внутрирегиональной дифференциации заработной платы, представленных нами в работе [5].

Проблема неравенства заработной платы существовала всегда. Справедливое неравенство стимулирует, мотивирует работников, способствует повышению производительности труда, его эффективности и качества. К факторам, оказывающим влияние на размер заработной платы, а, соответственно, и на степень ее неравенства, относятся:

1) зависящие от социально-экономического развития региона: уровень его модернизации, развитие промышленности, функционирование и баланс рынка труда и другие;

2) действующие на микроуровне и зависящие от предприятия (организации): вид экономической деятельности, форма собственности, организационные и управленческие механизмы на предприятии;

3) личностные факторы: пол, возраст, а также факторы, зависящие от самого работника (уровень образования, квалификация, продвижение по карьерной лестнице, стаж работы, личные стремления и мотивы, желание работать и другие).

По мнению ученых, слабая корреляция дифференциации заработной платы с качеством рабочей силы по видам экономической деятельности и территориям снижает уровень отдачи на человеческий капитал и уменьшает стимулы к его накоплению [6].

Одним из индикаторов зарплатного неравенства является отношение медианного значения заработной платы к среднему ее уровню (табл. 1).

Данные таблицы 1 свидетельствуют об отставании республики по уровню заработной платы от среднероссийского уровня, а также о меньшей степени зарплатного неравенства в ней.

Остановимся подробнее на межрегиональном неравенстве заработной платы. По оценке экспертов, «территориальное неравенство является не только проблемой, но и фактором развития» [2]. В рейтинге регионов России по уровню заработной платы, ежегодно рассчитываемом экспертами агентства РИА Рейтинг, лидируют Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа, Магаданская область, Москва (табл. 2). К регионам с наименьшей заработной платой относятся: Ивановская область, республики Ингушетия, Дагестан, Мордовия, Калмыкия, где медианная заработная плата варьирует в пределах 26–29 тыс. рублей.

С 2017 года по настоящее время в рейтинге регионов по уровню заработной платы Республика Башкортостан занимает 36-е место (в 2018 г. — 37-е, в 2019 г. — 33-е). Доля работающих с заработной платой выше 100 тыс. руб. более, чем в 2,3 раза ниже, чем в среднем по России, а доля работников с заработ-

ной платой ниже 15 тыс. рублей — больше на 2,7%. Данный факт еще раз подтверждает, во-первых, отставание республиканского уровня заработной платы от среднероссийского; во-вторых, меньшую степень республиканской дифференциации заработной платы.

В целом среди регионов России наблюдается сильное зарплатное неравенство. В 2021 году максимальное значение заработной платы превысило минимальное почти в четыре раза. Разрыв в уровне максимальной и минимальной заработной платы составляет более 99 тыс. руб., а коэффициент вариации, равный 42,6%, свидетельствует о высокой степени межрегионального неравенства заработной платы.

Ученые отмечают, что вклад регионального фактора в общее неравенство в России превышает вклад отраслевого и профессионального факторов, а также вклад образования, опыта работы, возраста или пола [11–12]. Долгосрочными факторами межрегионального неравенства заработной платы являются, во-первых, различия в структуре региональных экономик и, как следствие, различия в структурах занятости; во-вторых, сильные различия между российскими регионами в условиях проживания, включая геоклиматические условия, уровни цен и развитость социальной инфраструктуры [13].

Об актуальности исследования неравенства заработной платы между видами экономической деятельности (межотраслевого неравенства), кроме научных исследований и разработок, свидетельствует также расчет

Таблица 1 — Показатели неравенства заработной платы*

Показатель	Республика Башкортостан		Российская Федерация	
	2015 г.	2021 г.	2015 г.	2021 г.
Медианное значение заработной платы, тыс. рублей	21,1	35,2	24,9	40,2
Отношение медианного значения заработной платы к средней заработной плате, %	81,4	82,2	73,6	70,3
Соотношение средней заработной платы 10 % работников с наибольшей и 10 % работников с наименьшей заработной платой, раз	10,9	8,3	14,5	13,5

* Составлено автором по данным [7–8].

Таблица 2 — Дифференциация заработной платы в регионах России, 2021 г.*

Место	Регион	Медианная заработная плата, тыс. руб.	Доля работающих с заработной платой выше 100 тыс. руб., %	Доля работающих с заработной платой ниже 15 тыс. руб., %	Диапазон самых распространенных зарплат в регионе, тыс. руб.
1	Чукотский автономный округ	95,8	46,2	1,2	61–155
2	Ямало-Ненецкий автономный округ	92,8	40,5	1,0	55–139
3	Магаданская область	81,1	32,1	0,2	52–125
4	Ненецкий автономный округ	80,0	30,8	1,9	43–116
5	Москва	75,7	29,8	2,3	41–117
6	Сахалинская область	71,6	23,5	0,5	42–94
7	Камчатский край	71,8	23,2	0,0	43–93
36	Республика Башкортостан	35,2	3,7	12,7	20–42
81	Ивановская область	27,3	1,3	24,2	15–31
82	Республика Ингушетия	22,9	1,3	22,2	16–31
83	Республика Дагестан	23,5	1,3	27,5	14–32
84	Республика Мордовия	28,7	1,2	16,3	18–34
85	Республика Калмыкия	26,0	1,2	19,6	17–34
	Российская Федерация	40,2	8,8	10,0	22–54

* Разработано автором по данным [9–10].

с 2022 года рейтинга регионов, построенного по отраслям с самой высокой заработной платой (табл. 3).

В рейтинге регионов России по заработным платам в различных отраслях лидирует Сахалинская область со средней заработной платой в добывающей промышленности 206 тыс. руб., что более, чем на 110 тыс. руб. превышает среднюю заработную плату по региону. По данным таблицы 3 отчетливо прослеживается вклад регионального фактора в общее неравенство заработной платы: и в Сахалинской области, и в Республике Башкортостан отраслью с наивысшей заработной платой является добывающая промышленность, однако размах вариации зарплаты между регионами составляет 145 тыс. рублей.

В целом по Российской Федерации наибольший уровень заработной платы отмечается в финансовой и страховой деятельности, добыче полезных ископаемых, а также в области информации и связи (рис. 1). В Респуб-

лике Башкортостан — это добыча полезных ископаемых, деятельность профессиональная, научная и техническая, а также финансовая и страховая.

В целом разрыв между заработной платой в Российской Федерации и Республике Башкортостан по всем видам экономической деятельности составляет 12,6 тыс. руб. Однако в разрезе видов экономической деятельности неравенство заработной платы весьма существенно. Так, в финансовой и страховой деятельности разрыв в заработной плате составляет около 61 тыс. руб., в области информации и связи — более 40 тыс. руб., добыче полезных ископаемых — более 30 тыс. рублей. В целом степень неравенства по видам экономической деятельности выше в Российской Федерации, чем в Башкортостане (табл. 4).

В республике, как и в целом по стране, в 2020 году по сравнению с 2010 годом наблюдается тенденция к снижению показателей неравенства заработной платы по видам

Таблица 3 — Неравенство заработной платы по отраслям в регионах России, 2021 г.*

Место	Регион	Отрасль с наивысшей заработной платой	Средняя заработная плата в отрасли, тыс. руб.	Средняя заработная плата в регионе, тыс. руб.
1	Сахалинская область	Добывающая отрасль	206	92,3
2	Москва	Финансовые услуги	199	112,8
3	Ямало-Ненецкий автономный округ	Добыча нефти и газа	179	116,4
4	Мурманская область	Рыболовство и рыбоводство	163	76,6
5	Магаданская область	Профессиональная и научная деятельность	144	112,9
6	Ненецкий автономный округ	Добыча нефти и газа	139	95,7
7	Санкт-Петербург	Информационные технологии	138	76,3
42	Республика Башкортостан	Добывающая отрасль	61	42,8
80	Республика Адыгея	Госслужба	41	36,0
81	Алтайский край	Госслужба	40	33,9
82	Кировская область	Госслужба	39	36,1
83	Республика Калмыкия	Госслужба	39	33,0
84	Республика Мордовия	Госслужба	39	34,5
85	Ивановская область	Госслужба	39	32,4

* Построено автором по данным [14].

Таблица 4 — Дифференциация заработной платы по видам экономической деятельности, 2021 г.

Показатель	Российская Федерация			Республика Башкортостан		
	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Размах вариации, тыс. руб.	39,0	58,1	85,2	23,6	31,5	45,5
Коэффициент дифференциации, раз	4,5	3,8	4,1	3,7	3,1	3,4
Коэффициент вариации, %	46,4	45,1	43,4	40,3	33,5	31,6

экономической деятельности. Причем снижение коэффициента вариации на уровне региона за рассматриваемый период гораздо существеннее и составляет 8,7 % против 3 % в среднем по стране.

Кроме высокой дифференциации заработной платы между видами экономической деятельности, наблюдается также высокая степень внутриотраслевого неравенства. Напри-

мер, в Российской Федерации в 2021 году внутри обрабатывающей промышленности, которая достаточно разнообразна по своему составу, размах вариации составил более 84 тыс. руб. (в 2020 году — 91 тыс. руб.), отношение максимальной заработной платы (108,4 тыс. руб. в производстве табачных изделий) к минимальной (24,3 тыс. руб. — производство одежды) составляло почти 4,5 раза; коэффициент

Рисунок 1 — Неравенство заработной платы по видам экономической деятельности, 2020 г.

Figure 1 — Wage inequality by type of economic activity, 2020

вариации, равный более 35 %, свидетельствует о сильном внутриотраслевом неравенстве. В Республике Башкортостан уровень неравенства заработной платы внутри обрабатывающей промышленности выше, чем в среднем по стране: отношение максимальной заработной платы к минимальной составляет более 6 раз; коэффициент вариации равен 37,4 %.

Неравенство заработной платы по группам занятий в Республике Башкортостан и Российской Федерации исследуется в гендерном разрезе (табл. 5).

Таким образом, дифференциация заработной платы по группам занятий довольно существенна, причем у мужчин она значительно выше, чем у женщин. Наибольшее значение гендерного разрыва как в республике, так и в стране в целом, наблюдается у специалистов среднего уровня квалификации, руководителей, а также работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности.

В Башкортостане, по данным выборочного обследования населения за октябрь 2021 г., средняя заработная плата мужчин составила 51,6 тыс. руб., женщин — 37,9 тыс. руб., то есть отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляет 73,4 %, размах вариации равен 13,7 тыс. руб. (в среднем по России: 72,4 % и 18,5 тыс. руб. соответственно).

По оценкам экспертов НИУ «Высшая школа экономики» основными причинами гендерного неравенства являются: так называемый «зарплатный штраф» за материнство, доминирование мужчин в крупных компаниях, а также более высокая готовность рисковать у мужчин, чем у женщин [15].

Гендерное неравенство в заработной плате во многом также определяется различиями в структуре занятости мужчин и женщин по видам экономической деятельности: мужчины, как правило, заняты в более доходных

Таблица 5 — Неравенство заработной платы по группам занятий работников в гендерном разрезе, 2021 г., тыс. руб.*

Показатель	Республика Башкортостан			Российская Федерация		
	Мужчины	Женщины	Гендерный разрыв, %**	Мужчины	Женщины	Гендерный разрыв, %
Всего	51,6	37,9	26,6	67,1	48,6	27,6
Руководители	94,2	63,7	32,4	133,1	90,6	31,9
Специалисты высшего уровня квалификации	58,5	42,3	27,7	81,4	55,8	31,4
Специалисты среднего уровня квалификации	55,8	36,6	34,4	73,9	44,3	40,1
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	31,3	25,5	18,5	48,9	35	28,4
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	36,1	24,1	33,2	46	31,9	30,7
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	29,0	33,1	–14,1	36,1	38,1	–5,5
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	46,4	39,4	15,1	53,6	40,9	23,7
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	43,6	38,2	12,4	56,2	39,4	29,9
Неквалифицированные рабочие	26,4	22,2	15,9	32	26,4	17,5
<i>Показатели неравенства заработной платы</i>						
Размах вариации, тыс. руб.	67,8	41,5	х	101,1	64,2	х
Коэффициент дифференциации, раз	3,57	2,87	х	4,16	3,43	х
Коэффициент вариации, %	45,1	34,9	х	49,7	42,6	х

* Составлено автором по результатам выборочного обследования заработной платы работников по профессиям и должностям (октябрь, 2021). Росстат.

** Гендерный разрыв в оплате труда определяется как разница между средним заработком мужчин и женщин в процентах от заработка мужчин.

отраслях. Так, в 2020 году в Российской Федерации в структуре занятых мужчин 17,3 % работали в обрабатывающих производствах; 13,2 % — в транспортировке и хранении; 11,6 % — торговле оптовой и розничной, ремонте автотранспортных средств и мотоциклов; 11,2 % — в строительстве. В структуре работающих женщин 19,5 % были заняты в сфере

оптовой и розничной торговли, 15,9 % — в образовании, 12,7 % — в области здравоохранения и социальных услуг.

Таким образом, на сегодняшний день в условиях трансформации социально-трудовой сферы заработная плата остается одним из основных показателей уровня жизни населения и социально-экономического развития

регионов. К сожалению, сложившийся уровень заработной платы большинства населения страны и ее регионов не может обеспечить достойный уровень жизни населения. Исследование показало, что степень неравенства заработной платы в Республике Башкортостан несколько меньше по сравнению со

среднероссийскими показателями и, несмотря на имеющуюся тенденцию к ее снижению, все еще находится на достаточно высоком уровне. Среди рассмотренных нами направлений дифференциации заработной платы наибольший ее уровень отмечается по группам занятий, особенно у мужчин.

Список источников

1. Юртикова Н. В. К вопросу о влиянии дифференциации заработной платы на социальное неравенство в современном российском обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 4. С. 33–37.
2. Зубаревич Н. Неравенство доходов населения: пространственная проекция // Pro et Contra. 2013. Ноябрь-декабрь. С. 48–60.
3. Римашевская Н. М., Мигранова Л. А. Социально-экономическое неравенство в России // Народонаселение. 2016. № 3. С. 17–33.
4. Старокожева В. П., Агарычева А. В., Прошин И. А. Зарплатное неравенство: дифференциация уровней заработной платы в регионах и отраслях России // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 2. С. 463–484.
5. Кабашова Е. В. Методика оценки внутрирегиональной дифференциации заработной платы // Управленческий учет. 2021. № 12–2. С. 384–393.
6. Соболев Э. Н., Соболева И. В. Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в российской экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2014. № 5(71). С. 33–50.
7. Труд и занятость в России. 2021 : статистический сборник. М. : Росстат, 2021. С. 162 // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>
8. Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
9. Рейтинг российских регионов по уровню зарплат — 2021 // РИА новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20211122/zarplata-1759282489.html>. Дата публикации: 22.11.2021.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021 : статистический сборник. М. : Росстат, 2021. С. 1112 с. // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
11. Лукьянова А. Л. Дифференциация заработных плат в России (1991–2008 гг.): факты и объяснения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 12. С. 124–148.
12. Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3(31). С. 170–186.
13. Ощепков А. Ю. Межрегиональные различия в оплате труда в России: роль долгосрочных структурных факторов : препринт. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 40 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2019/12/25/1524765320/WP3_2019_08.pdf.
14. Рейтинг регионов по зарплатам в различных отраслях — 2022 // РИА Рейтинг : сайт. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220321/630219763.html>. Дата публикации: 23.03.2022.
15. Эксперты оценили разрыв в зарплатах между женщинами и мужчинами в России // RBK.ru : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/06/2022/62b5957d9a7947935d720fec>

References

1. Yurtikova N. V. On the issue of the impact of wage differentiation on social inequality in modern Russian society. *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika* = *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2019;(4):33–37. (In Russ.).
2. Zubarevich N. Income inequality: spatial projection. *Pro et Contra* = *Pro et Contra*. 2013. November-December. P. 48–60. (In Russ.).
3. Rimashevskaya N. M., Migranova L. A. Socio-economic inequality in Russia. *Narodonaselenie* = *Population*. 2016;(3):17–33. (In Russ.).
4. Starokozheva V. P., Agarycheva A. V., Proshin I. A. Wage inequality: differentiation of wage levels in the regions and industries of Russia. *E`konomika truda* = *Labor Economics*. 2022;9(2):463–484. (In Russ.).

5. Kabashova E. V. Methods for assessing intra-regional differentiation of wages. *Upravlencheskij uchet = Management Accounting*. 2021;(12–2):384–393. (In Russ.).
6. Sobolev E. N., Soboleva I. V. Trends and factors of wage differentiation in the Russian economy. *Vestnik Rossijskogo e`konomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2014;5 (71):33–50. (In Russ.).
7. Labor and employment in Russia. 2021: statistical collection. Moscow: Rosstat; 2021. P. 162. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>
8. Inequality and poverty. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>
9. Rating of Russian regions by salary level — 2021. RIA Novosti: site. (In Russ.). Available from: <https://ria.ru/20211122/zarplata-1759282489.html>. Publication date: November 22, 2021.
10. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: statistical collection. Moscow : Rosstat; 2021. P. 1112 p. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
11. Lukyanova A. L. Wage differentiation in Russia (1991–2008): facts and explanations. *Zhurnal Novoje`konomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2011;(12):124–148. (In Russ.).
12. Ovcharova L. N., Popova D. O., Rudberg A. M. Decomposition of income inequality factors in modern Russia. *Zhurnal Novoje`konomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2016;3(31):170–186. (In Russ.).
13. Oshchepkov A. Yu. Interregional wage differences in Russia: the role of long-term structural factors: preprint. M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2019. 40 p. (In Russ.). Available from: https://wp.hse.ru/data/2019/12/25/1524765320/WP3_2019_08_pdf
14. Rating of regions by salaries in various industries — 2022 // RIA Rating: website. (In Russ.). Available from: <https://riarating.ru/infografika/20220321/630219763.html>. Publication date: March 3, 2022.
15. Experts estimated the wage gap between women and men in Russia. RBK.ru : website (In Russ.). Available from: <https://www.rbc.ru/economics/27/06/2022/62b5957d9a7947935d720fec>

Информация об авторе

Е. В. Кабашова — кандидат экономических наук.

Information about the author

E. V. Kabashova — Candidate of Science (Economics).

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 82–87.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):82–87.

Научная статья

УДК 615.83

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-82-87

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ SPA- И WELLNESS-ИНДУСТРИИ В РОССИИ

Наталья Сергеевна Огурцова

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
 Москва, Россия, netali1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6758-9559>

Аннотация. Современный мир характеризуется жестким динамизмом и ритмом жизни, высоким уровнем стресса, ростом неинфекционной заболеваемости. Одним из методов снижения указанных негативных явлений выступает лечебно-оздоровительный туризм и вся совокупность санаторно-курортных, СПА- и велнес-услуг, направленных на восстановление физических сил человека, психологического баланса и работоспособности. СПА- и велнес-индустрия в России развивается в соответствии с общемировыми тенденциями, используя природные ресурсы как основной фактор оздоровления. В статье рассматриваются современные тенденции развития СПА- и велнес-индустрии Российской Федерации. Выделены основные участники рынка, обозначены природные ресурсы, используемые в программах СПА- и велнес-обслуживания. Сделан вывод о том, что в нашей стране СПА- и велнес-сегмент лечебно-оздоровительного туризма переживает устойчивый рост и набирает популярность.

Ключевые слова: лечебно-оздоровительный туризм, СПА-, велнес, санаторно-курортное лечение, оздоровление

Для цитирования: Огурцова Н. С. Тенденции развития SPA- и wellness-индустрии в России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 82–87. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-82-87>.

Research article

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SPA AND WELLNESS INDUSTRY IN RUSSIA

Natalia S. Ogurtsova

N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia,
 netali1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6758-9559>

Abstract. The modern world is characterized by rigid dynamism and rhythm of life, high levels of stress, and an increase in non-communicable morbidity. One of the methods of reducing these negative phenomena is medical and wellness tourism and the whole set of sanatorium, SPA and wellness services aimed at restoring a person's physical strength, psychological balance and working capacity. The SPA and wellness industry in Russia is developing in accordance with global trends, using natural resources as the main factor of wellness. The article discusses the current trends in the development of the SPA and wellness industry of the Russian Federation. The main market participants are identified, natural resources used in SPA and wellness programs are identified. It is concluded that in our country the SPA and wellness segment of health tourism is experiencing steady growth and gain popularity.

Keywords: health and wellness tourism, SPA, wellness, spa treatment, wellness

For citation: Ogurtsova N. S. Trends in the development of the SPA and wellness industry in Russia. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):82–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-82-87>.

Вода и иные природные ресурсы (соли, грязи, воздух и пр.) является общим ресурсом и фактором притяжения туристических объектов, называемых SPA- (или СПА-) и wellness (велнес), которые являются частью услуг по оздоровлению. В настоящее время СПА- и велнес-туризм как направление лечебно-оздоровительного туризма переживает бум, который отражает изменения в жизни населения, такие как повышение экономического благосостояния и желание воссоединиться с природой.

Термин «оздоровительный туризм» является обобщенным понятием, которое все еще нуждается в более детальном определении, поскольку оно охватывает широкие понятия, такие как СПА- и велнес-туризм, оздоровительный и медицинский туризм, санаторно-курортный и рекреационный.

Со стороны спроса на оздоровительный туризм можно провести различие между благополучием и здоровьем. Благополучие преследуют только «здоровые» люди, а профилактика является главной целью. Эти потребители могут искать услуги, аналогичные тем, которые используют клиенты обычных «лечебных», но они участвуют в этом виде туризма, чтобы сохранить свое здоровье [1]. Практическая ценность оздоровительных мероприятий с использованием природных ресурсов подтверждает их положительное влияние на качество жизни, удовлетворенность и лояльность людей как к опыту, так и месту назначения [2].

СПА- и велнес-центры предлагают полный комплекс оздоровительных курортных услуг, способствующих улучшению состояния тела и ума, а также высококачественному здоровому питанию. Медицинские курорты специально предлагают процедуры косметической хирургии и другие сопутствующие услуги.

Следует отметить, что с древних времен люди посещали горячие источники с целью улучшения своего здоровья, и вокруг этих источников впоследствии создавались курорты. Использование курортов и их минеральных вод, солей, минералов, водорослей и пр. имеет давнюю традицию с течением времени. Однако в настоящее время правила общественного здравоохранения могут представлять угрозу для этой практики, поскольку процессы дезинфекции, используемые в медицин-

ской практике, могут изменить их целебные свойства.

Сектор СПА- и велнес-услуг за последние десятилетия вырос в геометрической прогрессии. Подобные услуги стали важными источниками дохода для отелей и курортов, при этом клиенты СПА- и велнес-центров предпочитают качественные услуги по разумным ценам и с высоким уровнем конфиденциальности.

База для совершенствования и расширения СПА-движения в наше время формируется посредством использования в совокупности: успехов, достижений и разработок современной медицины, разнообразных природных ресурсов, а также традиций и обычаев, которые сохранились еще с древних времен. На данный момент представлены различные направления СПА-лечения, в которых могут применяться:

- целебные растения;
- морские воды;
- морская соль;
- минеральные воды;
- лечебные грязи;
- морские водоросли.

СПА можно характеризовать как курорт, который предоставляет все необходимые условия для расслабления, восстановления и отдыха. СПА входит в число важнейших элементов такого оздоравливающего направления, как велнесс. Велнесс выступает в роли определенной лечебно-ориентированной технологии, которая направлена на приобретение в условиях городской среды эмоционального и физического баланса, на проведение оздоравливающих процедур в целом.

Наиболее известными в Европе СПА-курортами являются «Абано Терме» в Италии и «Эвиан» и «Виши» во Франции.

Большинство отелей мира в наше время обладают собственными СПА- и велнес-центрами, в которых применяются уникальные природные ресурсы и современные научные успехи и достижения [3].

Следует отметить, что СПА-движение в России, богатой своими разнообразными, уникальными природными ресурсами, также начало активно развиваться. На базе отелей формируются СПА-центры, открываются и расширяются специализированные салоны.

Кроме этого, уделяется большое внимание гимнастике и физическим нагрузкам в велнес-индустрии.

Главной особенностью абсолютно всех направлений российских и зарубежных СПА сегодня является применение только натуральных природных материалов, в которых полностью отсутствуют различные синтетические добавки.

К примеру, активно применяются различные косметические средства, имеющие только натуральный состав: ароматические средства, эфирные масла, травы, экологические травяные сборы и чаи, всевозможные соли, грязи и другие природные компоненты. В программах СПА-центров представлено большое количество антицеллюлитных программ, с применением обертываний водорослями, аппликациями с вытяжками растений, солей, лечебной грязи.

Основой современных СПА-технологий являются, сохранившиеся еще с древних времен традиции оздоровления, проверенные временем. Наблюдается, что все чаще люди, уставшие от нынешнего жизненного ритма, хотят восстановиться, разобраться в своих мыслях, расслабиться. В этом могут помочь древние медитативные техники и уникальная природа.

Это объясняет популярность в России этнических СПА-технологий. Среди них можно перечислить различные существующие виды массажа, а также прослушивание этнической музыки и применение разнообразных ароматов. По мнению профессионалов в СПА-индустрии в России, важнейшая цель СПА состоит в том числе и в формировании условий для того, чтобы человек мог восстановить силы, получить положительные эмоции, расслабиться, а не только в уходе за телом [4].

Среди особенностей медицинского СПА можно отметить то, что в нем ключевую роль играет именно восстановление, оздоровление организма человека или определенных систем и органов. С условием обязательной консультации со специалистом перед прохождением, формируются курсовые программы. Оказывают влияние на различные патологические процессы и устраняют их путем:

- косметовтики;
- различных физиотерапевтических методик;

- мануальной терапии;
- фитотерапии.

В свою очередь, этническое СПА включает оздоровительные программы, которые базируются на методиках, традициях разных стран. К примеру, тайский массаж, кельтские традиции оздоровления, турецкий хаммам, креольские массажи и т. п. [5].

Далее, в классическое СПА входит совокупность процедур, которые ориентированы на оздоровление человека (физическое и психическое) с помощью влияния на органы чувств, применяя различные натуральные природные средства. На данный момент в классическое СПА входит ароматерапия, различные массажи, хромотерапия, хотя, изначально, оно основывалось на бальнеологических комплексах на базе термальных источников.

Различные виды СПА-направлений представляют:

- 1) комплексные СПА;
- 2) СПА-отели;
- 3) СПА-круизы;
- 4) однодневные СПА;
- 5) СПА — минеральные воды;
- 6) медицинские СПА ;
- 7) СПА-клубы.

Так, в однодневные СПА входят процедуры, на которые можно прийти ежедневно или по выбору в любое подходящее время. Такую услугу предоставляют, например, Wellness club Villa Spa в Калининграде; СПА-центр Clarins в отеле «Астория» в Санкт-Петербурге; СПА-центр ESPA при отеле Ritz Carlton, Москва.

Среди важнейшей составляющей СПА-услуг можно отметить определенные условия, атмосферу, которую формирует фоновая музыка, интерьер и освещение в кабинете и т. д. Так, на данный момент, практически каждая СПА-процедура обладает определенной этнической основой [6].

Развитие СПА-центров на базе санаториев и отелей приобретает все большую популярность.

Причин этому несколько.

Сложные финансовые, политические, социальные факторы погружают людей в состояние хронической усталости, поэтому они ощущают острую потребность в релаксации.

Основные показания для отдыха в велнес-отелях представлены в рисунке 1.

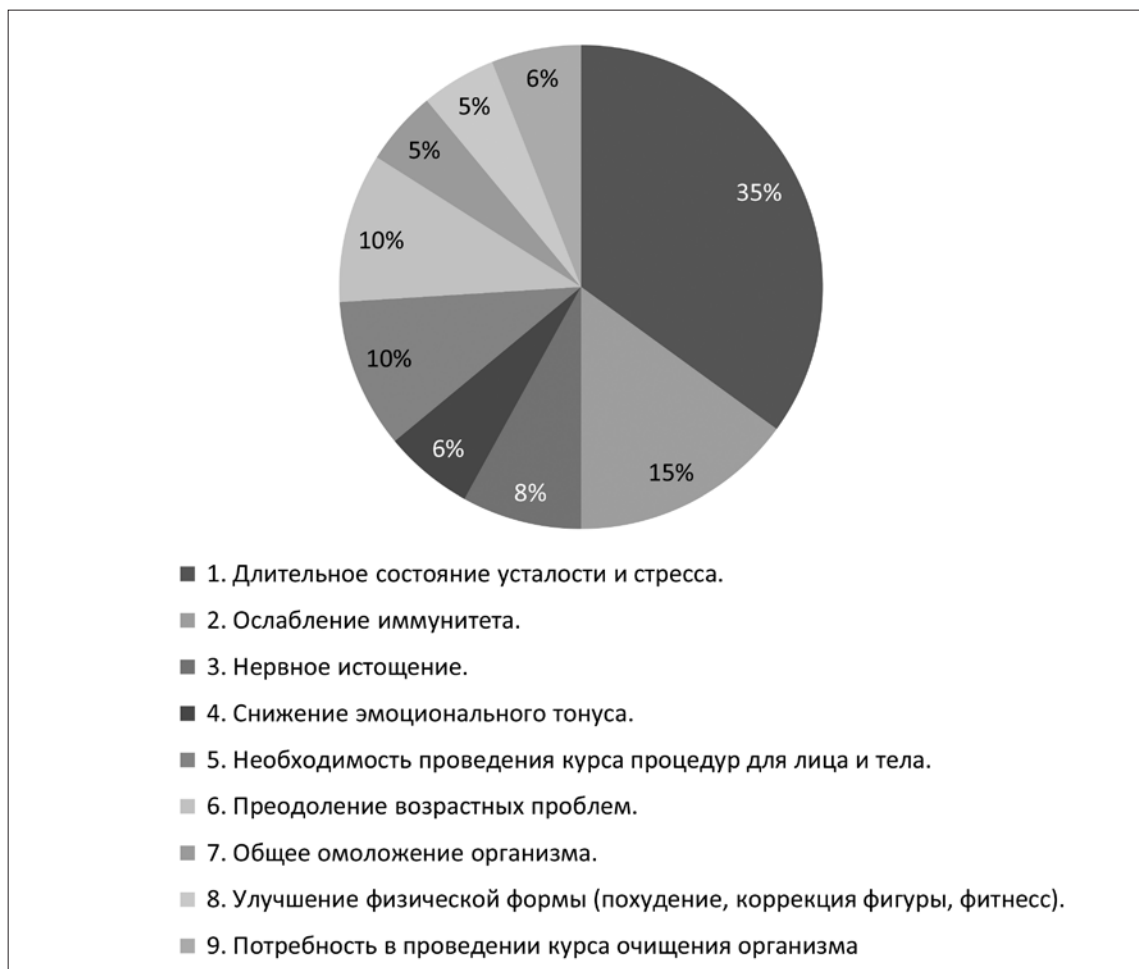

Рисунок 1 — Основные направления СПА- и велнес-оздоровления в России в 2020–2022 гг. [8]

Figure 1 — The main directions of SPA and wellness in Russia in 2020–2022 [8]

На сегодняшний день полноценных СПА-отелей в России, отвечающих международным стандартам, по мнению некоторых экспертов, еще недостаточно много.

Несмотря на то, что санатории и курорты, которые сохранились еще с советских времен, продолжают осуществлять свою деятельность и отличаются уникальными природными ресурсами, однако, в большинстве своем, данные организации, как правило, не отвечают современным требованиям, в них отмечается низкий уровень сервиса.

В свою очередь, имеются некоторые проблемы с размещением СПА-центров в уже действующих отелях, а также организацией новых СПА-отелей. Среди таких проблем можно назвать концентрацию бизнеса в крупных городах, из-за чего наблюдается замедление расширения и развития СПА-отелей в зонах, в которых имеются уникальные природные ресур-

сы, но они находятся на значительном расстоянии от центра города.

Важной является и инженерно-техническая поддержка новых СПА-организаций, что также сопряжено с разного рода трудностями: невозможность получить оборудование, обновить его, так как лишь небольшое количество оборудования производится в России. В рамках импортозамещения уже создан ряд предприятий по производству такого оборудования.

Можно отметить активное увеличение, особенно в пост пандемический период, спроса на СПА-услуги. Соответственно, можно сделать вывод, что СПА-рынок будет и дальше активно развиваться.

Секрет здравниц кроется в сочетании благоприятного климата и полезных свойств даров природы: минеральных вод и грязей. Горный воздух Алтая дополняют процедуры с теп-

лой азотно-радоновой водой, в Кавминводах — с минеральными нарзаном и эссентуками. Сочи гордится сероводородными источниками, Анапа — илово-сульфидными грязями.

Приведем пример СПА-отелей в России с медицинским и классическим направлением: Medical Spa Hotel Rosa Springs (Красная Поляна); Altay Village Teletskoe (Горный Алтай); Mayr Veda (Кисловодск) [7].

Прибалтийское побережье славится насыщенным морским воздухом с ароматом хвои, Ленинградская область и Карелия — реликтовыми сосновыми лесами. Приведем пример СПА-здравниц, расположенных в природно-оздоровляющих зонах России: Plaza (Кавминводы); «Красная Талка» (Геленджик); «Демидково» (Пермский край).

Важным направлением наравне с бальнеологическими и грязевыми источниками является оздоровление путем занятий на свежем воздухе различными практиками, видами спорта и парными процедурами. Приведем пример: Ретритный центр «Абрау-Йога», спрятанный в горах между Черным морем и озером Абрау-Дюрсо; Экоотель «Алтика» на бере-

гу реки Катунь на Алтае; «British баня»; скандинавские сауны Nordic Spa в поселке Янтарном Калининградской области и др.[6].

В XXI веке курорты переосмысливаются как часть оздоровительного туризма, основанного на новых концепциях и услугах, в которых доминирует стремление людей к благополучию, оздоровление, улучшение не только физического, но и ментального здоровья. Природные ресурсы, такие как тип лечебной минеральной воды, минеральный состав лечебных грязей и пр., сохранение окружающей природной среды и социально-культурного наследия, рассматриваются как важнейшие элементы лечебно-оздоровительного и санаторно-курортного туризма.

Российский рынок СПА- и велнес-индустрии применяет не только международный опыт, но и российские практики оздоровления. На сегодняшний день СПА-услуги открыты для людей с достатком выше среднего, в то время как в мировой практике существует тенденция доступности СПА-услуг более широким массам населения. Поэтому в России развитие СПА-индустрии — перспективное направление.

Список источников

1. Mueller H., Kaufmann E. L. Wellness tourism : Market analysis of a special health tourism segment and implications for the hotel industry // Journal of Vacation Marketing. 2001. No. 7. P. 5–17.
2. Healthy Water-Based Tourism Experiences: Their Contribution to Quality of Life, Satisfaction and Loyalty / A. M. Campón-Cerro, E. Di-Clemente, J. M. Hernández-Mogollón, J. A. Folgado-Fernández // International Journal of Environmental Researches in Public Health. 2020. No. 17. P. 1961.
3. Акинина Л. Н. Рекреационные гидроресурсы: динамика на рынке SPA-услуг на южном берегу Крыма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2015. Т. 9, № 4. С. 7–13.
4. Бурменко Т. А. К вопросу о содержании понятия «оздоровительный туризм» // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 1. С. 42–49.
5. Колтаченко А. И., Михеева Е. А. Технологии SMM как новые возможности развития туризма // FINEXG. RU : сайт. URL: <http://www.finexg.ru/texnologii-smm-kak-novye-vozmozhnosti-razvitiya-turizma>
6. Корякина А. Н. Особенности формирования архитектуры спа-комплексов и велнесс-центров в России и за рубежом // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. № 1. С. 14–21.
7. Основные тенденции мировой индустрии спа и велнес в 2022 году // Журналотель.рф : официальный сайт. URL: <https://xn--80akbvbijmwe1i.xn--p1ai/>
8. Тренды SPA & Wellness на выставке «ОТЕЛЬ ЭКСПО» // Frontdesk.ru : сайт. URL: <http://www.frontdesk.ru/news/trendy-spawellness-na-vystavke-otel-ekspo>

References

1. Mueller H., Kaufmann E. L. Wellness tourism: Market analysis of a special health tourism segment and implications for the hotel industry. Journal of Vacation Marketing. 2001;7:5–17.
2. Healthy Water-Based Tourism Experiences: Their Contribution to Quality of Life, Satisfaction and Loyalty / A. M. Campón-Cerro, E. Di-Clemente, J. M. Hernández-Mogollón, J. A. Folgado-Fernández. International Journal of Environmental Researches in Public Health. 2020;17:1961.

3. Akinina L. N. Recreational water resources: dynamics in the market of SPA services on the southern coast of Crimea. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the South Ural State University*. 2015;9(4):7–13. (In Russ.).
4. Burmenko T. A. On the question of the content of the concept of "health tourism". *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Baikal State University*. 2016;26(1):42–49. (In Russ.).
5. Koltachenko A. I., Mikheeva E. A. SMM technologies as new opportunities for tourism development. FINEXG. RU: site. (In Russ.). Available from: <http://www.finexg.ru/tehnologii-smm-kak-novye-vozmozhnosti-razvitiya-turizma>
6. Koryakina A. N. Features of the formation of the architecture of spa complexes and wellness centers in Russia and abroad. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*. 2018;(1):14–21. (In Russ.).
7. The main trends of the global spa and wellness industry in 2022. Журналотель.рф: official site. (In Russ.). Available from: <https://xn--80akbvbijmwe1i.xn--p1ai/>
8. SPA & Wellness trends at the EXPO HOTEL exhibition. Frontdesk.ru: site. (In Russ.). Available from: <http://www.frontdesk.ru/news/trendy-spawellness-na-vystavke-otel-ekspo>

Информация об авторе

Н. С. Огурцова — старший преподаватель кафедры управления.

Information about the author

N. S. Ogurtsova — Senior Lecturer of the Department of Management.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 88–94.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):88–94.

ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 325.1(479.24)

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-88-94

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Фарида Рауф кызы Алиева

Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, Баку,
 Азербайджанская Республика, afarida3101@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности миграционной политики Азербайджанской Республики. Рассматривая процесс переселения населения в рамках определенного исторического периода, автор разделяет волны миграции в стране на три этапа. В основе такого деления стоят причины и характер миграционных волн после приобретения независимости Азербайджанской Республики. Автор исследует институциональные основы формирования миграционной политики в Республике и рассматривает управленческий аппарат миграционных процессов.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, Азербайджанская Республика, управление миграционным процессом

Для цитирования: Алиева Ф. Р. кызы. Концептуальные и институциональные основы миграционной политики Азербайджанской Республики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 88–94. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-88-94>.

POLITICS AND IDEOLOGY

Research article

CONCEPTUAL AND INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE MIGRATION POLICY OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Farida R. kyzy Alieva

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Baku,
 Republic of Azerbaijan, afarida3101@gmail.com

Abstract. The article discusses features of the migration policy of the Republic of Azerbaijan. Considering the process of population resettlement within a certain historical period, the author divides the waves of migration in the country into three stages. This division is based on causes and nature of migration waves after the independence of the Republic of Azerbaijan. The author examines the institutional framework for the formation of migration policy in the Republic and considers the administrative apparatus of migration processes.

Keywords: migration, migration policy, Republic of Azerbaijan, management of the migration process

For citation: Alieva F. R. kyzy. Conceptual and institutional foundations of the migration policy of the Republic of Azerbaijan. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):88–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-88-94>.

Миграционная политика, проводимая в Азербайджане в последние 30 лет, смогла охватить все векторы существующих миграционных процессов. Сформировавшаяся в Азербайджане миграционная политика стала особым примером для стран мирового сообщества с точки зрения успехов, достигнутых в области регулирования различных видов миграции с ее многогранным характером.

Государственная политика в сфере управления миграционным процессом в Азербайджане прошла в своем развитии три важных этапа.

- 1) I этап — 1990–1995 годы;
- 2) II этап — 1996–2003 годы;
- 3) III этап — 2004 — по настоящее время [1].

Для того чтобы понять особенности реализации каждого этапа развития миграционной политики в Азербайджане, необходимо учитывать содержание основных событий, происшедших на этом этапе.

Для начального этапа характерными процессами были насильственная депортация азербайджанцев, проживавших на территории Армении накануне распада Советского Союза, Нагорно-Карабахский конфликт и выселение азербайджанского населения с исторической родины, миграция турок-махсати в Азербайджан в результате политики этнической чистки, проводимой в Грузии и Узбекистане. Принимая во внимание названные процессы, можно с полной уверенностью сказать, что формировавшаяся на начальном этапе миграционная политика носила этнический характер.

Второй этап формирования миграционной политики запомнился высокой динамикой трудовых миграций. В эти годы большая часть населения Азербайджана покинула страну и уехала в соседние страны в связи с поиском новых рабочих мест и желанием улучшить свое материальное благосостояние. Среди таких стран на первом месте оказались Россия, Турция и Украина. За эти годы в указанные страны иммигрировало около миллиона человек из Азербайджана.

Трудовая миграция в Азербайджане характеризуется высокой динамичностью. Упомянутые массы мигрантов не покинули страну раз и навсегда. Подавляющее большинство из них въезжали и выезжали из страны, чтобы обеспечить финансовое благополучие оставшимся

в Азербайджане членам семьи. Это оказало серьезное влияние на интенсивность миграционных процессов в стране. Такой динамизм привел к тому, что проводимая государством миграционная политика сосредоточилась на трудовых миграциях [2, с. 132].

Баланс миграции на первом и втором этапах примерно одинаковый, хотя характер миграционных процессов в Азербайджане на первом и втором этапах существенно различаются по содержанию. Это подтверждают данные Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики. По информации, предоставленной комитетом, число мигрантов, принявших участие в миграционном процессе как на первом, так и на втором этапе, составило почти миллион человек. Это довольно много для такой маленькой страны, как Азербайджан.

Начиная с 2004 года начинается третий этап формирования миграционной политики в Азербайджане. Этот этап совершенно отличается от двух предыдущих по содержанию. С точки зрения происходящих процессов указанный этап можно охарактеризовать как институционализацию миграционной политики в Азербайджане.

Геополитически выгодное расположение Азербайджана, политическая стабильность, динамичное развитие, демократия, развитие широких связей международного сотрудничества, целенаправленная политика, направленная на развитие нефтяного и ненефтяного секторов, благоприятные условия, созданные для иностранных и внутренних инвестиций, вызвали значительное увеличение объема инвестиций в страну. В связи с увеличением интенсивности миграционных процессов на экономической почве, с целью определения векторов государственного механизма управления в данной сфере в 2004 году была принята «Концепция государственной политики управления миграцией Азербайджанской Республики» [3], которая определяет основные задачи исполнительных органов, участвующих в реализации миграционной политики в стране.

Для реализации этой Концепции и достижения поставленных целей 25 июля 2006 г. был подписан Указ Президента Азербайджанской

Республики «Об утверждении Государственной миграционной программы Азербайджанской Республики (2006–2008 годы)».

Объективной необходимостью стало создание специального государственного органа, реализующего единую государственную политику в сфере миграции на основе Государственной программы. Учитывая эту необходимость, Президент Ильхам Алиев 19 марта 2007 г. подписал Указ о создании Государственной миграционной службы Азербайджанской Республики.

Начиная с 2008 года в Азербайджане стали наблюдаться серьезные трансформации в направлении течения миграционных процессов. Увеличение темпов экономического развития, быстрое развитие промышленности и открытие новых рабочих мест на фоне экономического развития привели к снижению интенсивности эмиграции и увеличению интенсивности иммиграции. Можно лишь упомянуть тот факт, что в 2008–2015 гг. в Азербайджан иммигрировали на постоянное жительство 20,2 тыс. чел., в то время как число единовременно покинувших страну составляло всего 8 тысяч.

Третий этап формирования миграционной политики также характеризуется совершенствованием ряда управленческих механизмов в области миграционной политики. С 2009 года в стране создана система «Единое окно» с целью упрощения процедур, связанных с миграцией, особенно более гибкого осуществления процессов документирования. Кроме того, в целях более эффективного управления миграционными процессами по стране организована Единая миграционная информационная система (ЕММС). С 2010 года для контроля за перемещением мигрантов в стране создана система «Въезд-выезд и регистрация». Наконец, 2 июля 2013 г. был принят Миграционный кодекс Азербайджанской Республики. Все это создало основу для эффективного управления миграционными процессами в стране.

Эти меры еще раз показывают, что миграционная политика считается приоритетной политической линией правительства Азербайджана. В частности, следует отметить, что эти меры привели к управлению миграционными

процессами в Азербайджанской Республике на основе более гибких и эффективных механизмов, обеспечив оперативность в этой сфере и устранив проблемы, ожидающие решения, и позволили создать целостную картину динамики миграционных процессов, происходящих в стране. Также созданы благоприятные условия для принятия соответствующих мер в сфере противодействия незаконной миграции и обеспечения безопасности, устранены отдельные пробелы в нормативных правовых актах в сфере миграции, адаптировано миграционное законодательство к современным требованиям.

Трудовая миграция сегодня является одним из основных векторов содержания миграционной политики Азербайджана. Мобильность рабочей силы является основным ядром миграционных процессов, наблюдаемых в стране в последние годы.

В целом трудовая миграция, связанная с уровнем экономического развития той или иной страны, вызывает серьезные изменения в ее демографическом, экономическом, социальном, культурном и этническом ландшафте.

Как мы уже отмечали, восходящее развитие экономики страны в Азербайджане привело к изменению направлений миграции в последние годы.

Результаты реформ, проведенных в экономической сфере, сказались на характере миграционных потоков из страны. Эмиграция (миграция сельского населения в города), характерная для Азербайджана в 90-е годы, с 2013 года начала сменяться иммиграцией. С другой стороны, успехи, достигнутые в экономической области, привели к уменьшению числа лиц, участвующих в иностранной трудовой миграции, и прибытию в республику тысяч иностранных трудовых мигрантов.

Интервью с потенциальными мигрантами и репатриантами показывают, что при выборе страны назначения они принимают решение, исходя из ситуации в стране назначения. Также учитываются правила въезда в страну, расстояние, транспортные расходы, визовые требования, возможности пребывания в стране и трудоустройства. Российская Федерация, Турция, Объединенные Арабские Эмираты

и ряд европейских стран (особенно Германия, Греция, страны Скандинавии и др.) являются основными направлениями азербайджанских трудовых мигрантов. Для того чтобы правильно оценивать миграционные процессы, особенно в контексте трудовой миграции, и делать на их основе прогнозы, очень важно выявить портреты трудовых мигрантов, активно участвующих в этих процессах.

Из наблюдений и анализа известно, что:

- в основном люди в возрасте 20–45 лет покидают территорию страны для работы за границей;

- беженцы, внутренне перемещенные лица, члены малообеспеченных семей, отнесенные к группам риска, — лица, более активно вовлеченные в трудовую миграцию;

- большинство трудовых мигрантов составляют выходцы из регионов Азербайджана;

- мужчины мигрируют чаще, чем женщины.

В последние годы число трудовых мигрантов, прибывающих в Азербайджан, резко возросло. Официальная информация Министерства труда и социальной защиты населения показывает, что на январь 2017 г. в системе индивидуального учета Государственного фонда социальной защиты населения зарегистрировано 33 940 иностранцев. Из этих цифр видно, что количество иностранных трудовых мигрантов заметно увеличилось по сравнению с предыдущими годами. Безусловно, такая ситуация вызывает необходимость усиления государственной политики, проводимой в сфере трудовой миграции и рынка труда в соответствии с интересами местной рабочей силы. Именно по этой причине обеспечение эффективной занятости населения путем более полного использования трудовых ресурсов является основной целью «Государственной программы по реализации стратегии занятости Азербайджанской Республики», реализованной в 2007–2015 гг. Сделаны принципиальные шаги в направлении создания новых предприятий, открытия рабочих мест, реализации крупных инфраструктурных проектов. В результате этих шагов в 2016 году в Азербайджане было открыто более 100 000 новых рабочих мест. Общее количество новых рабочих мест, большинство из которых являются постоянными, начиная с 2004 года достигло 1,6 млн.

Азербайджанской Республике удалось накопить богатый опыт в области миграции и построить свою новую модель в этой области. Основные компоненты политики, реализуемой в отношении беженцев и внутренне перемещенных лиц, лиц, ищущих убежища, а также иностранцев, осуществляющих трудовую деятельность в пределах страны и проживающих здесь, а также азербайджанцев, проживающих и работающих за рубежом, являются составными элементами этой модели. Именно благодаря этим элементам государственная политика, реализуемая в сфере миграции в Азербайджанской Республике, эффективно решает проблемы, проявляющиеся и характеризующиеся своей актуальностью в сфере миграции, и постоянно совершенствует ее до уровня, отвечающего новым вызовам.

Роль различных государственных органов, действующих в сфере управления миграцией в Азербайджане сегодня, можно кратко классифицировать следующим образом:

1. Президент Азербайджанской Республики играет ключевую роль в формировании миграционной политики. Он выступает с законодательными инициативами в этой сфере, утверждает законы, подписывая их, а также имеет право вето, к тому же дает поручения по осуществлению внешнеполитических дел. Как предусмотрено Конституцией страны, глава государства обладает исключительными полномочиями принимать решения о предоставлении гражданства и политического убежища в Азербайджанской Республике.

2. Министерство иностранных дел отвечает за реализацию визовой политики, включая выдачу въездных виз для особых категорий лиц (сотрудников дипломатических представительств, консульств и международных организаций и членов их семей), прибывающих в Азербайджанскую Республику для дипломатических или специальных целей, предусмотренных международными договорами, участницей которых является Азербайджанская Республика, и несет ответственность за продление срока временного пребывания лиц без гражданства на территории Азербайджанской Республики, оказание консульских услуг гражданам Азербайджанской Республики, проживающих за границей, регистрации граждан Азербай-

джанской Республики, постоянно или временно проживающих в зарубежных странах, а также содействие и развитие сотрудничества с международными организациями и странами-партнерами в сфере миграции [4].

3. Министерство труда и социальной защиты является основным государственным органом, ответственным за управление национальным рынком труда. Департамент политики занятости и демографии министерства конкретно занимается вопросами трудовой миграции, а Государственная служба занятости, действующая при министерстве, занимается созданием надлежащих условий для профессиональной интеграции иммигрантов. Данное министерство выступает в качестве основной связующей правительственной организации по заключению двусторонних международных договоров в сфере трудовой миграции. При этом министр труда и социальной защиты населения возглавляет Комиссию по определению квоты труда иностранцев, которая вносит на утверждение Кабинета министров предложения, связанные с нормой труда иностранцев на каждый календарный год [5].

4. Министерство внутренних дел рассматривает вопросы выдачи соответствующих регистрационных удостоверений и гражданства лицам без гражданства совместно с Государственной миграционной службой. В то же время этот орган отвечает за реализацию мер по борьбе с организованной преступностью и торговлей людьми.

После создания в 2007 году Государственной миграционной службы и введения в 2009 году принципа «одного окна» в 2013 году ей были переданы полномочия по регистрации иностранцев и лиц без гражданства. Однако Межведомственная автоматизированная информационно-поисковая система «Въезд-выезд и регистрация» находится в ведении Министерства внутренних дел.

5. Государственная пограничная служба является основным государственным органом, осуществляющим пограничный контроль. Эта служба осуществляет регистрацию иностранцев в пунктах пропуска, принимает меры против незаконной миграции и проверяет документы, необходимые для въезда иностранцев в страну. Согласно действующему законода-

тельству основными задачами Государственной пограничной службы являются обеспечение охраны и неприкосновенности государственной границы, предупреждение международного терроризма, борьба с незаконной миграцией, незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружия и боеприпасов, принятие мер против распространения оружия массового поражения и связанных с ним компонентов, углеводородов для обеспечения защиты ресурсов, а также нефтегазовой инфраструктуры [1].

6. Государственный комитет по работе с диаспорой поддерживает и координирует деятельность азербайджанских диаспорских организаций. Основными задачами комитета являются сбор и анализ информации об азербайджанцах, проживающих за рубежом, организация мероприятий с участием членов диаспоры в Азербайджане и за рубежом, поддержка членов диаспоры через диаспорские организации.

7. Государственная миграционная служба является основным органом, осуществляющим миграционную политику на территории Азербайджанской Республики. Помимо обеспечения контроля за реализацией данной политики, указанный орган также выполняет функцию координации между другими органами в процессе реализации миграционной политики. Одной из основных его задач является обеспечение работы миграционной базы.

Этот орган выдает разрешения и соответствующие карты иностранцам и лицам без гражданства на временное и постоянное проживание на территории Азербайджанской Республики, продлевает срок временного пребывания иностранцев и лиц без гражданства в стране, выдает разрешения на работу, определяет статус беженца и в связи с приобретением гражданства Азербайджанской Республики осуществляет процедуры и занимается вопросами реадмиссии. Государственная миграционная служба устанавливает свою деятельность во взаимодействии со Службой безопасности, Министерством труда и социальной защиты населения, Министерством внутренних дел, Министерством образования, Министерством здравоохранения, Министерством иностранных дел [4, 32].

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на перемещение людей. Сфера миграции явилась одной из областей, наиболее пострадавших от пандемии. Указанная проблема не обошла стороной и Азербайджан.

Опыт Азербайджана в регулировании миграционных процессов и процедур во время пандемии заслуживает высокой оценки. Наша страна с первых дней предприняла гибкие и необходимые превентивные меры по недопущению распространения коронавирусной инфекции, оперативно реализовала неотложные меры против пандемии.

До даты первого случая заражения в Азербайджане был создан Оперативный штаб при Кабинете министров, состоящий из руководителей всех соответствующих государственных органов и учреждений, в том числе Государственной миграционной службы, что позволило наладить надлежащее управление и коммуникации в текущих условиях, а также принимать гибкие решения. В период пандемии приоритетным вопросом для Азербайджана, как подчеркнул Президент Ильхам Алиев, были «здоровье человека, жизнь человека и социальная защита людей».

В этом направлении Азербайджанская Республика проявила солидарность с другими странами, укрепила сотрудничество с международными партнерами, особенно со Всемирной организацией здравоохранения, продолжила гуманитарные инициативы, проявив тотальный подход в борьбе с глобальным бедствием. Так, от нашей страны Всемирной организации здравоохранения были выделены добровольные пожертвования на сумму 10 млн долларов, а гуманитарная помощь оказана более чем 30 странам.

В настоящее время в Азербайджане идет процесс подготовки к регулированию новой волны миграции. Разумеется, речь идет о возвращении на родину после 44-дневной войны

около миллиона вынужденных переселенцев. Процесс репатриации, который предполагается завершить примерно через 6 лет, ставит новые задачи перед правительством Азербайджана, в том числе перед органами, осуществляющими миграционную политику. Это, прежде всего, обеспечение переселенцев жильем, социальными услугами и связью, рабочими местами. Мониторинг практически освобожденных территорий говорит о том, что на первом этапе Азербайджан должен потратить на это порядка 30 млрд долларов. Это открывает новый вектор для государства в миграционной политике. Речь идет об установлении взаимоотношений между органами, регулирующими миграционные процессы, и негосударственными субъектами. Чтобы справиться с этим процессом, правительство Азербайджана намерено отдать предпочтение программам государственно-частного партнерства. Одним из основных вопросов повестки дня является обеспечение безопасности людей, присоединяющихся к процессу репатриации. Для этого правительство Азербайджана пытается заключить с Арменией срочный мирный договор и ликвидировать последствия войны. Одним из особых моментов в этом процессе является проблема разминирования территорий, освобожденных от оккупации.

С началом обострения международного конфликта на Украине заметно увеличился поток мигрантов в разные страны, в том числе и в Азербайджан. В связи с этим перед миграционными службами Азербайджанской Республики встали задачи по реализации миграционной политики в новых условиях.

С учетом того, что Республика имеет солидную концептуальную институциональную базу в сфере миграционной политики, богатый опыт управления миграционными процессами, она готова к современным вызовам времени и способна успешно регулировать миграционные процессы, происходящие в стране.

Список источников

1. Azərbaycanca miqrasiya vəziyyətinə dair tədqiqat — Miqrasiya Siyasətinin İnkişafı üzrə Beynəlxalq Mərkəz (MSİBM) // Miqrasiya Siyasətinin İnkişafı üzrə Beynəlxalq Mərkəz (MSİBM): veb sayt. URL: https://www.icmpd.org/file/download/54141/file/Baseline%2520Study%2520on%2520Migration%2520in%2520Azerbaijan_AZ.PDF
2. Abdullayev F. Müasir Azərbaycan dövlətinin miqrasiya siyasəti və beynəlxalq əməkdaşlıq. Bakı : Elm və Təhsil, 2009, 328 s.

3. «Об утверждении Государственной концепции Азербайджанской Республики по политике управления миграцией : Постановление Кабинета министров Азербайджанской Республики от 13 июля 2004 г. № 94 : в редакции Постановления Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 10.04.2017 г. № 124) // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=55346

4. Muradov Ş., Baxış Ç. Azərbaycan Respublikasında etno-demoqrafik proseslər: tarixi dəyişikliklər və reallıqlar. Bakı, 2013. 135 səh.

5. Sərdarov M. Qloballaşma və miqrasiya siyasəti. Bakı : Təknur, 2010. 123 səh.

References

1. Research on the migration situation in Azerbaijan — International Center for Migration Policy Development (IMPCD). International Center for Migration Policy Development (IMPCD): site. (In Azerb.). Available from: https://www.icmpd.org/file/download/54141/file/Baseline%20Study%20on%20Migration%20in%20Azerbaijan_AZ.PDF.

2. Abdullayev F. Migration policy of the modern state of Azerbaijan and international cooperation. Baku: Science and Education; 2009, 328 p. (In Azerb.).

3. “On the approval of the State Concept of the Republic of Azerbaijan on migration management policy: Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Azerbaijan dated July 13, 2004 No. 94: as amended by the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Azerbaijan dated April 10, 2017 No. 124). Legislation of the CIS countries: site. (In Rus.). Available from: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=55346

4. Muradov Sh, Bakhish Ch. Ethno-demographic processes in the Republic of Azerbaijan: historical changes and realities. Baku; 2013. 135 p. (In Azerb.).

5. Sardarov M. Globalization and migration policy. Baku: Teknur, 2010. 123 p. (In Azerb.).

Информация об авторе

Алиева Фарида Рауф кызы — докторант кафедры политологии и политического управления.

Information about the author

Aliyeva Farida Rauf kyzy — doctoral candidate of the Department of Polithology and Political Management.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 95–102.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):95–102.

Научная статья
УДК 323.1(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-95-102

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БАШКОРТОСТАНА*

Ильдар Махмутович Габдрафиков^{1✉}, Ляйля Гельсовна Хуснутдинова²

¹Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия, ildargab@yandex.ru✉

²Московский политехнический университет, Москва, Россия, Lavanda-55@mail.ru

Аннотация. Предметом статьи является анализ взглядов и воззрений студенческой молодежи в полиэтничном регионе России, каковым является Республика Башкортостан, на современные общественно-политические процессы и межнациональные отношения в стране, выявление особенностей и факторов на них влияющих. Работа основывается на данных этносоциологического опроса, проведенного в конце 2021 г. при непосредственном участии авторов данной статьи. Объектом исследования выступает современная студенческая молодежь Башкортостана. Цель статьи заключается в изучении взглядов современной студенческой молодежи на общественно-политические процессы и межнациональные отношения, а также выявление общих и специфических факторов на них влияющих. В статье на конкретных данных массового опроса с применением методов, принятых в политической и социологической науках, показано состояние взглядов и воззрений студенческой молодежи, определены факторы, от которых в той или иной степени зависит ее поведение. В целом, наше исследование показало, что сегодня студенческую молодежь волнуют примерно те же проблемы, что и все российское общество и государство. Больше всего это касается проблем, связанных с материальным положением, социальной незащищенностью, финансовыми трудностями, с которыми молодежь сталкивается в повседневной жизни, а также безопасностью граждан.

Ключевые слова: российская молодежь, студенчество, молодежная политика, общественно-политические взгляды, этнополитические процессы, этническая идентичность, этничность, этностатистика, перепись населения, межнациональные/межэтнические отношения, национальная политика

Для цитирования: Габдрафиков И. М., Хуснутдинова Л. Г. Межнациональные отношения в современной России: взгляд студенческой молодежи Башкортостана // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 95–102. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-95-102>.

Research article

INTERNATIONAL RELATIONS IN MODERN RUSSIA: VIEW OF THE STUDENT YOUTH OF BASHKORTOSTAN

Ildar M. Gabdrifikov^{1✉}, Laila G. Khusnutdinova²

¹ Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, ildargab@yandex.ru✉

² Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia, Lavanda-55@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № AAAA-A21-121012290085-3 на основе этносоциологического опроса по проекту «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республик Башкортостан, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Чувашии)», включенного в Программу фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 г. во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. Пр-71, п. 6.

Abstract. The subject of the article is the analysis of the views and views of students in the multi-ethnic region of Russia, which is the Republic of Bashkortostan, on modern socio-political processes and interethnic relations in the country, identifying the features and factors influencing them. The work is based on data from an ethno-sociological survey conducted at the end of 2021 with the direct participation of the authors of this article. The object of the study is the modern student youth of Bashkortostan. The purpose of the article is to study the views of modern student youth on socio-political processes and interethnic relations, as well as to identify common and specific factors influencing them. In the article, based on specific data of a mass survey using methods adopted in political and sociological sciences, the state of the views and views of student youth is shown, the factors on which their behavior depends to one degree or another are determined. In general, our study showed that today student youth are concerned about approximately the same problems as the entire Russian society and state. Most of all, this concerned problems associated with financial situation, weak social insecurity, financial difficulties that youth face in everyday life, and the safety of citizens.

Keywords: Russian youth, students, youth policy, socio-political views, ethnopolitical processes, ethnic identity, ethnicity, ethnostatistics, population census, interethnic/interethnic relations, national policy

For citation: Gabdrafiyev I. M., Khusnutdinova L. G. International relations in modern Russia: view of the student youth of Bashkortostan. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):95–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-95-102>.

В статье представлены результаты социологического опроса, посвященного исследованию взглядов современной студенческой молодежи на общественно-политические процессы в стране, в том числе на различные аспекты межнациональных отношений и национальной политики в России и ее регионов. Опрос проводился в конце 2021 г. в пяти республиках, входящих в Приволжский федеральный округ — Башкортостане, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии и Чувашии. В данной статье мы анализируем данные, полученные в ходе опроса на территории Республики Башкортостан, который проводился при непосредственном руководстве авторов данной статьи.

Актуальность изучения общественного мнения в молодежной среде связана с тем, что именно в данной возрастной категории особенно остро и динамично проявляются проблемы межэтнических отношений [1]. Эта особенность представителей молодежи обусловлена тем, что у них недостаточно жизненного опыта, находятся в процессе формирования взгляды, ценности и установки, которые могут меняться под действием разных внешних сил и жизненных обстоятельств, еще не завершен процесс получения образования и формирования более-менее цельной мировоззренческой картины мира, часто личные интересы преобладают над общественными. К тому же молодежь наиболее активно пользуется интернетом, вовлечена в виртуальную реальность и подвержена

на возможным внешним манипуляциям, в том числе и этнополитического характера, являясь иногда благоприятной средой для нездоровых сил. Понимание того, чем живет современная молодежь, крайне важно с точки зрения реализации государственной политики для выстраивания эффективной стратегии воспитания молодежи, ее гражданственности, социализации, адаптации и интеграции в современный многогранный социум. Поэтому полученные в ходе нашего опроса данные имеют как научное, так и практическое значение, способствуют совершенствованию механизмов профилактики, выявлению и противодействию возможной межэтнической напряженности, формированию и укреплению российской идентичности и гражданской интеграции.

Наша статья ставит своей целью на основе данных массового опроса показать специфику взглядов студенческой молодежи Республики Башкортостан на общественно-политические процессы и особенности межнациональных отношений в стране и регионе, а также выявить факторы, влияющие на них.

В Республике Башкортостан опрос проводился в г. Уфе с 15 октября по 19 ноября 2021 г. В соответствии с инструментарием исследования и выборкой опроса всего было опрошено 300 студентов высших и средне-специальных учебных заведений, в том числе 75 студентов гуманитарных специальностей Башкирского кооперативного института, филиала Россий-

ского университета кооперации, 75 студентов инженерно-технических и естественнонаучных специальностей Уфимского государственного нефтяного технического университета. Также было опрошено 75 студентов Башкирского колледжа архитектуры, строительства и коммунального хозяйства и 75 студентов Педагогического колледжа при Башкирском государственном педагогическом университете. Опрошенных студентов младших и старших курсов было примерно в равной пропорции — по 50 %. При этом 80 % студентов занимались только учебой, а 20 % совмещали учебу с работой. Демографический состав опрошенных студентов выглядит следующим образом: 54 % — женщин, 46 % — мужчин. По возрасту респонденты были следующих возрастных категорий: 15–17 лет — 30 %, 18–20 лет — 66 %, старше 20 лет — 4 %. По национальному составу 44 % студентов отнесли себя к русским, 32 % — татарам и 22 % — башкирам, представителей других национальностей оказались в незначительном количестве — 2 %. 35 человек из 300 выбрали две национальности — в основном русский-татарин, реже русский-башкир или татарин-башкир.

Абсолютное большинство опрошенных студентов родились и проживают в Башкирии — таковых оказалось 88 % респондентов, 8 % приехали из другого региона России, 4 % — из другого государства, в том числе республик бывшего СССР. При этом на вопрос «Как долго Вы живете в данной республике?» 89 % студентов ответили, что живут всю жизнь, 11 % указали количество лет проживания в Башкирии.

Опрос выявил, что современное студенчество волнуют прежде всего их материальное положение (так ответили чуть более 50 % опрошенных), вопросы безопасности (45 %) и будущего трудоустройства (33 %). В контексте темы нашей статьи заслуживает особого внимания вариант ответа «Состояние межнациональных отношений» на вопрос о проблемах, которые волнуют молодежь сегодня в большей мере — его выбрали 10 % опрошенных, т. е. каждый десятый студент. Много это или мало для данного показателя, когда каждого десятого опрошенного студента волнует состояние межнациональных отношений? Нам думается, доста-

точно много для того, чтобы на него обратили внимание не только эксперты, но и практические работники.

На уточняющий, более конкретный вопрос «Как Вы в целом оцениваете положение дел в вашей республике (имея в виду уровень доходов населения, безработицу, социальную защищенность населения, состояние медицинского обслуживания, темпы экономического роста и т. д.)?» были получены следующие ответы. Чуть менее половины опрошенных студентов отметили, что состояние дел в регионе в целом хорошее, но есть проблемы (46 %). В то же время состояние дел в республике каждый пятый респондент (21 %) оценил как плохое, но есть сдвиги к лучшему, как плохое — 14 %, затруднились с ответом 12 % студентов и только 7 % ответили, что состояние дел в республике хорошее. Между тем данные по миграционным потокам свидетельствуют о том, что в последние 8 лет в республике наблюдается отрицательный миграционный баланс. Среди лиц, выезжающих за пределы республики, значительную часть составляют выпускники общеобразовательных школ, как правило, поступающие в вузы Москвы, Санкт-Петербурга, чуть реже Казани, Екатеринбурга и Самары. Депопуляция населения Башкирии сегодня становится стратегической угрозой для развития республики. Снижение численности населения в последнее время происходит в геометрической прогрессии. Статистические данные свидетельствуют о том, что в Башкирии наметилась устойчивая тенденция к сокращению численности населения — годы подряд идет ее убыль. Так, в совокупности с 2014 по 2020 гг. численность населения Республики Башкортостан стала меньше на 54 583 чел. Если к 1 января 2015 г. численность населения республики составляла 4 071 987 чел., то на 1 января 2021 г. — 4 016 481 чел. Только за 2020 год сокращение численности населения составило 21 670 человек. Именно поэтому летом 2021 г. правительство Башкирии разработало «дорожную карту» по увеличению численности населения республики. Она рассчитана на пять лет — до 2026 года. По документу общая численность населения республики продолжит сокращаться, но планируется удержать показатель на уровне чуть более 4 млн чел. [2].

Источники информации, которым студенты доверяют в наибольшей степени, распределены по шкале доверия следующим образом: родственники, друзья, знакомые (52 %), социальные сети (29 %), интернет-сайты (22 %), средства массовой информации, в том числе телевидение, радио, газеты, журналы (21 %), блогеры и тиктокеры (7 %). При этом 16 % молодых людей ответили, что никому не доверяют, 7 % дали другой ответ, 6 % затруднились с ответом. Таким образом, мы можем отметить, что студенческая молодежь предпочитает получать информацию от альтернативных государственным средствам массовой информации каналам трансляции информации, при этом самым надежным источником информации считают своих близких людей.

Данные нашего опроса свидетельствуют о том, что в молодежной среде Башкирии в целом существует благоприятный климат межнациональных отношений. На вопрос о том, придают ли они значение национальности человека при общении с ним, 86 % респондентов ответили, что не придают никакого значения. В то же время предпочитают не общаться с людьми некоторых национальностей 9 % и предпочитают общаться с людьми своей национальности 3 % опрошенных (всего 12 %). Заслуживают внимания ответы молодежи на вопросы, направленные на выявление их взгляда на отношения между людьми различных национальностей в России. 20 % опрошенных назвали их доброжелательными, способствующими общественному согласию, а 36 % — нормальными, бесконфликтными (в совокупности 56 %). Однако довольно значимая доля опрошенных (37 %) назвала отношения между людьми различных национальностей в стране напряженными, с наличием конфликтных ситуаций. В то же время взрывоопасными, способными перейти в открытые столкновения — 2 % респондентов, 5 % затруднились с ответом.

Однако ответы на вопрос «Могут ли произойти межнациональные конфликты в республике?» оказались менее оптимистичными. Ответили нет 11 % и скорее всего нет — 45 % (итого 56 %), но в то же время, по мнению 34 % студентов такие конфликты в республике могут произойти, 2 % — они уже сейчас происходят, 8 % респондентов затруднились с ответом.

Среди причин, способных обострить межнациональные отношения в республике, студенты назвали следующие по убыванию: неправильное воспитание в семье, исторические традиции проявления национальной нетерпимости в регионе (54 %); вызывающее поведение представителей отдельных национальностей, игнорирующих традиции местных жителей (48 %); непродуманные решения региональных и местных органов власти в сфере межнациональных отношений (38 %); выступления в СМИ, провоцирующие межнациональную неприязнь (37 %); недостаточная работа учреждений образования и культуры по воспитанию культуры межнациональных отношений (29 %); ухудшение экономического положения людей, снижение уровня жизни (28 %); прибытие мигрантов из зарубежных стран и других регионов Российской Федерации, усиление конкуренции на рынке труда (22 %); деструктивная деятельность организаций экстремистской направленности (19 %); борьба политических сил (партий, организаций) за власть в ходе выборов кампаний (17 %); присоединение республики к соседнему региону (8 %); другое (4 %). Фактически же сами студенты за последний год не сталкивались с негативным к себе отношением из-за своих национальности, языка или религиозной принадлежности. 89 % ответили, что не было никакого негативного отношения и только 4 % отметили, что было из-за национальности, 2,3 % — из-за языка, 1,3 % — из-за религии и 4 % затруднились ответить. Студенты в своих ответах продемонстрировали высокую степень толерантности. На вопрос о том, чувствуют ли они в настоящее время враждебность, неприязнь к людям других национальностей, 70 % ответили определенно нет и 19 % — скорее нет, утвердительно ответили всего 6 % (из них: скорее да — 5 %, определенно да — 1,0 %) и 5 % затруднились с ответом.

В акциях, направленных в поддержку интересов своей этнической группы (своего народа), если они будут организованы активистами национального движения, готовы принять участие 27 % студентов, в том числе: готовы присоединиться к организованным акциям 18 % и готовы сами принять участие в организации таких акций 9 %. При этом не готовы к таким действиям 51 % опрошенных, в том числе: ка-

тегорически не готовы — 31 % и 20 % — скорее не готовы, затруднились ответить — 22 %. При этом готовность в той или иной форме участвовать в акциях по поддержке интересов своего народа выразили 29 % респондентов-башкир и только 12 % русских.

Для абсолютного большинства студентов (69 %) национальность Главы республики не имеет значения, для 16 % имеет определенное значение и только для 8 % имеет большое значение, а 7 % затруднились с ответом. Однако при этом имеется специфика ответов в зависимости от этнической принадлежности опрашиваемых: 27 % студентов башкирской национальности указали, что для них национальность Главы республики имеет определенное значение и 15 % — имеет большое значение. В то же время только 11 % русских студентов отметили, что, по их мнению, национальность Главы республики имеет определенное значение и 4 % русских — имеет большое значение.

Опыт постсоветской Башкирии свидетельствует о том, что именно в период выборов компаний, в том числе и главы региона, проявляется в наибольшей степени влияние этнического фактора на электоральные предпочтения граждан. В ходе выборов Главы республики для абсолютного большинства респондентов национальность кандидата не имеет значения (62 %), 19 % проголосовали бы за представителя того народа, именем которого названа республика, 5 % — за русского, 14 % затруднились с ответом. Разумеется, есть ощутимая разница в ответах в зависимости от этнической принадлежности самих респондентов. Так, по мнению 42 % башкир во главе региона должен быть представитель того народа, именем которого названа республика, также считают только 5 % русских. В то же время 10 % русских считают, что во главе республики должен быть русский, так же ответивших среди башкир не оказалось. В целом 50 % башкир и 67 % русских считают, что национальность кандидата не имеет значения.

В последние годы в общественном дискурсе время от времени в той или иной форме всплывает вопрос о возможной «губернизации» России и ликвидации национально-территориальных образований и укрупнении регионов [3].

Каждый раз эта тема вызывает жаркие общественные дебаты, которым часто придается политическая окраска [4–5]. В контексте этих споров мы спросили у студентов об их отношении к «губернизации» страны, то есть идее преобразования национальных республик в области (губернии). В нашем случае, например, Башкирию переименовать в Уфимскую область. Нейтрально отнеслись к этой идее 43 % студентов, 9 % — положительно, а 1/3 (35 %) — отрицательно, 13 % затруднились с ответом. При этом башкир, отрицательно относящихся к этой идее, в два раза больше, чем русских — 52 и 25 % соответственно. 51 % русских ответили, что относятся к возможному преобразованию республики в область нейтрально, таковых среди башкир оказалось 30 %, еще 9 % русских и 6 % башкир относятся к идее положительно. Затруднившихся ответить среди русских оказалось 12 %, среди башкир 15 %.

Студенческая молодежь плохо осведомлена о деятельности политических партий. Большинство считают, что политические партии не уделяют достаточного внимания проблемам молодежи. На вопрос о том, какая политическая партия уделяет наибольшее внимание проблемам молодежи, ответы расположились следующим образом: затруднились ответить 44 %, 26 % отметили, что ни одна из партий не уделяет внимания проблемам молодежи, 10 % — КПРФ, 8 % — ЛДПР, 5 % — другая партия, 4,3 % — Единая Россия, 2,7 % — Справедливая Россия.

На дату проведения опроса более половины (56 %) студентов выражали желание уехать из республики, из них 36 % хотели бы уехать другую страну (прежде всего в страны Западной (Германию, Францию, Великобританию, Италию, Испанию, Швейцарию), Центральной (Чехию, Австрию) или Северной Европы (Норвегию, Финляндию), а также США и Канаду, реже в Объединенные Арабские Эмираты, Турцию, еще реже в Южную Корею, Японию), 19 % изъявили желание уехать в другой регион России (как правило респонденты указали Москву и Санкт-Петербург, а также Казань, чуть реже — Краснодарский край, Екатеринбург, ХМАО и ЯНАО, Центральную Россию [1]. В то же время только каждый пятый (23 %) опрошенный на вопрос ответил отрицательно, пример-

но столько же студентов (22 %) затруднились ответить да или нет.

В качестве причин потенциально возможного переезда в другие страны студенты указали следующие по мере убывания их значимости: возможность сменить обстановку, образ жизни, получить новый жизненный опыт (57 %), возможность более высокой зарплаты (46 %), возможность профессионального роста и карьеры (38 %), отсутствие перспектив, депрессивное состояние региона (24 %), затруднились ответить 21 %.

Следующий блок вопросов нацелен на выяснение отношения студентов к мигрантам и миграционной политике государства. По мнению 32 % респондентов прибытие мигрантов из других стран может повлиять отрицательно на общественно-политическую ситуацию в России и ее регионах (из них: 25 % считают скорее отрицательно, 7 % — отрицательно), а положительно — 24 % (из них: 7 % — положительно и 17 % — скорее положительно). Но самая высокая доля студентов (44 %) затруднились ответить на вопрос. Видимо, их не интересуют взаимоотношения мигрантов с государством и местным обществом. В тоже время на вопрос о влиянии мигрантов из других стран конкретно на их личную жизнь были получены следующие ответы: более половины респондентов (59 %) считают, что прибытие мигрантов в Россию не оказывает никакого влияния на их жизнь. При этом доля ответивших положительно или отрицательно невелика — соответственно, 6 и 9 %. Снова сравнительно большая доля тех, кто затруднился ответить — 26 %.

Более 2/3 студентов (69 %) считают, что не следует ограничить въезд в Россию гражданам других стран. По частоте ответов второе место занял вариант «затрудняюсь ответить» — 17 %. Число опрошенных, указавших, что следует ограничить въезд иностранцев в Россию, оказалось незначительным — всего 14 %, из них 8 % указали страны Закавказья, 3 % — страны Средней Азии, 2 % — других стран (Афганистан) и 1 % — Украины. Среди молодых людей слабо проявляются мигрантофобские настроения. Так, если в городе возникнут пикеты или акции против мигрантов, то не поддержали бы их 68 % студентов, а поддержали бы только 6 %. Для многих респондентов вопрос, видимо, ока-

зался настолько неожиданным, что 26 % затруднились ответить на него.

Социально активными считают себя 41 % опрошенных, а 35 % себя таковыми не считают. Субъективная самооценка студентов оказалась неоднозначной, видимо, поэтому 24 % затруднились ответить на вопрос о социальной активности. Несмотря на то, что ответы на предложенные варианты ответов на вопрос об интересе к общественно-политической деятельности в различных сферах распределились примерно одинаково, все же студенты чаще всего выбрали вариант ответа «меня не интересует общественная деятельность» (29 %). Далее интересы респондентов распределились в следующем порядке: сфера государственного и муниципального управления (26 %), волонтерство (23,0 %) блогерство (22 %), организация и проведение культурно-массовых мероприятий (19 %), общественно-политическая сфера (18 %), вожатская работа (13 %), работа в этнокультурных организациях (3,7 %).

Таким образом, в рейтинге привлекательности для молодежи этнокультурная сфера занимает последнее место, т. е. к ней студенты практически не проявляют интереса. Об этом же свидетельствует и то, что абсолютное большинство их не знает даже о существовании общественных организаций этнокультурной направленности. Так, 82 % респондентов не знакомы с деятельностью Молодежного крыла (комиссии) Общественного организации Собор русских Республики Башкортостан, только 4 % знают, а 14 % затруднились с ответом. Примерно такая же картина и с Региональным отделением Всемирного форума татарской молодежи при Всемирном конгрессе татар — 79 % не знают или не знакомы с его деятельностью, знакомы всего лишь 7 %, затруднились с ответом 14 % студентов. Чуть лучше ситуация с Молодежным советом Всемирного курултая башкир — с его деятельностью знакомы 22 % студентов, 67 % — не знакомы, 11 % затруднились ответить.

В целом молодежь не проявляет особой активности и желания участвовать в работе молодежных общественных организаций. Из предложенных вариантов ответы распределились следующим образом: другие общественные организации — 21 %, «Волонтеры Победы» —

20%, «Поисковое движение России» — 11%, Молодежный совет Всемирного курултая башкир — 10%, Молодежная общественная палата при Государственном собрании — Курултае Республики Башкортостан — 9%, «Молодая гвардия» — 8%, Комсомол — 4%, Региональное отделение Всемирного форума татарской молодежи Всемирного конгресса татар — 3,3%, Молодежное крыло (комиссия) Собора русских Республики Башкортостан — 1,7%. 3,3% студентов отметили, что уже принимают участие в работе молодежной организации, а 8,7% не проявили интереса к участию в работе молодежных общественных организаций.

Наше исследование показало, что студенческую молодежь волнуют примерно те же проблемы, что и все российское общество и государство. Данные опроса показали, что сегодня больше всего студенческую молодежь волнуют проблемы, связанные с их материальным положением, социальной незащищенностью, а также безопасностью граждан. Более половины студентов ответили, что их волнуют финансовые трудности, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни.

Опрос показал, что сегодня студенты в основном получают информацию по альтернативным государственным средствам массовой информации каналам — как правило, че-

рез знакомых и друзей, а также из социальных сетей.

Что касается межнациональных отношений в стране и республике, то они воспринимаются студентами в целом как благоприятные, а отношения между студентами разных национальностей доброжелательные. Однако настораживает довольно заметная доля ответивших на вопрос о том, могут ли произойти межнациональные конфликты в республике. По мнению 1/3 респондентов такие конфликты в республике возможны. При этом главными причинами возможных конфликтов называются неправильное воспитание в семье и исторические традиции проявления национальной нетерпимости в регионе, а также вызывающее поведение представителей отдельных национальностей. Однако, по убеждению студентов, в потенциально возможных конфликтах (в обострении или разрешении их) высока роль также местных органов власти, СМИ и социальных сетей.

Несмотря на то, что около половины студентов назвали себя социально активными, примерно 1/3 студентов ответила, что их не привлекает общественная деятельность, а в рейтинге привлекательности для них национальная и этнокультурная сферы не играют существенного значения, им они не интересны.

Список источников

1. Габдрафиков И. М., Хуснутдинова Л. Г. Социально-экономическая ситуация и миграционные установки граждан по результатам массового населения в Республике Башкортостан // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4 (46). С. 9–15.
2. В Башкирии утверждена «дорожная карта» по увеличению численности населения // Аргументы и факты Уфа : сайт. URL: https://ufa.aif.ru/society/details/v_bashkirii_utverzhdena_dorozhnaya_karta_po_uvelicheniyu_chislennosti_naseleniya. Дата публикации: 28.09.2021.
3. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / ред. В. А. Тишков, Р. Э. Бараш, В. В. Степанов. Москва : ИЭА РАН, 2014. 342 с.
4. Глава Татарии предложил включить Башкирию в Поволжскую агломерацию // ВКонтакте. Новости Уфы. Пруфы.рф. URL: https://prufy.ru/news/society/119005glava_tatarstana_predlozhit_vklyuchit_bashkiriya_v_povolzhskuyu_aglomeratsiyu/?ysclid=kz64egk5fo
5. Новая угроза: союз Кудрина и «татарской партии» // Завтра.ру : сайт. URL: https://zavtra.ru/events/novaya_ugroza_soyuz_kudrina_i_tatarskoj_partii? Дата публикации: 25.01.2022.

References

1. Gabdrafiykov I. M., Khusnutdinova L. G. Socio-economic situation and migration attitudes of citizens based on the results of the mass population in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2021;4(46):9–15. (In Russ.).
2. In Bashkiria, a "road map" was approved to increase the population. Arguments and Facts Ufa: site. (In Russ.). Available from: https://ufa.aif.ru/society/details/v_bashkirii_utverzhdena_dorozhnaya_karta_po_uvelicheniyu_chislennosti_naseleniya. Publication date: September 28, 2021.

3. Russian students: identity, life strategies and civil potential / ed. by V. A. Tishkov, R. E. Barash, V. V. Stepanov. Moscow: IEA RAN; 2014. 342 p. (In Russ.).

4. The head of Tataria proposed to include Bashkiria in the Volga agglomeration. VKontakte. News of Ufa. Proofs.rf. (In Russ.). Available from: https://prufy.ru/news/society/119005glava_tatarstana_predlozhit_vklyuchit_bashkiriya_v_povolzhskuyu_aglomeratsiyu/?ysclid=kz64egk5fo

5. A new threat: the union of Kudrin and the "Tatar party". Tomorrow.ru: site. (In Russ.). Available from: https://zavtra.ru/events/novaya_ugroza_soyuz_kudrina_i_tatarskoj_partii? Publication date: January 25, 2022.

Информация об авторах

И. М. Габдрафиков — кандидат исторических наук, доцент;

Л. Г. Хуснутдинова — кандидат исторических наук, доцент.

Information about authors

I. M. Gabdrifkov — Candidate of Science (Historical), Associate Professor;

L. G. Khusnutdinova — Candidate of Science (Historical), Associate Professor.

Вклад авторов:

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of authors:

Authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

Authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 103–111.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):103–111.

Научная статья

УДК 130.122 (470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-103-111

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ПОЛИЭТНИЧНОГО РОССИЙСКОГО РЕГИОНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (на материалах Республики Башкортостан)

**Рушан Рахимзянович Галлямов^{1✉}, Сергей Михайлович Емелин²,
Фаиль Габдуллович Сафин³**

^{1,2,3}Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева

Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия

¹gal-rushan@yandex.ru✉

²emelin_sm@mail.ru

³failsafin@mail.ru

Аннотация. Анализируются основные тенденции и этапы развития религиозности в одном из самых полиэтничных российских регионов — Республике Башкортостан в позднесоветский и постсоветский период новейшей истории. Исследуются этническая и конфессиональная составляющие религиозности проживающих в республике народов в компаративном значении. Основные выводы делаются на результатах повторного и синхронного анализа материалов государственной статистики, а также итогов нескольких, имеющих репрезентативный характер, масштабных и экспертных опросов, проведенных под руководством и при непосредственном участии авторов. Рассматриваются особенности и направления религиозной идентичности с точки зрения формирования современного «конфессионального ренессанса» и идентификационных основ межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: религиозная идентичность, тенденции развития, Республика Башкортостан

Для цитирования: Галлямов Р. Р., Емелин С. М., Сафин Ф. Г. Религиозная идентичность жителей полиэтничного российского региона на современном этапе: тенденции развития (на материалах Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 103–111. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-103-111>.

Research article

RELIGIOUS IDENTITY OF THE INHABITANTS OF A MULTIETHNIC RUSSIAN REGION AT THE PRESENT STAGE: TRENDS OF DEVELOPMENT (based on the materials of the Republic of Bashkortostan)

Rushan R. Gallyamov^{1✉}, Sergey M. Emelin², Fail G. Safin³

^{1,2,3}Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

¹gal-rushan@yandex.ru✉

²emelin_sm@mail.ru

³failsafin@mail.ru

Abstract. The main trends and stages of the development of religiosity in one of the most multiethnic Russian regions — the Republic of Bashkortostan in the late Soviet and post-Soviet period of modern history are analyzed. The article examines ethnic and confessional components of the religiosity of the

peoples living in the republic in a comparative sense. The main conclusions are drawn on the results of repeated and synchronous analysis of state statistics materials, as well as the results of several large-scale and expert surveys conducted under the guidance and with the direct participation of the authors. The features and directions of religious identity are considered from the point of view of the formation of the modern "confessional renaissance" and the identification foundations of interfaith relations.

Keywords: Religious identity, trends of development, Republic of Bashkortostan

For citation: Gallyamov R. R., Emelin S. M., Safin F. G. Religious identity of the inhabitants of a multiethnic Russian region at the present stage: trends of development (based on the materials of the Republic of Bashkortostan). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):103–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-103-111>.

Введение

Не только в отечественном экспертном сообществе, но и среди большинства ученых-обществоведов, считается общепризнанным факт того, что Республика Башкортостан, территориально расположенная в Приуралье и на Южном Урале, является одной из самых полиэтнических и поликонфессиональных российских территорий. Причем если по показателям этнической мозаичности (смешанности) населения, проживающего здесь, Башкортостан еще уступает первенство некоторым северокавказским республикам (Дагестан, Кабардино-Балкария), то с точки зрения конфессиональной представленности и сложности межконфессиональных отношений, скорее всего, наша республика лидирует не только в масштабах Российской Федерации, но и в пределах всего бывшего Советского Союза.

Исторически сложилось так, что на протяжении свыше одного тысячелетия, в результате многочисленных, имеющих преимущественно этнический характер, миграций (в том числе «великого переселения народов»), которые проходили на Евразийском континенте, в основном с Востока на Запад и обратно, на территории современного Башкортостана отложились множество этносов и этнических групп, которые с середины XIX в. вплоть до эпохи советского национализма именно в этом макрорегионе сформировались в общности этнонационального типа. По результатам советских и постсоветских переписей, эволюция этнонационального состава населения Башкортостана может быть представлена следующим образом (табл. 1).

Как видно из представленной таблицы, по опубликованным на сегодняшний день результатам переписи 2010 года, этническую основу населения Республики Башкортостан со-

ставляют три наиболее многочисленных народа: башкиры (29,5%), русские (36%) и татары (25,4%), в совокупности — 90,9%. Кроме того, в республике проживают также несколько тюркских (в том числе, чуваша — 2,7%), финно-угорских (марийцы — 2,6%, удмурты — 0,5%, мордва — 0,5%) и славянских народов (украинцы — 1,0%, белорусы — 0,3%).

К сожалению, в отличие от первой Всероссийской переписи 1897 года, проведенной еще в императорской России, все советские и постсоветские переписи населения не фиксировали религиозную идентичность граждан. Поэтому мы можем статистически рассчитать конфессиональную принадлежность жителей той или иной территории лишь приблизительно, основываясь, опять же, на данных этнического состава, относя к той или иной конфессии представителей этнических общин, традиционно придерживающихся определенной религиозности. Но и в этом случае мы не можем более или менее точно определить религиозную идентичность граждан в связи с тем, что в эпоху советского «воинствующего атеизма» религиозность стала для людей сугубо личным делом, приобрела преимущественно латентный характер и ограничилась в основном исполнением некоторых обрядов, имеющих религиозный характер.

Практически нет объективных данных и о распространении на территории республики в советский период других, не традиционных для этого региона конфессиональных идентичностей, интенсивно развивающихся в постсоветские годы. Так или иначе, основываясь на этнографических данных, мы можем условно отнести к группе «потенциальных православных»: русских, украинцев и белорусов,

Таблица 1 — Динамика национального состава населения Республики Башкортостан 1926–2010 гг.*

Национальности	1926		1939		1959		1970	
	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес
Все население	2 665 836	100	3 158 969	100	3 341 609	100	3 818 075	100
Башкиры	625 845	23,47	671 188	21,25	737 711	22,07	892 248	23,36
Татары	631 867	23,7	777 230	24,6	768 566	22,99	994 507	26,04
Русские	1 064 707	39,93	1 281 347	40,56	1 418 147	42,44	1 546 304	40,49
Чуваши	84 886	3,18	106 892	3,38	109 970	3,29	126 638	3,32
Марийцы	79 298	2,97	90 163	2,85	93 902	2,81	109 638	2,87
Украинцы	76 710	2,87	92 289	2,92	83 594	2,5	76 005	1,99
Мордва	49 813	1,86	57 826	1,83	43 582	1,3	40 745	1,06
Удмурты	23 256	0,87	25 103	0,79	25 388	0,75	27 918	0,723
Белорусы	18 281	0,68	23 761	0,75	29 792	0,62	17 985	0,47
Другие национ.	35 722	1,34	33 675	1,07	40 767	1,22	36 987	0,94

Национальности	1979		1989		2002		2010	
	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес	Численность	Уд. вес
Все население	3 844 280	100	3 943 113	100	4 104 336	100	4 072 292	100
Башкиры	935 880	24,3	863 808	21,9	1 221 302	29,8	1 172 287	29,5
Татары	940 446	24,5	1 120 702	28,4	990 702	24,1	1 009 295	25,4
Русские	1 547 893	40,3	1 548 291	39,3	1 490 713	36,3	1 432 906	36,0
Чуваши	122 344	3,2	118 509	3,0	117 317	2,9	107 450	2,7
Марийцы	106 793	2,8	105 768	2,7	105 829	2,6	103 658	2,6
Украинцы	75 571	2,0	74 990	1,9	55 249	1,3	39 875	1,0
Мордва	35 900	0,9	31 923	0,8	26 020	0,6	20 300	0,5
Удмурты	25 906	0,7	23 696	0,6	22 625	0,5	21 477	0,5
Белорусы	17 393	0,4	17 038	0,4	17 117	0,4	11 686	0,3
Другие национ.	36 154	0,9	38 388	1,0	57 460	1,3	55 792	1,4

* Таблица составлена по материалам Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) и Всероссийских (2002, 2010) переписей населения.

Таблица 2 — Приблизительный конфессиональный состав населения Республики Башкортостан по результатам последних советских и постсоветских переписей (1979-2010 гг.), составленный по наиболее многочисленным этносам, в %*

Годы переписи населения	Мусульмане	Православные	Язычники	Другие
1979	48,8	46,8	3,5	0,9
1989	50,3	45,4	3,3	1,0
2002	53,9	41,5	3,2	1,3
2010	54,9	40,5	3,1	1,5

* Составлено по [3, с. 64; 4, с. 30].

а также мордвы и чувашей региона, в совокупности составляющих свыше 40,5 % населения¹, к «потенциальным мусульманам» — башкир и татар, исповедующих ислам суннитского толка (ханафитский масхаб), в совокупности — почти 55 % населения, к «потенциальным язычникам» — марийцев и большинство удмуртов республики, в совокупности составляющих 3,1 % ее граждан². В целом, по результатам последних двух советских (1979 и 1989) и двух постсоветских (2002 и 2010) переписей, эволюция конфессионального состава населения Башкортостана может быть представлена следующим образом (табл. 2).

Основываясь на данных вышеприведенной таблицы, по результатам анализа статистических материалов, объективное поле для религиозного ренессанса на территории Башкирии изменялось за последние сорок лет следующим образом: у мусульман оно росло (на 6,1 %); у православных — сокращалось (6,3 %); у язычников — тоже уменьшалось. Эти тенден-

ции являются отражением соответствующих изменений этнического состава населения республики. Вместе с тем нельзя игнорировать межэтнические и внутриэтнические процессы, которые происходили в течение последнего столетия и не могли не повлиять на конфессиональную идентичность широких слоев населения. Имеется ввиду, например, русскоязычная ассимиляция, которая в группе так называемых «неправославных народов» достигла на современном этапе достаточно больших размеров, составляя от 10 до 15 %, а в молодежной среде и свыше 20 % от общей совокупности этноса [5, с. 81–90].

Исходя из исследования имеющихся статистических данных нельзя не прийти к выводу о том, что реальную эволюцию религиозной идентичности широких слоев населения возможно проследить в основном посредством изучения материалов репрезентативных социологических опросов, описание характеристик которых приводится в следующем разделе работы.

Эмпирическая база исследования

Как уже констатировалось выше, эмпирическую основу исследования заявленной проблемы составили в основном две группы источников:

1. Разнообразные статистические данные как опубликованных, так и заархиви-

рованных материалов Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) и Всероссийских (2002, 2010) переписей, а также — микрореперисей (1994, 2015) населения по выборочной совокупности Республики Башкортостан.

¹ По данным известных чувашеведов И. Г. Петрова и Е. А. Ягафровой феномен язычества, весьма распространенный в прежние времена, сохранился на современном этапе у всех российских чувашей в количестве не более 3,5 тыс., а в Башкирии — не более 500 приверженцев [1, с. 100–104].

² Известный уфимский финно-угровед Р. Р. Садилов считает, что практически все марийцы и абсолютное большинство удмуртов Башкирии сохранили, в отличие от своих «материнских» этносов, традиционную (этническую) религию и поэтому могут быть отнесены к группе «язычники» [2, с. 91].

2. Повторный синхронный анализ результатов нескольких масштабных, репрезентативных по республике, и нескольких экспертных опросов, осуществленных при непосредственном участии или под руководством авторов.

Наибольшее значение в этом смысле имеют следующие исследования:

1) Результаты массового социологического опроса жителей семи городов Башкортостана в апреле 1993 г. по проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз» (руководители и организаторы проекта: М. Губогло, Р. Кузеев (Россия) и С. Лейманн, Д. Хафф, Д. Лейтин (США)). Выборка составила более 2100 респондентов, в том числе — башкир (817 чел.), татар (779 чел.) и русских (814 чел.);

2) Результаты этносоциологического опроса сельских и городских жителей Башкортостана, проведенного летом 1995 г. по проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России». Опрошено 2184 респондента, в том числе 824 русских, 472 башкир, 614 татар и 274 других национальностей в пяти городах и пяти сельских районах республики (автор проекта — М. Н. Губогло; руководитель исследования — Ф. Г. Сафин);

3) Результаты социологического опроса жителей Башкортостана по проекту 2011–2012 гг. «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (руководители: Л. М. Дробужева и Р. М. Валиахметов). Выборка составила 1026 чел., репрезентативна по поселе-

ниям, полу, уровню образования и национальности;

4) Итоги этносоциологического опроса по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», проведенного в январе 2014 г. (авторы проекта: Ф. Г. Сафин, А. И. Фатхутдинова; руководитель исследования — А. И. Фатхутдинова). Опрошено 1000 чел., в том числе 361 респондент русской, 295 башкирской, 254 татарской и 90 представителей других национальностей;

5) Итоги этносоциологического опроса по исследовательскому проекту «Этнокультурные процессы в Башкортостане: этничность, язык, религия», проведенного в апреле 2019 г. Опрошено 779 респондентов, в том числе: русских — 264 чел., башкир — 179, татар — 224, других национальностей — 132 чел. (авторы проекта: Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина; руководитель исследования — А. И. Халиулина).

6) Результаты углубленного интервью мусульманской элиты Башкортостана в марте-августе 2004 г. Опрошено 38 религиозных деятелей (автор — Р. Р. Галлямов);

7) Результаты интервью представителей татарской мусульманской интеллигенции и экспертов, проведенных автором в июне — июле 2014 г. Всего проведено 13 глубинных интервью, распределенных по составу экспертов на следующие группы: 4 — представители исламского духовенства, 4 — эксперты из числа ученых и чиновников, 5 — верующие из числа активистов татарских общественных организаций (автор — Р. Р. Галлямов).

Религиозный ренессанс: ожидания и реальность

Возрождение религиозного самосознания в России, бурно развернувшееся с конца 1980-х годов, прошло в своем развитии несколько отличающихся друг от друга этапов. При этом реальные тенденции развития традиционных для страны конфессий значительно отставали и от имеющихся статистических показателей «потенциального» верующего населения, и от ожиданий религиозных иерархов, формирующейся религиозно-духовной элиты.

Например, в Башкирии, согласно результатам социологического опроса городских жите-

лей 1993 года, то есть в самом начале постсоветской эпохи, только 53 % респондентов причисляли себя к верующим. Из них: 12,6 % опрошенных самоопределились как «верующие и соблюдающие обряды»; 33,6 % — как «верующие, но не соблюдающие обряды»; 10,2 % — «нам все равно»; 33 % — «не верим, но уважаем чувства тех, кто верит». По результатам опроса, проведенного по выборке, репрезентативной для всего населения республики, через два года (в 1995 году) уже 71,3 % респондентов в разной степени продекларировали свою религи-

озность. При этом из числа ответивших таким образом 11,1% объявили, что они «верующие и соблюдают обряды»; 34% — «верующие, но не соблюдают обряды»; 7,2% — «нам все равно»; 19,3% — «неверующие, но уважают чувства тех, кто верит». То есть большого роста религиозности не произошло, а рост числа верующих происходил за счет «колеблющихся», в разряд которых перешли те, кто ранее трактовал себя как «не верующий, но уважающий чувства тех, кто верит». Необходимо подчеркнуть, что по результатам обоих представленных опросов однозначно верующие, по своей части от числа опрошенных, составили уже стабильный уровень — приблизительно 55–60% [6, с. 125].

Результаты массовых социологических опросов демонстрируют, что «романтический» период религиозного возрождения в первое десятилетие следующего, двадцать первого, столетия в Башкортостане не завершился, а, например, применительно к мусульманской конфессии, религиозность населения Башкирии сильно возросла. Так по результатам репрезентативного опроса жителей республики 2011 года, проведенного московскими социологами, 31,5% опрошенных, которые объявили о своей мусульманской идентичности (в том числе 32% башкир и 29,5% татар), продекларировали, что они «верующие и стараются со-

блюдать религиозные обычаи и обряды», еще 58,8% респондентов из числа потенциальных мусульман (в том числе 58% башкир и 61% татар) отнесли себя к категории «верующие, но не соблюдающие обычаи и обряды». То есть к 2011 году число верующих, из числа причисляющих себя к мусульманской традиции, в Башкирии достигло 90,3%, согласно религиозной самоидентификации [7, с. 76].

Однако результаты опросов, проведенных во втором десятилетии текущего столетия, демонстрируют не столь «оптимистичные» результаты возрождения религиозности. Например, по результатам опросов 2014 и 2019 годов, не более пятой части представителей преобладающих в республике этносов продекларировали свою твердую, активную религиозность. Причем по всем категориям верующих в различной степени заметна тенденция уменьшения религиозности (табл. 3).

Таким образом, повторные социологические опросы, выступающие своего рода «контрольными» по отношению к опросам 1990-х годов, согласуются с результатами экспертных опросов представителей мусульманской и этнической элиты, проведенных одним из авторов статьи в 2004 и 2014 годах. Как показал сравнительный анализ итогов этих двух опросов, представители мусульманской и этнической

Таблица 3 — Уровень религиозности основных народов Башкортостана в идентификации личности (Ответ на вопрос: Каково Ваше отношение к религии?)*

Ответ на вопрос	Башкиры		Татары		Русские		Другие	
	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.	2014 г.	2019 г.
Я верующий и соблюдаю религиозные обряды	20,0	10,1	17,2	16,6	13,6	18,1	27,0	16,9
Я верующий, но не соблюдаю религиозные обряды	61,3	55,9	61,7	59,6	63,6	46,8	46,0	41,6
Я колеблюсь	3,9	3,4	1,8	2,2	1,9	8,0	6,3	6,7
Мне все равно	1,3	8,9	5,3	7,2	4,6	8,0	4,8	6,7
Я не верующий, но уважаю тех, кто верует	9,7	15,1	12,8	12,1	13,9	12,2	11,1	9,0
Я думаю, что с религией надо бороться	0,6	3,4	0	0	0,4	0,4	0	3,4
Затрудняюсь ответить	3,2	3,3	1,3	2,2	1,9	6,7	4,8	15,7

* Таблица составлена по материалам опросов (январь 2014 г., апрель 2019 г.).

элиты подчеркивают несколько обстоятельств применительно, например, к состоянию развития исламской религиозности. Эксперты считают, что рост мусульманской идентичности широких слоев населения имеет преимущественно «инерционный» характер, сохранившийся после значительного всплеска начала 1990-х годов. Одновременно эксперты подчеркивают большие «сельско-городские» (на селе — больше, в городе — меньше) различия развития религиозности. Наконец, представители этно-мусульманской элиты отмечают существенное отставание исламской конфессии от православия с точки зрения итогов религиозного ренессанса. Очень симптоматично и то, что в 2014 году результаты интервью экспертов, представляющих мусульманскую интеллигенцию, и респондентов из числа чиновников отмечают только некоторый «всплеск» интереса к религии в начале 1990-х годов, а сам интерес носит характер «модного увлечения». Респонденты новейших интервью также специально подчеркивают, что рост «количественных» показателей религиозности (рост количества зарегистрированных общин и мечетей, увеличение числа исполняющих некоторые обряды) происходит наряду с отсутствием ее «качественного» роста (отсутствие «глубинной» религиозности). А отдельные респонденты, особенно из числа молодежи, высказывают мнение, что никакого увеличения исламской религиозности не происходит вообще, скорее наблюдается даже ухудшение в этом смысле, особенно — в последнее десятилетие [6, с. 134].

Как известно, одним из наиболее значимых факторов религиозной идентичности выступа-

ет непосредственная самоидентификация личности, выполняющая стержневую роль. Результаты опросов демонстрируют высокую значимость религиозного фактора среди населения в Башкортостане. Так, более половины (53,1 %) татар, немногим менее этого башкир (47,5 %) и русских (46,2 %), а также каждый второй из пяти опрошенных респондентов других национальностей (39,7 %), как показали данные опроса 2019 года, отметили, что для них религиозная принадлежность имеет очень большое значение. Всего лишь каждый пятый опрошенный башкир (22,9 %) и русский (20,8 %), а также каждый десятый татарин не придавал своей религиозной принадлежности особую значимость (табл. 4). Тем самым в опросах фиксируется высокий, не исчерпанный пока потенциал дальнейшего возрождения религиозности в многонациональном регионе.

В то же время вполне возможно, что само стремление к декларированию своего вероисповедания респондентами из числа потенциальных верующих свидетельствует о значительном росте конфессиональной идентичности, стимулирующей реальное приобщение к религии. Однако по результатам более репрезентативных (в том числе — экспертных) опросов, именно достаточно скромная оценка религиозности широких слоев населения сохраняется в среде духовенства на протяжении всего последнего десятилетия.

Если исходить из статистических показателей, имеющих в значительной степени формальный характер, религиозный ренессанс в Башкирии можно считать состоявшимся. Применительно к исламской конфессии яркими ин-

Таблица 4 — Значимость религиозной принадлежности в идентификации основных этносов Башкортостана (Ответ на вопрос: В какой степени для Вас значима Ваша религиозная принадлежность?)*

	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Очень значима	13,4	11,6	12,5	9,2
Значима	34,1	41,5	33,7	30,5
Мало значима	16,2	24,6	23,9	23,7
Совсем не значима	22,9	11,2	20,8	16,0
Затрудняюсь ответить	13,4	11,2	9,1	20,6

* Таблица составлена по материалам опроса (апрель 2019 г.).

дикторами этого можно считать: во-первых, рост количества зарегистрированных приходов, многократное увеличение числа высокообразованных священнослужителей из числа молодых людей; во-вторых, строительство многочисленных, иногда довольно оригинальных в архитектурном исполнении, зданий мечетей; в-третьих, создание и развитие целой системы «внутреннего» религиозного образования в республике. Например, если в 1990 году в Башкирии насчитывалось 30 мусульманских общин, то к 2014 году их количество выросло до около 1200, а в соседнем Татарстане свыше 1100 общин имели свои здания мечетей [6, с. 145].

Таким образом, резюмируя анализ ожиданий и достигнутых реалий религиозного постсоветского ренессанса в Башкирии, в диахронном смысле можно выделить следующие качественно отличающиеся в этом смысле этапы.

Первый этап («позднесоветский»), развернувшийся с началом перестройки и бурного возрождения религиозности в стране в целом. Хронологически он длился приблизительно до развала Советского Союза, то есть с 1987 по 1992 годы и был, может быть наиболее «романтическим» периодом в возрождении российских конфессий. В это бурное время в состав религиозной элиты республики пришли наиболее яркие представители духовенства, которые потом возглавили все (в том числе коллизионные) процессы в религиозных общинах. Резко возрос интерес всего формирующегося гражданского общества к проблемам вероисповедания. Начались активные финансовые вливания в церковные дела: как со стороны государства, так и со стороны отечественных и самое опасное — зарубежных спонсоров. Религиозная деятельность стала престижной. Начался возврат религиозных ценностей (храмов, земель и т. д.) соответствующим конфессиям.

Второй этап («первый постсоветский») охватывает «лихие» 1990-е годы и отличается бурным проявлением заложенных в предыдущем периоде процессов активного участия духовенства в социально-политической жизни страны.

В данный период исламская конфессия в нашем макрорегионе, да и в России в целом, подвергается значительной политизации и в результате раскалывается на несколько организационно независимых управлений — муфтиятов, число которых достигает на современном этапе нескольких десятков. Данный фактор очень негативно влияет на распространение исламской религиозности в широких слоях населения и в целом — на развитие религиозно-духовного возрождения [8, с. 71–117]. Региональному отделению Русской православной церкви, несмотря на нападки нетрадиционных сект и течений, вопреки некоторым внутриконтрессиональным противоречиям, удается сохранить организационное единство и довольно активно распространить свое влияние на широкие слои «потенциальных православных». Возрождаются многие христианские празднества и традиции. Активно возрождаются в республике «языческие» конфессии, как правило на основе организации и развертывания деятельности соответствующих этнокультурных объединений.

Третий этап («современный») начинается, по нашему мнению, с середины первого десятилетия текущего столетия и выражается: а) в стабилизации количества зарегистрированных общин и заложенных для строительства храмов, в связи с фактическим исчерпанием демографического потенциала возможных прихожан в религиозные общины (особенно ярко это проявляется в исламской умме); б) институализации религиозного образования, создании стройной системы кадрового обеспечения священнослужителей на уровне общин; в) успешном парировании попыток разобщить и захватить общины со стороны различных провокационных деятелей, священников экстремистской направленности, чуждых традиционным российским конфессиям религиозных сект и течений; г) урегулировании внутриконфессиональных противоречий и раздоров, первых попытках организационного и образовательного согласования интересов основных конфессиональных объединений.

Список источников

1. Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII — начале XXI века. Самара : СГПУ, 2007. 128 с.
2. Садиков Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа : Первая типография, 2016, 276 с.

3. Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года) : статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2006. 198 стр.

4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года : статистический сборник : В 2 ч. Ч. 1. Уфа : Башкортостанстат, 2013. 193 с.

5. Галлямов Р. Р. Этноязыковые процессы в Волго-Уральском макрорегионе России в XX веке (на примере Башкортостана и Татарстана) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3(38). С. 81–90.

6. Галлямов Р. Р. Татары Башкортостана: особенности исламского религиозного возрождения // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность. Казань : Артифакт, 2014, 348 с.

7. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан / Л. М. Дробизева Р. М. Валиахметов, Е. М. Арутюнова и др. // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2012. № 5. С. 004–123.

8. Галлямов Р. Р. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. М. : Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 71–117.

References

1. Yagafova E. A Chuvash "paganism" in the XVIII — early XXI century. Samara: SSPU; 2007. 128 p. (In Russ).
2. Sadikov R. R. Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography). Ufa: First Printing House; 2016, 276 p. (In Russ).

3. The national composition of the population of the Republic of Bashkortostan (according to the All-Russian population census of 2002): statistical collection. Ufa: Bashkortostanstat; 2006. 198 p. (In Russ).

4. Ethnic composition and language proficiency, citizenship of the population of the Republic of Bashkortostan according to the data of the All-Russian population census of 2010: statistical collection: In 2 p. Part 1. Ufa: Bashkortostanstat; 2013. 193 p. (In Russ).

5. Gallyamov R. R. Ethno-linguistic processes in the Volga-Ural macroregion of Russia in the XX century (on the example of Bashkortostan and Tatarstan). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2020;3(48):81–90.

6. Gallyamov R. R. Tatars of Bashkortostan: features of the Islamic religious revival. *Tatary` i islam v regionax Rossijskoj Federacii: religioznoe vozrozhdenie i e`tnichnost` = Tatars and Islam in the regions of the Russian Federation: religious revival and ethnicity*. Kazan: Artifact; 2014, 348 p. (In Russ).

7. Sociological response to the "national question": the example of the Republic of Bashkortostan / L. M. Drobizheva, R. M. Valiakhmetov, E. M. Arutyunova et al. *Informacionno-analiticheskij byulleten` Instituta sociologii Rossijskoj akademii nauk = Information and analytical bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*. 2012;(5):004–123. (In Russ).

8. Gallyamov R. R. Islamic revival in the Volga-Ural macroregion: a comparative analysis of the models of Bashkortostan and Tatarstan. *Islam ot Kaspiya do Urala: Makroregional`ny`j podxod = Islam from the Caspian to the Urals: Macroregional approach*. M. : Russian political encyclopedia; 2007. P. 71–117. (In Russ).

Информация об авторах

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник;

С. М. Емелин — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор;

Ф. Г. Сафин — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Information about authors

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Professor, Chief Researcher;

S. M. Emelin — Doctor of Science (Law), Candidate of Science (Historical), Professor, Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director;

F. G. Safin — Doctor of Science (Historical), Professor, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 21.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 21.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 112–119.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):112–119.

Научная статья

УДК 347.61:316.012(470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-112-119

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Зарима Гафаровна Зайнашева¹, Линиза Раисовна Загитова^{2✉},
Эльвина Рахимзяновна Хурамшина³**

¹Институт экосистем бизнеса и креативных индустрий (ИЭС) Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия, zarema54@mail.ru

²Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, linizarz@mail.ru✉

³Детская стоматологическая поликлиника № 3, Уфа, Россия, elvinaz1989@mail.ru

Аннотация. Семья является важнейшим общественным институтом, имеющим решающее значение как для индивидуальной жизни человека, так и для социального, культурного и экономического развития членов социума. Она предопределяет внутреннюю жизнь индивида (члена семьи): его взгляды, интересы, ценности и понимание себя как личности, что в свою очередь влияет на систему ценностей института семьи в целом. Отсюда следует, что для изучения взаимодействия семьи и государства необходим анализ совершенствования механизмов реализации семейной политики. С этой целью разрабатываются задачи, в решении которых активно используются результаты опросов, проектной деятельности, инновационные технологии и лучшие практики в сфере семейной политики. В статье анализируются вопросы взаимодействия семейной политики и государства.

Ключевые слова: институт семьи, семейная политика, инструменты в семейной политике

Для цитирования: Зайнашева З. Г., Загитова Л. Р., Хурамшина Э. Р. Государственная семейная политика в современной России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 112–119. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-112-119>.

Research article

GOVERNMENT'S FAMILY POLICY IN MODERN RUSSIA

Zarima G. Zaynasheva¹, Liniza R. Zagitova^{2✉}, Elvina R. Khuramshina³

¹Institute of Business Ecosystems and Creative Industries (IES), Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia, zarema54@mail.ru

²Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, linizarz@mail.ru✉

³Children's Dental Clinic No. 3, Ufa, Russia, elvinaz1989@mail.ru

Abstract. The family is the most important social institution, which is crucial both for the individual life of a person and for the social, cultural and economic development of the members of society. It determines the inner life of an individual (family member): his views, interests, values and understanding of himself as a person, which in turn affects the value system of the institution of the family as a whole. It follows that in order to study the interaction of the family and the state, an analysis of the improvement of mechanisms for the implementation of family policy is necessary. For this purpose, tasks are being developed, in which the results of surveys, project activities, innovative technologies and best practices in the field of family policy are actively used. The article analyzes the issues of interaction between family policy and the state.

Keywords: family institute, family policy, tools in family policy

For citation: Zainasheva Z. G., Zagitova L. R., Khuramshina E. R. Government's family policy in modern Russia. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):112–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-112-119>.

На сегодняшний день нет единого понятия государственной семейной политики. Однако в Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р, содержится описание государственной семейной политики. Согласно Концепции, государственная семейная политика представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей [1].

Заметим, что у каждого ученого, философа, социолога и политика свой взгляд и свое понятие государственной семейной политики. Так, А. В. Гусев, сопредседатель Общероссийской общественной организации «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей», в публикации от 27 августа 2015 г. «Общественно-государственная семейная политика в современной России» подчеркивает, что государственная семейная политика — это самостоятельное направление социальной политики, система комплексной деятельности государства, направленная на социальный институт семьи с целью укрепления и развития, защиты институциональных прав и интересов, активизации субъектной роли, обеспечения суверенитета и благополучия семьи на основе правового регулирования ее отношений с государством [2].

По мнению доктора исторических и философских наук Е. И. Холостовой, «семейная политика — это комплекс мероприятий, предоставляющий семьям с детьми определенные социальные гарантии и защиту, с целью улучшения благосостояния семьи и обеспечения

ее функционирования в интересах государства и общества» [3].

Социолог Н. Ф. Дивицына считает, что «государственная семейная политика — это составная часть социальной политики, направленная на институт семьи с целью укрепления, развития и защиты ее прав и интересов, обеспечения правового регулирования ее отношений с государством» [4].

Государственная семейная политика предполагает решение конкретных задач, основными из которых являются укрепление семейного института и его ценностей, а также формирование необходимых условий, обеспечивающих реализацию семейных функций.

Отметим, что наибольшую актуальность понятие семейной политики в научной и публицистической литературе приобрело в последние тридцать лет прошлого столетия. А в последние десять лет вопрос семейной политики привлек еще большее внимание в связи с ухудшающейся демографической ситуацией.

Безусловно, семья представляет собой часть государственной семейной политики и выполняет самые разные социальные роли:

- в-первых, семья — это обособленная социальная группа, так как ей присуще внутреннее взаимодействие и общая цель;
- во-вторых, семья — это социальный институт, со своими потребностями, обязанностями и функциями [2].

Особое внимание к государственной семейной политике вызвано не только неблагоприятной демографической ситуацией, но и общими изменениями политического строя в стране. Это стало причиной изменения вектора государственной семейной политики. Развитие семьи как социального института имело огромное значение, поскольку это наиболее устойчивая социальная структура. Но, несмотря на это, в настоящее время все еще отсутствует единое общепринятое определение государственной социальной политики. Она представляет собой составляющую государственной демографической и социальной политики [5].

А. Л. Сеница, старший научный сотрудник ИПН РАН, в своей статье «Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 1)», опубликованной в журнале «Уровень жизни населения регионов России», пишет: «Семейная политика, которая является таким же равноправным направлением социальной политики, как и демографическая политика, очень часто рассматривается как составляющая демографической политики. Соответственно, данное понятие наделяется не свойственными ей функциями в ущерб собственно семейной составляющей политики. Для повышения результативности обеих политик необходимо более четко зафиксировать их цели, функции и взаимное равноправие» [6].

Роль государственной семейной политики состоит в том, чтобы решать проблемы семьи как социального института. При таком векторе возможна более детальная проработка слабых мест и, соответственно, качественное улучшение показателей результативности. В общепринятом понимании семья — это совокупность взаимодействий между ее членами, а также с различными сферами жизнедеятельности членов социума. Эти взаимодействия члены семьи выполняют в условиях, созданных в рамках государственной политики.

Деятельность государственной семейной политики в основном акцентирована на повышении показателей рождаемости и стимули-

ровании многодетности в обществе, а также здорового образа жизни. Это связано с тем, что государству важен прирост качественных и здоровых трудовых ресурсов. Однако семейная политика регулирует и другие функции семьи [7].

Основные функции семьи представлены на рисунке 1.

Наиболее важными из них являются: репродуктивная, воспитательная, а также сохранение жизни и здоровья членов семьи. Успешное функционирование семейного института во многом зависит от состояния здравоохранения, образования, социального обслуживания, культурно-спортивно-массового направления и жилищно-коммунального хозяйства. Эти составляющие влияют на уровень и качество жизни семьи. Как следствие, высокое качество жизни населения — это фундамент для долговременного развития государства, его политической, экономической, международной и военной мощи. По этой причине в настоящее время государственной семейной политике уделяется пристальное внимание, с заострением, в частности, на репродуктивной и воспитательной функции семейных институтов [8].

Со стороны государства важно обеспечить благоприятные условия для создания и сохранения семьи, а также развития внутри семьи духовных ценностей. Приоритетом государственной семейной политики является укрепление и развитие семьи, обеспечение ее

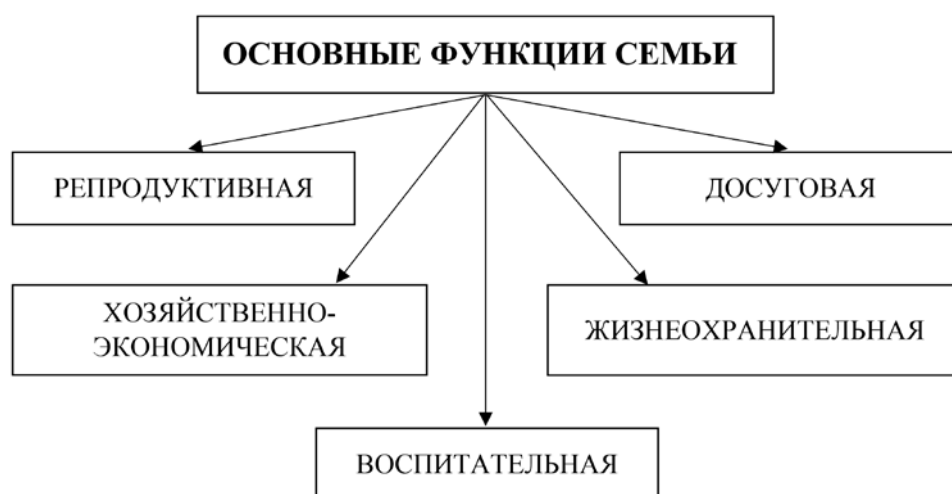

Рисунок 1 — Основные функции семьи

Figure 1 — The main functions of the family

состоятельности и независимости путем законодательного регулирования семейной политики и ее инструментов [9].

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [1] включает технологии и методики, которые активно применяются в практической деятельности и позволяют на данном этапе развития государства добиваться наилучших качественных и количественных показателей результативности семейной политики. Перечень сильных сторон государственной семейной политики представлен на рисунке 2.

В целом, государственная семейная политика направлена на системное закрепление семейных ценностей между членами семьи, защиту семейных интересов в процессе социализации, а также на контроль за добросовестным выполнением функций семьи.

Немаловажную роль обеспечивают и основные инструменты реализации семейной политики.

Инструменты семейной политики — это последовательное взаимодействие с учетом прямых и обратных связей строго определенного набора методов управления для получения заранее задуманного результата.

Для этого необходимо укрепить имеющиеся или создать в составе федеральных органов

исполнительной власти социальной направленности специальные подразделения для разработки и реализации мер государственной семейной политики (в пределах их компетенции), а именно:

- обеспечить государственную поддержку деятельности общественных объединений, благотворительных фондов, занимающихся проблемами семьи;

- обеспечить своевременную и полную реализацию всех федеральных и региональных социальных целевых программ;

- создать надежный механизм финансирования государственной семейной политики. Необходимо в дальнейшем привлечь к финансированию государственной семейной политики средства федерального бюджета. Активно привлекать внебюджетные средства, в том числе средства частных и благотворительных фондов, страховых фондов;

- проанализировать меры, которые принимаются в пользу деятельности государственной семейной политики и сопоставить их с задачами, поставленными в Концепции государственной семейной политики Российской Федерации;

- осуществить экспертизу всех законопроектов с точки зрения оценки влияния принимаемых мер на положение семьи, условия реализации ею своих функций;

-
1. Семье, как социальному институту предоставляется особый социальный статус, реальные права и государственные гарантии, необходимые для ее функционирования;
 2. Семейная политика осуществляется с помощью специально организованной системы деятельности на основе правового регулирования отношений семьи и государства;
 3. В компетенцию семейной политики включаются только специфические, институциональные проблемы семьи;
 4. Семейная политика направлена на семью как социальный институт и целостный объект;
 5. Семейная политика приобретает системный, комплексный характер, охватывая основные сферы функционирования семьи в обществе;
 6. Государство соблюдает суверенитет семьи и ее членов, создает условия для наиболее полной реализации ее прав и интересов, роли субъекта социальных отношений.

Рисунок 2 — Перечень сильных сторон государственной семейной политики

Figure 2 — List of strengths government's family policy

– обеспечить изучение экономических, демографических, правовых, педагогических, социально-психологических проблем семей;

– выделить из федерального или регионального бюджета средства на реализацию научных исследований в области проблем семьи;

– освещать проблемы семьи в публицистических периодических изданиях и в средствах массовой информации [87].

Основные инструменты государственной семейной политики и их рычаги влияния представлены в таблице 1 [10].

Для семей с детьми наиболее ощутимыми в плане поддержки являются денежный инструмент и инструмент предоставления льгот.

На сегодняшний день основными рычагами поддержки семей, имеющих детей, являются выдача сертификатов на материнский капитал и выплаты единовременных и ежемесячных пособий на каждого родившегося ребенка [10]. Причем, при рождении каждого последующего ребенка мера поддержки государства усиливается, увеличивается количество льгот и дальнейшее стимулирование к рождению детей путем представления многодетных семей к медалям «Родительская слава» [11]. Право на получение пособий и условия их получения отражены в Федеральном законе от 19.05.1995

№ 81-ФЗ (с изм. от 30.04.2022) «О государственных пособиях гражданам, имеющих детей» [12].

Помимо мер поддержки семей, установленных законодательством Российской Федерации, региональные власти вправе вводить собственные меры поддержки семей, имеющих детей. Наличие таких мер и их объем регулируется на региональном уровне и зависит от социально-экономического положения региона.

Для решения конкретных задач государственной семейной политики применяется программно-целевой метод. Реализацию программ можно рассмотреть на примере Республики Башкортостан. В соответствии с Постановлением правительства Республики Башкортостан от 20.12.2018 № 624 «О стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года» реализуются следующие основные программы, подпрограммы и проекты, касающиеся поддержки семей (табл. 2) [13].

Таким образом, можно отметить, что основными инструментами поддержки семей, имеющих детей, являются денежный инструмент, инструмент государственных услуг, натуральный инструмент, инструмент получения различных льгот родителями и опекунами, воспитывающими детей.

Таблица 1 — Основные инструменты государственной семейной политики и их рычаги влияния

Инструменты государственной семейной политики	Рычаги влияния инструмента на членов семьи
Денежный инструмент	В виде компенсационных и единовременных выплат, в связи с рождением и воспитанием детей, программа материнского (семейного) капитала; предоставление ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка; субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг
Инструмент государственных услуг	В виде организации отдыха и оздоровления детей; путем предоставления услуг социального обслуживания семей с детьми, безнадзорных и беспризорных детей (оказание конкретной психологической, юридической, педагогической помощи, консультирование и т. д.)
Натуральный инструмент	В виде обеспечения семей жильем за счет бюджетных средств; предоставления бесплатного проезда на транспорте, и обеспечение топливом; бесплатные выдачи семье с детьми (детское питание, питание беременным женщинам, одежда и обувь, медикаменты и др.)
Инструмент предоставления льгот	В виде различных льгот семье с детьми, родителям или детям (трудовые, налоговые, жилищные, кредитные, медицинские и другие, бесплатное предоставление земельного участка для индивидуального жилищного строительства), перечень которых зависит от возможностей субъекта РФ

Таблица 2 — Перечень основных государственных программ, подпрограмм и проектов, касающихся поддержки семей

Наименование государственной программы	Наименование государственной подпрограммы	Основные цели реализации государственной программы, касающиеся поддержки семей в Республике Башкортостан
«Развитие строительного комплекса и архитектуры Республики Башкортостан» (утв. Постановлением Правительства РБ от 31.12.2014 № 686) [14]	«Государственная поддержка граждан Республики Башкортостан в приобретении жилья и развитие ипотечного жилищного кредитования»	1) Обеспечение жилыми помещениями граждан, перед которыми государство имеет обязательства в соответствии с законодательством; 2) обеспечение доступным жильем семей со средним достатком, в том числе создание возможности для приобретения (строительства) ими жилья с использованием ипотечного кредита.
«Социальная защита населения Республики Башкортостан» (утв. Постановлением Правительства РБ от 09.11.2020 № 694) [15]	«Социальная поддержка семей с детьми»	Повышение удовлетворенности граждан качеством предоставляемых государственных и социальных услуг.
«Развитие здравоохранения Республики Башкортостан» (утв. Постановлением Правительства РБ от 17.06.2020 года № 356) [16]	«Охрана здоровья матери и ребенка в Республике Башкортостан»	1) Создание условий для оказания доступной и качественной медицинской помощи детям и матерям; 2) развитие специализированной медицинской помощи матерям и детям; 3) улучшение состояния здоровья детей и матерей; 4) снижение материнской, младенческой и детской смертности и др.
«Развитие образования в Республике Башкортостан» (утв. Постановлением Правительства РБ от 21.02. 2013 № 54 (с изм. от 01.02.2022)) [17]	«Благополучное детство и укрепление семейных ценностей»	Создание условий для воспитания детей в семье, включая все формы семейного устройства.

На основании сказанного выше можно сделать вывод о том, что государственная семейная политика — это совокупность различных сфер деятельности государства, напрямую или

косвенно связанная с решением проблем семьи как семейного института в целях удовлетворения потребностей семьи и действующая в ее интересах.

Список источников

1. «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/
2. Гусев А. В. Общественно-государственная семейная политика в современной России : лекция от 27 августа 2015 г. // msu.ru : официальный сайт Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. URL: <http://teacher.msu.ru/sites/default/files/resursy/>
3. Холостова Е. И., Мустаева Ф. А. Социальная работа с семьей как часть семейной политика // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. Т. 77, № 2. С. 178–186.
4. Давидина, Н. Ф., Будылина Е. М. Семейная политика как регулятор формирования и развития семейно-брачных отношений региона // Экономика, социология и право. 2013. № 12. С. 97–104.
5. Борисовенков В. П., Гукаленко О. В. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы // Науковедение : Интернет-журнал. 2014. Вып. 5(24). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf>

6. Синица А. Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 1) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 1. С. 50–59.

7. Козлов В. А. Современные функции семьи в России: особенности, проблемы реализации, способы решения проблем // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010». М. : МАКС Пресс, 2015. С. 24–27.

8. Мацковский М. С., Кошелева Д. А. Семейная политика — важнейшая составляющая социальной политики государства // Экономика и управление: проблемы и перспективы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тихорецк, 27 марта 2015 г.). Краснодар : Изд-во Российского энергетического агентства Минэнерго России, 2015. С. 86–88.

9. Зотов В. В., Орлова Е. М. Семейная политика сервисного государства // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 1, № 3 (115). С. 30–33.

10. Носкова А. В. Новые подходы в семейной политике в контексте меняющихся социальных реалий // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15, № 5 (118). С. 117–126.

11. «О медали "Родительская доблесть"» : Указ Главы Республики Башкортостан от 21 ноября 2014 г. № УП-345 : с изменениями на 15 января 2019 года // Правовой акт : официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/8754/>

12. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» : Федеральный закон Российской Федерации от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ : принят Государственной Думой Российской Федерации 26 апреля 1995 г. : одобрен Советом Российской Федерации 4 мая 1995 г. // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1678

13. «О стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года» : Постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 г. № 624 // Министерство экономического развития и инвестиционной политики Республики Башкортостан : официальный сайт. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/documents/active/298367/>

14. «Развитие строительного комплекса и архитектуры Республики Башкортостан» : Постановление Правительства Республики Башкортостан от 31.12.2014 № 686 // Правовой акт : официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/10896/>

15. «Социальная защита населения Республики Башкортостан» : Постановление Правительства Республики Башкортостан от 9 ноября 2020 г. № 694 // Правовой акт : официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/29735/>

16. «Развитие здравоохранения Республики Башкортостан» : Постановление Правительства Республики Башкортостан от 17 июня 2020 г. № 356 // Министерство здравоохранения Республики Башкортостан : официальный сайт. URL: <https://health.bashkortostan.ru/documents/active/291883/>

17. «Развитие образования в Республике Башкортостан» : Постановление Правительства Республики Башкортостан от 21 февраля 2013 г. № 54 : с изменениями от 1 февраля 2022 г. // Министерство образования и науки Республики Башкортостан : официальный сайт. URL: <https://education.bashkortostan.ru/activity/2449/>

References

1. "On approval of the Concept of the state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025": Decree of the Government of the Russian Federation dated August 25, 2014 No. 1618-r. ConsultantPlus: site. (In Russ). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/

2. Gusev A. V. Public-state family policy in modern Russia: lecture dated August 27, 2015. msu.ru: official site of the Lomonosov Moscow State University. (In Russ). Available from: <http://teacher.msu.ru/sites/default/files/resursy/>

3. Kholostova E. I., Mustaeva F. A. Social work with the family as part of family policy. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvenny`e nauki = News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences. 2010;77, No(2):178–186. (In Russ).

4. Davitsina, N. F., Budylnina E. M. Family policy as a regulator of the formation and development of family and marriage relations in the region. E`konomika, sociologiya i pravo = Economics, sociology and law. 2013;(12):97–104. (In Russ).

5. Borisovenkov V. P., Gukalenko O. V. The Institute of the Family and Family Policy in Modern Russia: Problems, Trends and Prospects. Naukovedenie : Internet-zhurnal = Science Studies: Internet Journal. 2014;5(24). (In Russ). Available from: <https://naukovedenie.ru/PDF/130PVN514.pdf>

6. Sinitsa A. L. Demographic and family policy in modern social policy: theoretical approaches, goals, implementation mechanisms and performance assessment (part 1). *Uroven`zhizni naseleniya regionov Rossii = Living standards of the population of regions of Russia*. 2022;18(1):50–59. (In Russ).

7. Kozlov V. A. Modern functions of the family in Russia: features, problems of implementation, ways to solve problems. *Materialy`Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2010» = Proceedings of the International Youth Scientific Forum "LOMONOSOV-2010"*. Moscow: MAKS Press, 2015, pp. 24–27. (In Russ).

8. Matskovsky M. S., Kosheleva D. A. Family policy is the most important component of the social policy of the state. *E`konomika i upravlenie: problemy`i perspektivy`razvitiya: materialy`Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Tikhoreczk, 27 marta 2015 g.) = Economics and management: problems and development prospects: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Tikhoretsk, March 27, 2015)*. Krasnodar: Publishing house of the Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of Russia, 2015. P. 86–88. (In Russ).

9. Zotov V. V., Orlova E. M. Family policy of the service state. *Ucheny`e zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social`nogo universiteta = Scientific notes of the Russian State Social University*. 2016;1(3(115)):30–33. (In Russ).

10. Noskova A. V. New approaches to family policy in the context of changing social realities. *Social`naya politika i sociologiya = Social policy and sociology*. 2016;15(5(118)):117–126. (In Russ).

11. "On the medal "Parental Valor"": Decree of the Head of the Republic of Bashkortostan dated November 21, 2014 No. UP-345: as amended on January 15, 2019. Legal act: official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan. (In Russ). Available from: <https://npa.bashkortostan.ru/8754/>

12. "On state benefits to citizens with children": Federal Law of the Russian Federation dated May 19, 1995 No. 81-FL: adopted by the State Duma of the Russian Federation on April 26, 1995: approved by the Council of the Russian Federation on May 4, 1995. Legislation CIS countries: site. (In Russ). Available from: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1678

13. "On the strategy of socio-economic development of the Republic of Bashkortostan for the period until 2030": Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated December 20, 2018 No. 624. Ministry of Economic Development and Investment Policy of the Republic of Bashkortostan: official site. (In Russ). Available from: <https://economy.bashkortostan.ru/documents/active/298367/>

14. "Development of the building complex and architecture of the Republic of Bashkortostan": Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated December 31, 2014 No. 686. Legal act: official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan. (In Russ). Available from: <https://npa.bashkortostan.ru/10896/>

15. "Social protection of the population of the Republic of Bashkortostan": Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated November 9, 2020 No. 694. Legal act: official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan. (In Russ). Available from: <https://npa.bashkortostan.ru/29735/>

16. "Development of health care of the Republic of Bashkortostan": Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated June 17, 2020 No. 356. Ministry of Health of the Republic of Bashkortostan: official website. (In Russ). Available from: <https://health.bashkortostan.ru/documents/active/291883/>

17. "Development of education in the Republic of Bashkortostan": Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan dated February 21, 2013 No. 54: as amended on February 1, 2022. Ministry of Education and Science of the Republic of Bashkortostan: official site. (In Russ). Available from: <https://education.bashkortostan.ru/activity/2449/>

Информация об авторах

З. Г. Зайнашева — доктор экономических наук, профессор кафедры региональной экономики и управления;
Л. Р. Загитова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и информационных технологий.
Э. Р. Хурамшина — юрисконсульт.

Information about authors

Z. G. Zainasheva — Doctor of Science (Economics), Professor of the Department of Regional Economics and Management;
L. R. Zagitova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Information Technologies;
E. R. Khuramshina — legal advisor.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 120–126.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):120–126.

Научная статья

УДК 94(477.6)

doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-120-126

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАЧЕСТВА ДОНБАССА

Танзиля Алтафовна Нигматуллина¹, Людмила Олеговна Терновая²✉

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений,
Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru

²Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ),
Москва, Россия, 89166272569@mail.ru

Аннотация. В статье в ракурсе важнейших теоретических и практических вопросов, связанных с выявлением причин регионального своеобразия и особенностей управления развитием отдельных регионов, анализируется комплекс проблем, касающихся и методологии регионалистики, в целом, и применения акторного подхода к исследованию социальной реальности, в частности. В качестве объекта исследования выступает казачество Донбасса. С одной стороны, оно представляет собой четко обозначенный отряд внутри казачества. С другой стороны, степень консолидации казачества Донбасса как в прошлом, так и в настоящем ниже, чем у других казачьих образований в регионах как в Российской империи, так и современной России. Причины такого положения следует искать в исторических, геополитических и этнопсихологических факторах формирования данной социальной общности.

Ключевые слова: история, казачество, народные восстания, региональные проблемы, административно-территориальное деление

Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Исторические, геополитические и этнопсихологические особенности формирования казачества Донбасса // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 120–126. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-120-126>.

Research article

HISTORICAL, GEOPOLITICAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE COSSACKS OF DONBASS

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Lyudmila O. Ternovaya²✉

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations,
Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru

²Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI),
Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru

Abstract. In the article, from the perspective of the most important theoretical and practical issues related to identifying the causes of regional originality and the peculiarities of managing the development of individual regions, the complex of problems related to the methodology of regional studies, in general, and the application of the actor approach to the study of social reality, in particular, is analyzed. The object of the study is the Cossacks of Donbass. On the one hand, it represents a clearly defined detachment within the Cossacks. On the other hand, the degree of consolidation of the Cossacks of Donbass, both in the past and in the present, is lower than that of other Cossack formations in the regions both in the Russian Empire and

modern Russia. The reasons for this situation should be sought in the historical, geopolitical and ethno-psychological factors in the formation of this social community.

Keywords: history, Cossacks, popular uprisings, regional problems, administrative-territorial division

For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. Historical, geopolitical and ethnopsychological features of the formation of the cossacks of Donbass. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):120–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-120-126>.

Феномен казачества не исчерпывается его характеристиками как уникальной военно-этнической социальной общности [1, с. 24–34]. Изучение казачества открывает возможности достаточно глубокого исторического анализа событий, в которых были задействованы казаки, позволяя проследить, как формировались и выражались интересы самого казачества, так и тех сил, которые стремились привлечь казаков к продвижению собственных внутриполитических или международных проектов, сосредоточившись на коллизии ролей участников этих процессов [2].

Также не менее продуктивным представляется подход, который дает исследователям возможность привлечь комплекс документов, связанных с историей казачества, к характеристике пространственных моделей развития. Такой анализ имеет принципиальное значение, с точки зрения понимания особенностей исторической памяти. Имея общие истоки и традиции, казаки, обосновавшиеся на какой-либо территории не просто впитывали и отражали специфику места, но и становились своеобразными не только носителями, но и хранителями его памяти.

Среди исторических источников, передающих смыслы, вкладываемые людьми в любое освоенное ими пространство, а, еще более, в территории, остающиеся не до конца изученными и поэтому исключительно притягательные, особо выделяются географические карты [3, с. 568–574]. Имеется немало любопытных и одновременно поучительных карт, связанных с казачеством. Например, «Атлас земель ирегулярных войск» (1858) включает карты земель: Астраханского казачьего войска, Азовского казачьего войска, Донского казачьего войска, Новороссийского казачьего войска, Сибирского Линейного Казачьего войска, Черноморского и Кавказского линейных казачьих войск, Оренбургского, Уральского и Башкирского казачьих войск, Забайкальского каза-

чьего войска, а также Иркутского и Енисейского конных полков. Естественно, каждая из представленных в этом Атласе карт наглядно и ярко передает отличия расселения казаков и размещения войск на разных территориях. Изучение таких различий помогает ученым разобраться в причинах появления специфических черт устройства быта и организации службы казаков, а также в том, какую роль могли играть казачьи образования в организации общественной жизни в данной местности.

По понятным причинам в настоящее время исследователей привлекает проблематика, касающаяся изучения того, как формировалось казачество Донбасса. Помочь прояснить некоторые особенности данного процесса может карта, хранящаяся в фондах краеведческого музея Донецка из сборника, датируемого 1700 годом, составленного знаменитым инженером-географом и картографом XVII столетия Алексисом-Юбером Жайо.

Во-первых, интересна сама фигура Жайо как составителя нескольких атласов. Среди них выделяются атласы, составленные по материалам французского историка и картографа Николая Сансона и его сыновей, в частности, карты России, относящейся к 1648 году, то есть времени окончания Тридцатилетней войны (1618–1648) и создания первой в истории системы международных отношений — Вестфальской, созданной на базе Вестфальского мира.

Во-вторых, любопытен не только фактографический анализ карт Жайо, но и искусствоведческий, поскольку он, будучи также скульптором и художником, привносил в свои карты декоративные элементы, прославляющие военные триумфы и политические добродетели Людовика XIV, у которого интерес к творчеству Жайо диктовался геополитическими амбициями. В 1692 году по поручению французского короля Жайо для герцога Бургундии создает большой атлас из 95 карт Сансона —

«*Atlas novus ad serenissime Burgundiæ ducis. Atlas françois à usage de monseigneur le duc de Bourgogne contenant les cartes, et des empires, monarchies, royaumes, et états du monde*». В нем имеются карты Причерноморья в виде гравюр с художественными рисунками. На этих картах Азовское море впервые названо не распространенным с греческих времен пелагонимом (от греческого πῆλαγος — море, ονομά — имя) «Меотида», а *Mare Asoviense*. Изображена на карте территория и современного Донбасса. Ее картограф поместил на берегах Азовского моря и обозначил как граничащую с Московской территорией — *Territorium Kazakorum Donensium*. Несмотря на то, что данный топоним сложно перевести, он четко указывает на локализацию казачьих поселений в этом регионе.

Согласно многочисленным источникам, казаки появились Северном Причерноморье задолго до XVII века. Ранний этап формирования казачества протекал в русле истории Золотой Орды (тюрк. *Улуг Улус* — Великая Страна, Великое Государство). Но этот же этап включал и распад Золотой Орды на несколько ханств [4, с. 9–17]. Переломным моментом этого периода явилась битва на Тереке 15 апреля 1395 г. между войсками Тамерлана и золотоордынской армией хана Тохтамыша, в которой ордынцы потерпели сокрушительное поражение.

В итоге произошло геополитическое реформирование подконтрольных Орде земель. Южная часть современного Донбасса оказалась северо-восточным рубежом Крымского ханства, игравшим роль буферной зоны между Крымом и Великим княжеством Московским. Именно в эти места стремились вольные, смелые и решительные люди, готовые и за себя постоять, и защитить того, кто искал их помощи. Так, постепенно складывались территории, культура, образ жизни казачества.

Чуть позже, в XVI–XVIII столетиях, земли северо-западнее этой территории стали заселяться выходцами из центральных русских областей, а также православными переселенцами из Малороссии, которая принадлежала в то время Речи Посполитой. Переселившиеся в этот регион, получивший наименование Слободской Украины, были освобождены от упла-

ты налогов, но за это обязаны были нести сторожевую службу. Именно в тот период закладывались слободы, села, города будущего Донбасса (Бахмут, Маяцкий городок) и культовые места (Святогорская Свято-Успенская лавра). Оборонять от татарских набегов было необходимо и развивающиеся промыслы, в частности, соляной промысел, который возник на соленых озерах, находящихся в районе современного Славянска. Задачи охраны требовали от вольного казачества уже не кочевого уклада жизни, а размеренного и эффективного хозяйства, в котором существенное место занимало коневодство, обеспечивающие казаков поголовьем лошадей, необходимых для военных походов. А для обустройства быта надо было поднимать земледелие и скотоводство, развивать ремесла, укреплять поселения, а с ними и благополучие их жителей. Большинство из них придерживались исконных семейных традиций, старались создавать семьи, при этом беря в жены крещеных черкешенок и татарок, а иногда и турчанок. Этим донские казаки уже в те годы заметно отличались от казаков Запорожской Сечи, представлявших исключительно мужское братство.

По мере заселения земель и увеличения численности населения региона там усиливалась социальная дифференциация, формировалась как зажиточная часть казачества, так и его бедняцкая масса. Ее представители, часто не имея возможности обзавестись хозяйством или устроиться на работу по найму, промышляли грабежами или набегами на соседей. Это усиливало и без того высокую конфликтность между отдельными казачьими образованиями. Известно, что на рубеже XVII–XVIII столетий из-за земли в долинах рек Бахмут, Жеребец и Красная вспыхнул спор между донским казачеством и Изюмским слободским казачьим полком, который был создан 1688 году из переселенцев из Правобережной Украины. Основной причиной раздора, периодически переходящего в вооруженные столкновения, явились бахмутские солевые промыслы, приносящие высокий доход. Казакам пришлось даже обращаться в Москву за посредничеством. Приехавшие царские посланцы после опроса старожилов, приняли сторону Изюмского полка, с чем не согласились донские

казаки. Нападения на слободских солеваров продолжились.

Именно с этих нападений осенью 1705 г. началось восстание под руководством бахмутского атамана Кондратия Булавина. Точкой отсчета бунта стал захват отрядом донских казаков солеварни, принадлежащей государству, вблизи Бахмутского городка. В конфликт пришлось лично вмешаться царю Петру I. Согласно изданной им грамоте спорная территория отходила к Изюмскому полку, что вызвало резкое недовольство донских казаков. Летом 1707 г. возмущение казаков еще более усилилось из-за царского указа о поиске беглых крепостных на Дону и их возвращении помещикам. Этим нарушалось издревле бытовавший обычай «с Дона выдачи нет».

Озлобленность на такой указ со стороны казаков возросла после прибытия на Дон небольшого отряда регулярной армии во главе с полковником, князем Юрием Долгоруковым. После объявления в Черкасске, казачьей столице, государевой воли Долгоруков начал рейд, в ходе которого было выявлено около двух тысяч беглых крепостных. Жесткие действия подталкивали всех недовольных властями объединяться вокруг Булавина, который обладал достаточным опытом и авторитетом, чтобы привлечь на свою сторону достаточное для начала восстания число казаков. Однако далеко не все донские казаки поддерживали восставших. Наоборот, атаман Лукьян Максимов с отрядом верных власти казаков и калмыков выступил против восставших. После поражения в сражении на реке Айдар близ городка Закотного, Булавин вынужден был бежать. Его приняли запорожские казаки. Из Запорожской Сечи Булавин посылал воззвания и вербовал новых сторонников. Ему удалось не только собрать почти двадцать тысяч казаков, но и с новыми силами захватить Черкасск, казнить промосковских старшин и добиться своего избрания новым атаманом Войска Донского. В планах было взятие под полный контроль южных русских земель от Волги и до Слобожанщины. Такие намерения воспринимались властью как серьезная угроза, а потому и войска, посланные для разгрома повстанцев, были весьма многочисленными и насчитывали более тридцати тысяч вооруженных бойцов, которы-

ми руководил брат убитого Булавиным Юрия Долгорукова Василий, служивший майором лейб-гвардии Преображенского полка. В итоге бунт был подавлен, а значительная часть донских казаков присягнула государю.

Некоторые уроки этого восстания позволяют понять причины весьма сложной конфигурации, присущей организации казачества на Донбассе и в наши дни [5–6]. Прежде всего, обнаружилось отсутствие единства рядов казачества, которое касается различия его Запорожской и Донской ветвей. Своеобразным манифестом этого раскола стали измена запорожцев России в 1709 году и их присоединение к войскам шведского короля Карла XII. Следующим шагом, углубившим раскол этих частей казачества, явился указ императрицы Елизаветы Петровны от 1746 года. В этом документе шла речь об изменении пределов Войска Запорожского и передаче донцам его земель, располагающихся между реками Дон и Кальмиус.

Также наблюдалось отсутствие единства внутри той его части, что расселилась по правую сторону Дона. В начале XVIII века это выразилось в том, что поддерживавшие власти слобожанские казаки воспользовались ситуацией, чтобы избавиться от конкурентов в лице донских казаков. Далее раскол внутри казачества проявился в действиях той его части, которую стали называть некрасовцами честь их лидера Игната Некрасова. Некрасовцы в сентябре 1708 г., после подавления Булавинского восстания, ушли с Дона сначала на Кубань, а позже — в Бессарабию, Болгарию и другие земли.

Булавинское восстание было своеобразным взлетом пассионарности донского казачества. С крахом движения прекратилось самобытное казачье освоение территории будущего Донбасса. Донцы были лишены территорий в долине Северского Донца. Многие поселения казаков пришли в упадок. В составе Донского войска остались земли, относящиеся ныне к восточной части Донбасса, а южные и западные перешли под управление центральной власти.

В ходе дальнейшего совершенствования территориального и военного управления, вызванного тем, что отпала потребность в под-

держании постоянной боевой готовности казаков для защиты границ Российского государства, в 1765 году слободские полки были окончательно распущены. В 1792 году императрицей Екатериной II были установлены границы Земли Войска Донского. Поскольку в тот период уже не существовало Запорожской Сечи, то ее владения были переданы Новороссийской губернии.

Вспомним, что упомянутый в начале статьи «Атлас земель иррегулярных войск» содержит карту земель Азовского казачьего войска. Его образование в 1832 году явилось также результатом стремления властей Российской империи после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. организовать бывших запорожских казаков Задунайской Сечи, которые воевали на русской стороне и в русское подданство перешли из турецкого.

Заметим, что власти учли знакомство этих казаков с обычаями, бытовавшими на сопредельных с Россией территориях, а потому в число обязанностей нового казачьего войска вошли задачи борьбы с контрабандистами на Черном море. Эту задачу казаки выполняли, патрулируя морскую границу на быстроходных баркасах. С помощью казаков командующему Черноморским флотом адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву, известному как одному из открывателей Антарктиды, в 1830–1840-х годах удалось наладить крейсерование русских военных кораблей вдоль Черноморского побережья Кавказа [7]. Во время этой военноморской операции было пресечено не только черкесское пиратство, но и прерваны поставки в Черкесию, воюющую с Россией, оружия и боеприпасов из Османской Турции. Несмотря на такие заслуги в 1865 году правительством было принято решение об упразднении Азовского войска. Некоторые казаки переселились на Кубань и там сохранили свой статус. Другая их часть, оставшаяся на землях будущего Донбасса, потеряв обязанности, связанные с казачьей службой, пополнила ряды крестьянства и мещан [8].

С конца XIX столетия и до 1917 года не появилось никаких новых импульсов консолидации казачества. Власти, наоборот, видели перспективу в дальнейшем его социальном размывании. 1 января 1863 г. русский военный

историк и теоретик, военный министр, основной разработчик военной реформы Дмитрий Алексеевич Милютин разослал по войскам подготовленную им записку, где шла речь о: замене поголовной службы казаков набором охочих людей, любящих это дело; установлении свободного доступа и выхода людей из казачьего состояния; введения личной поземельной собственности на землю; разграничение в казачьих областях военной части от гражданской, судебной — от административной и внесение имперского права в судопроизводство и судоустройство. В ответ на это ему была направлена записка начальника штаба Войска Донского генерал-лейтенанта Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, в которой обращалось внимание на три незыблемых начала казачьей жизни: общественную земельную собственность; кастовую замкнутость казачьего Войска; существующие обычаи выборного начала и самоуправления.

Нельзя не отметить, что эти же начала не устраивали и пришедших в октябре 1917 г. к власти большевиков. Поэтому вполне органичным было решение вождей новой Советской России о передаче в начале 1920 года части Донбасса Украине. Это противоречило решению прошедшего в начале февраля того же года в Юзовке (современный Донецк) съезда волостных ревкомов Юзовского района об экономическом и политическом слиянии региона с Советской Россией, а не с Украиной. Еще один ценный исторический источник — печати, скрепляющие это решение, четко обозначают российскую принадлежность территории Донбасса. Однако Сталин 15 февраля подписал Постановление Совета Укртрударма (Украинской трудовой армии) об образовании Донецкой губернии из частей Харьковской, Екатеринославской губерний и Области Войска Донского. Именно на последней из перечисленных в Постановлении территорий находились главные угольные месторождения Донецкого бассейна [9, с. 236–243].

Можно считать дату принятия Постановления началом новой фазы кризиса положения казачества Донбасса. Это было не ослабление, а углубление кризисных явлений. При этом следует осознавать, что имелась и предшествующая ей фаза, начавшаяся уже после поражения

Булавинского восстания. Пик той стадии пришелся на период военной реформы 1860-х годов. А также существовала последующая стадия, хотя напрямую она не затрагивала ни территорию Донбасса, ни казачество. Эта третья фаза кризиса началась с передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, осуществленной на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. и утвержденного законом СССР от 26 апреля того же года [4, 10]. Этим не менее волюнтаристическим действием Никиты Сергеевича Хрущева, чем Постановление, воплощающее сталинскую модель административно-территориальной организации советского государства, резались по живому связи казаков с пространством Новороссии как историческим регионом Российской империи в Северном Причерноморье. Рано или поздно назревающий кризис должен был привести к пониманию необходимости разрешения ситуации не только в геополитическом смысле, но и в аспекте социально-политической консолидации этносов и субэтносов, проживающих на этих землях и подъема их самосознания.

Примером таких действий стало стихийное создание на Донбассе еще до государственного переворота 1914 года на Украине отрядов самообороны из местных казаков [11]. Позже, в декабре 2015 г., было заявлено об образовании Международного Союза общественных объединений (организаций) «Объединенное казачество Донбасса» одновременно казаками и казачьими организациями Донецкой Народной Республики (ДНР) и «Крымским казачьим Союзом» Российской Федерации. Основ-

ной задачей этой структуры называется объединение в ее рядах казаков, исторических потомков Запорожского и Донского казачества, с целью сохранения исторического наследия и культурного, социального развития и оздоровления современного общества. Появились и другие казачьи формирования, в частности: «Терская волчья сотня», сформированная в Крыму во время «Крымской весны»; «Казачья национальная гвардия» (КНГ); «Стахановская казачья самооборона»; Казачий батальон «Ермак»; Группа быстрого реагирования «Бэтмен»; Отряд «Фотон»; 2-й казачий батальон имени Кондратия Булавина; Первая казачья сотня имени Стаса Синельникова и др. [12].

Несмотря на активность процесса создания казачьих формирований он не привел к выделению казачества на Донбассе в качестве самостоятельной социальной силы. Это объясняется не только недостаточными усилиями казаков, но и тем, что казачество имеет те же задачи, что и все население Донбасса. Поэтому казачьи формирования оказались легко интегрированными в соединения народной милиции ДНР и Луганской Народной Республики (ЛНР). Также понятно, что процесс активного возрождения казачества Донбасса, предпосылками которого выступают исторические, геополитические и этнопсихологические основания, начнется не только после завершения специальной военной операции России, но и после полноценного восстановления территорий, на которых шло образование казачества, зарождение его традиций, среди которых всегда выделялись связанные с его вольным духом и преданности Отчизне.

Список источников

1. Багаева А. В., Терновская Л. О. Военно-этнические группы — акторы международных отношений // Казачество. 2017. Вып. 25(1). С. 24–34.
2. Багаева А. В., Терновская Л. О. Акторы — актеры: деловые игры в изучении социологии международных отношений : учебное пособие. М. : Город XXI век, 2017. 370 с.
3. Терновская Л. О. Картографическая культура Большой Евразии: образы географии в геополитике // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 2. М. : РАН. ИНИОН, 2020. С. 568–574.
4. Терновская Л. О. Казачество и Золотая Орда // Казачество. 2021. № 52 (75). С. 9–17.
5. Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. 1707–1709. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 216 с.
6. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1961. 376 с.
7. Черноусов А. А. Адмирал Лазарев. Роль личности в истории России. СПб. : Гангут, 2011. 342 с.
8. Бунтовский С. История Донбасса. От первых людей до современности // ЛибФокс : сайт. URL: <https://www.libfox.ru/652709-sergey-buntovskiy-istoriya-donbassa-ot-pervyh-lyudey-do-sovremennosti.html>

9. Гончаров П. К. Статус Донбасса: алгоритм зарождения, развития и разрешения конфликта // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 236–243.
10. О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР : Закон СССР от 26 апреля 1954 г. : прекратил действие // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/zakony/3946680/chapter/16431423d8a7c81067c9042341219398>
11. Коновалов И. Казаки: формирования в войне на Донбассе // Дзен.ру : сайт. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dab435843fdc000b16380ad/kazaki-formirovaniia-v-voine-na-donbasse-5eee49dff6f3f07191b6a54>. Дата публикации: 20.06.2020.
12. Терновская Л. О. Исторические основы геополитического потенциала российского казачества. М. : Инфра-М, 2018. 195 с.

References

1. Bagaeva A. V., Ternovaya L. O. Military-ethnic groups — actors of international relations. *Kazachestvo = Cossacks*. 2017;25(1):24–34. (In Russ.).
2. Bagaeva A. V., Ternovaya L. O. Actors — actors: business games in the study of the sociology of international relations: a textbook. Moscow: City XXI century; 2017. 370 p. (In Russ.).
3. Ternovaya L. O. Cartographic culture of Greater Eurasia: images of geography in geopolitics. *Bol'shaya Evraziya: Razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik = Greater Eurasia: Development, security, cooperation*. Yearbook. Issue. 3. Part 2. Moscow: RAN. INION; 2020. P. 568–574. (In Russ.).
4. Ternovaya L. O. Cossacks and the Golden Horde. *Kazachestvo = Cossacks*. 2021;52(75):9–17. (In Russ.).
5. Podyapolskaya E. P. Bulavin's Rebellion. 1707–1709 Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1962. 216 p. (In Russ.).
6. Pronshtein A. P. The Don Land in the 18th century. Rostov na Donu: Publishing House of Rostov University; 1961. 376 p. (In Russ.).
7. Chernousov A. A. Admiral Lazarev. The role of personality in the history of Russia. Saint Petersburg: Gangut; 2011. 342 p. (In Russ.).
8. Buntovsky S. History of Donbass. From the first people to the present. LibFox: site. (In Russ.). Available from: <https://www.libfox.ru/652709-sergey-buntovskiy-istoriya-donbassa-ot-pervyh-lyudey-do-sovremennosti.html>
9. Goncharov P. K. The status of Donbass: an algorithm for the origin, development and resolution of the conflict. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2015;(3):236–243. (In Russ.).
10. "On the transfer of the Crimean region from the RSFSR to the Ukrainian SSR": Law of the USSR dated April 26, 1954: terminated // Website of the Constitution of the Russian Federation. (In Russ.). Available from: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/zakony/3946680/chapter/16431423d8a7c81067c9042341219398>
11. Konovalov I. Cossacks: formations in the war in the Donbas // Zen.ru: site. (In Russ.). Available from: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dab435843fdc000b16380ad/kazaki-formirovaniia-v-voine-na-donbasse-5eee49dff6f3f07191b6a54>. Publication date: 06/20/2020.
12. Ternovaya L. O. Historical foundations of the geopolitical potential of the Russian Cossacks. Moscow: Infra-M; 2018. 195 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, профессор, директор;
Л. О. Терновская — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Professor, Director;
L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 127–132.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):127–132.

Научная статья
УДК 32:004.738.5
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-127-132

МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

Дмитрий Александрович Чертороев

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, rinschpiz@yandex.ru

Аннотация. Сеть Интернет (далее Сеть) является неотъемлемым элементом современной человеческой цивилизации. Будучи одним из приоритетных источников информации для людей, она одновременно представляет из себя комплексный инструмент, дающий широкие возможности для трансляции необходимых идей, агитационных программ и иных информационных элементов, позволяющих влиять на общественные массы. Основным пользователем вышеуказанных управленческих возможностей Сети в большинстве случаев принято считать государство, однако современный опыт показывает, что достаточно большое количество частных объединений и лиц способны не менее эффективно, нежели государство, достигать своих целей в вопросах управления обществом и его мнением. Инструментарий, который предоставляет Сеть достаточно широк и многообразен для того чтобы суметь адаптировать и эффективно применять его для выполнения совершенно разных по своей сути задач. Такой инструментарий развивается и пополняется непрерывно и, следуя за ним, развиваются и пополняются технологии и методологии его применения.

Ключевые слова: Интернет, сеть, инструменты, технологии, влияние, агитация, государство, анализ, комплексный, пропаганда

Для цитирования: Чертороев Д. А. Методы государственного управления информационной составляющей сети Интернет: анализ современных подходов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 127–132. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-127-132>.

Research article

METHODS OF STATE MANAGEMENT OF THE INFORMATION COMPONENT OF THE INTERNET: ANALYSIS OF MODERN APPROACHES

Dmitry A. Chertoroev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, rinschpiz@yandex.ru

Abstract. The Internet (next — Web) is an integral element of modern human civilization. Being one of the priority sources of information for people, it is at the same time a comprehensive tool that provides ample opportunities for broadcasting the necessary ideas, propaganda programs and other information elements that allow influencing the public masses. In most cases, the state is considered to be the main user of the above-mentioned management capabilities of the Network, but modern experience shows that a sufficiently large number of private associations and individuals are able to achieve their goals no less effectively than the state in matters of managing society and its opinion. The tools that the Network provides are wide and diverse enough to be able to adapt and effectively apply it to perform tasks that are completely different in nature. Such tools are being developed and replenished continuously and, following it, technologies and methodologies for its application are being developed and replenished.

Keywords: Internet, network, tools, technologies, influence, agitation, state, analysis, comprehensive, propaganda

For citation: Chertoroev D. A. Methods of state management of the information component of the Internet: analysis of modern approaches. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):127–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-127-132>.

Сеть, в настоящий момент времени, во всех развитых обществах нашла свое применение в первую очередь как ресурс, позволяющий в максимально короткие сроки получить необходимую информацию в различных форматах, объемах и представлении. Множество источников информации и конкретных авторов, участвующих в развитии информационного содержания Сети, позволяют обеспечить достаточный уровень объективности подачи информации за счет многообразия точек зрения и ее интерпретаций. Доступная пользователям Сети информация может быть представлена в виде текста, аудио, видео, аудиовизуальных материалов и, в настоящий момент, при наличии соответствующих устройств, в виде запаха и осязательных образов.

Источники информации, благодаря которым формируется информационное содержание Сети, по своей сути многообразны и в зависимости от применяемой классификации могут быть разбиты на различные категории. В зависимости от официальности источника, их можно разделить на государственные и частные, а также на подтвержденные, например, такие как официальные аккаунты новостных агентств в социальных сетях, и не подтвержденные, такие как частные аккаунты, не относящиеся к какому-либо, аккредитованному государством, информационному ресурсу. Кроме того, источники информации могут быть различного политического толка и принадлежности, находиться в разных правовых полях и юрисдикциях, могут принадлежать общественным объединениям, которые содержат в себе различные идеологии и комплексные системы ценностей. В наполнении Сети участвуют люди совершенно разного возраста, национальности, гражданства, пола, социального статуса и образования. Вышеописанные аспекты формирования информационного содержания интернет-пространства явным образом говорят о том, что информация, представ-

ленная в Сети отвечает критериям максимального плюрализма и многообразия.

Такое многообразие, с точки зрения влияния на общество и снабжения его информацией, имеет двойственный характер. С одной стороны, такой плюрализм позволяет получать информацию максимально близкую к истине за счет многообразия точек зрения и методов проведения анализа новостной повестки. Однако, с другой стороны, такая фрагментированность источников информации порождает ситуацию, когда действительно правдивая информация становится абсолютно незаметной или нечитаемой в перечне информационных материалов, так называемых фейков, не отвечающих критериям правдивости и распространяющихся бесконтрольно.

Фейк как самостоятельное явление получил значительный рост влияния на общественные массы именно с повсеместным приходом Сети. На взгляд автора, данная тенденция обуславливается в первую очередь несравнимо более низким уровнем монополизированности со стороны государства, Сети как источника информации, в отличие от инструментов распространения информации, популярных ранее, таких как телевидение, радио или традиционная печатная продукция. Чем выше уровень монополизированности государством источника информации, тем более управляемым и подконтрольным он является и, соответственно, тем меньше возможностей у пользователей такого источника для распространения заведомо ложной информации.

Стоит отметить принципиальное отличие Сети от телевидения, радио и печатной продукции. Несмотря на то, что и на телевидении, и на радио, и в печатной продукции достаточно часто в исторической перспективе можно встретить примеры свободного распространения информации отличающейся от позиции государства, тем не менее у государства всегда оставалась возможность, при необходимости и желании,

оказать требуемое влияние с целью корректировки информационного потока. Модерирование теле- и радиопрограмм, цензура в печатной продукции являются эффективными инструментами фильтрации информации на территории государства. Однако в Сети возникает правовая коллизия, заключающаяся в том, что нередко источник информации может находиться вне правового поля государства, на территории которого он осуществляет свою деятельность. Например, множественные иностранные средства массовой информации, вещание телевизионных и радио каналов которых можно запретить на государственной территории, по умолчанию доступны для просмотра всем гражданам государства. Архитектура Сети и технологии, на которых она строится, в такой ситуации не дают надежных инструментов фильтрации информационного трафика и делают неэффективным стандартные государственные подходы, базирующиеся на устаревшем монопольном положении государства. Таким образом в Сети, в силу ее слабой регуляции со стороны государства, широкое распространение получает заведомо ложная информация способная ввести в заблуждение общественные массы, а также информация, не всегда соответствующая позиции определенного государства. В настоящее время позиция многих государств в вопросах модерирования информационной составляющей интернет-пространства строится в первую очередь на вопросах борьбы с заведомо ложной информацией и в вопросах формирования корректной, соответствующей государственной позиции, информационной повестки.

Кроме государства как субъекта модерации и контроля информационной составляющей интернет-пространства стоит рассмотреть и частных акторов в данной сфере. Крупные новостные компании, а также иные частные организации, не связанные напрямую с хранением, обработкой и передачей информации, способны самостоятельно оказывать значительное влияние на содержание актуальной информационной повестки. Кроме того, некоторые такие организации из развитых стран по уровню своего влияния на общество превосходят в этом целые, так называемые, государства третьего мира и развивающиеся страны, а значит имеют потенциально колоссальное влияние. Ключевое

качественное отличие частных информационных субъектов Сети от государственных заключается в уровне подготовленности к существованию в крайне конкурентной среде. Разумеется, частным лицам и организациям данная позиция свойственна больше, нежели государству и, соответственно данной позиции, частные лица и организации имеют, в настоящий момент, в своем распоряжении инструментарий, позволяющий эффективно управлять информацией в условиях конкуренции и информационного плюрализма. Социальные сети, форумы, мессенджеры и прочие инструменты взаимодействия с интернет-аудиторией в максимально короткие сроки осваиваются именно частными лицами и организациями.

Касаясь темы непосредственно прикладных инструментов работы с информацией, нельзя кратко не обозначить сферу и проблематику социальных сетей, поскольку к настоящему моменту именно они являются видом платформы наиболее популярной у пользователей Сети в качестве источника получения информации. Социальные сети по своей архитектуре предполагают использование пользователем различных сервисов одномоментно на одной виртуальной площадке. Среди таких сервисов можно выделить личные и групповые каналы коммуникации, формирование виртуальных сообществ, члены которых объединены вокруг определенных тем и информационных поводов, ведение публичных обсуждений в формате так называемых форумов, проведение прямых онлайн трансляций, а также ведение личных онлайн дневников — блогов. Описанный перечень сервисов наиболее благоприятно способствует повышению уровня информационного плюрализма Сети. В данном контексте качественным отличием Сети от традиционных источников информации является возможность каждого ее пользователя практически беспрепятственно становиться автором информации и распространять ее фактически на неограниченный круг лиц без каких-либо созданных искусственных ограничений, с которыми сталкивается человек при желании распространить информацию традиционными способами, например, лицензирование, согласование, получение разрешений на вещание от государственных органов и так далее.

Социальные сети в таком контексте дают возможность каждому являться самостоятельным информационным субъектом и вносить свой собственный вклад в формирование информационной повестки общества, поскольку порог доступа к инструментам создания и распространения информации практически отсутствует. В такой ситуации государство теряет свое влияние и лидирующие роли в вопросах распространения информации и вынуждено выступать лишь в качестве одного из субъектов, внимание которому уделяется несколько большее лишь в силу его авторитетности, но не в силу прописанных на уровне законодательства или традиций Сети норм и правил. Государство, подобно рядовому пользователю Сети, вынуждено создавать аналогичные страницы в социальных сетях, сообщества и объединения и привлекать потребителей информации, пользуясь уже не монополистическими методами (например, установление обязательного времени вещания государственных программ на телевидении), а вполне конкурентными — свободной агитацией, работой в сфере Public relations и подачей информации в наиболее привлекательной форме. Борьба за аудиторию Сети вышла на первый уровень в сфере информационной проблематики.

Позиция, в которой оказалось государство в Сети, заставляет его в настоящий момент развивать два способа воздействия на интернет-аудиторию и контроля за информацией. Первый, несколько более традиционный — это попытка вернуть прежний уровень влияния на источники информации в Сети по аналогии с источниками традиционными, повысить собственный уровень монополии. Как правило, в таком случае государство масштабирует законодательную базу в вопросах регулирования интернет-пространства и создает необходимые органы исполнительной власти, способные следить за исполнением вышеуказанной законодательной базы. Ключевым фактором эффективности данного способа воздействия на интернет-аудиторию является работа непосредственно с субъектами создания, обработки и распространения информации. Такими субъектами являются юридические и физические лица, находящиеся в юрисдикции государства. Новостные агентства, интернет про-

вайдеры, администрации социальных сетей и различных интернет-ресурсов, зарегистрированных в таком государстве, обязаны подчиняться законам и нормам государства, резидентами которого они являются. Данный механизм взаимодействия с Сетью, а также модерирования ее содержания в настоящий момент показывает высокую эффективность на территории Российской Федерации, а также в других государствах, имеющих достаточный уровень экспертизы законодателей и государственных служащих для реализации подобной методологии. Традиционным примером такого метода работы можно считать создание перечня запрещенной к распространению информации, а также закрепления законодательной обязанности всех существующих на территории государства операторов информации такую информацию удалять.

Государство, применяя вышеуказанный механизм, в первую очередь имеет возможность модерирования интернет-ресурсов, находящихся на его территории или в его юрисдикции, однако в случае взаимодействия с иностранной интернет-площадкой данная методология может быть не эффективной. Существенная проблематика заключается в различии законодательства стран. Интернет-ресурс, подчиняющийся законодательству одной страны, может размещать на своей виртуальной площадке любую информацию, не запрещенную к размещению законодательством своей страны. Однако пользователи, находящиеся в другом государстве, в котором подобный контент запрещен, все равно могут получить к нему доступ. В вышеуказанной ситуации государство, стремящееся ограничить доступ к неправомерной, согласно его законодательству, информации, может поступить двумя путями. Первый — технический запрет доступа к рассматриваемым зарубежным интернет-ресурсам — блокировка. Реализация такого решения требует от государства соответствующей технической экспертизы и цифрового оборудования, которое доступно далеко не всем. В дополнение к этому частные пользователи Сети все чаще находят возможности обхода создаваемых блокировок и дальнейшего взаимодействия с информацией, доступ к которой был ограничен. Второй — достижение договоренности с рассматриваемым ин-

тернет-ресурсом об ограничении распространения запрещенной информации для пользователей из конкретного государства. Как правило, такое решение, если договоренность была достигнута, исполняется путем фильтрации интернет-трафика к определенным пользователям на основании их IP адреса. Стоит отметить, что далеко не всегда администрации интернет-площадок идут навстречу обращающимся государствам для решения проблемы по последнему сценарию, что заставляет государства идти путем блокировки.

Вышеуказанные методологии работы с информацией в интернет-пространстве являются достаточно жесткими и направлены на установление лидерской позиции государства в части модерирования информации. Такие методы показывают свою эффективность в условиях общества со слабой технической экспертизой, что не позволяет ему находить пути получения доступа к ограниченной государством информации. Однако кроме таких методов существуют и диаметрально противоположные, когда государство не стремится ограничить существующий поток информации и информационную повестку, а наоборот, способствует их расширению и само максимально включается в процесс развития и наполнения Сети в равноправной с частными лицами позиции информационного субъекта.

Наращивание государственного присутствия в сети общедоступными методами позволяет государству получить то, что невозможно получить в условиях блокировок и ограничений — честный авторитет в качестве источника информации. В случае, когда информация оказывается правдивой и находит отклик у интернет-аудитории, рейтинг и сфера распространения такой информации существенно увеличиваются. Пользователи Сети самостоятельно распространяют понравившийся контент, тем самым увеличивая его популярность. Задача государства, решившего двигаться путем информационного плюрализма, заключается в первую очередь в следовании существующим в Сети трендам и правилам. Второй немаловажной задачей является предоставление пользователям максимально подробной и понятной информации, которая позволит получить ответы на все имеющиеся вопросы. В случае если информа-

ция будет неполноценна, то в условиях конкуренции имеющиеся информационные пробелы будут достаточно быстро заполнены информацией из иных информационных субъектов.

Рассматривая технологии повышения информационного присутствия государства в Сети, нельзя не отметить существующий тренд на активизацию работы государственных органов с населением в социальных сетях. Такая методология включает в себя создание аккаунтов и страниц государственных органов и государственных деятелей на виртуальных площадках социальных сетей, через которые в дальнейшем любой пользователь Сети имеет возможность подать обращение, разрешить свой вопрос или провести коммуникацию на интересующую тему. В контексте таких административных возможностей государство способно в кратчайшие сроки развивать популярность принадлежащих ему сетевых пространств, тем самым занимая все более популярные позиции в рейтинге источников информации пользователей. Кроме того, такой способ взаимодействия с аудиторией считается менее бюрократизированным, более живым и гибким, что в условиях существующих традиций коммуникации в Сети воспринимается интернет-аудиторией положительно.

Также стоит отметить еще один немаловажный аспект Сети, положительно позиционирующий ее в качестве привлекательного инструмента распространения информации для государства, — скорость распространения информации. В условиях использования Сети как доминирующего ресурса для отправки, получения и обработки информации значительным фактором успешности ее распространения является скорость, с которой аудитория ее получит от информационного субъекта. Сеть позволяет практически мгновенно обмениваться неограниченными объемами информации между двумя и более информационными субъектами. Государство, впрочем, как и любой другой источник информации в Сети, в таком случае получает возможность освещения различных событий и информационных поводов быстрее, нежели чем при использовании традиционных источников распространения информации, а учитывая объемы информации в современном мире, это может иметь решающий фактор

при выборе приоритетности источника информации аудиторией. Обратным этому эффекту является возможность для государства мгновенно считывать существующую информационную повестку и настроения интернет-аудитории с целью анализа и учета существующей общественной проблематики и общественного опроса. Далее на основе собранной информации можно в кратчайшие сроки разработать алгоритмы нивелирования определенной в процессе анализа проблематики. Это также говорит не в пользу использования методологий блокировок и запретов, однако это тема отдельного исследования.

Подводя итог можно сказать, что в условиях существующего доминирования Сети в каче-

стве технологического и самого актуального источника информации, государство активно разрабатывает и уже применяет различные способы повышения собственной приоритетности в качестве источника информации. Такие методы работы варьируются в зависимости от уровня технологической развитости государства, сложившихся традиций взаимодействия в Сети и менталитета интернет-аудитории. Однако, несмотря на вариабельность при выборе способа повышения приоритетности государства в качестве источника информации, одно остается неизменным — все современные развитые государства понимают актуальность Сети и осознают необходимость своего присутствия на ее виртуальных площадках.

Список источников

1. Политология : учебник / А. Ю. Мельвиль [и др.]. М. : Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Проспект, 2008. 618 с.
2. Чертороев Д. А. Гибридные режимы правления: особенности информационного взаимодействия государства и общества // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12 (151). С. 443–445.
3. Лурье Д. А. Интернет-участие граждан в политике как механизм взаимодействия государства и гражданского общества в современной России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М. , 2011. 222 с.
4. Малиновский С. С. Политическая коммуникация в Рунете как фактор российского политического процесса : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2013. 195 с.
5. Чаннов С. Е. Ограничение доступа к отдельным видам информации в сети Интернет // Власть. 2013. № 6. С. 83–86.
6. Крыштановская О. В., Филиппова А. М. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети // Вестник университета. 2018. № 6. С. 181–185.

References

1. Political science: a textbook / A. Yu. Melville [at al.]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, TK Velby, Prospekt; 2008. 618 p. (In Russ.).
2. Chertoroev D. A. Hybrid regimes of government: features of information interaction between the state and society. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal = Eurasian legal journal*. 2020;12(151):443–445. (In Russ.).
3. Lurie D. A. Internet participation of citizens in politics as a mechanism for interaction between the state and civil society in modern Russia: dis. ... cand. polit. sciences: 23.00.02. Moscow, 2011. 222 p. (In Russ.).
4. Malinovsky S. S. Political communication in Runet as a factor in the Russian political process: dis. ... cand. polit. sciences: 23.00.02. Moscow, 2013. 195 p. (In Russ.).
5. Channov S. E. Restriction of access to certain types of information on the Internet. *Vlast` = Power*. 2013;(6);83–86. (In Russ.).
6. Kryshtanovskaya O. V., Filippova A. M. Studies of political communication: the state and social networks. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2018;(6):181–185. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Чертороев — студент 2-го года обучения аспирантуры по направлению «Политические науки и регионоведение».

Information about the author

D. A. Chertoroev — a 2nd year postgraduate student in the direction of “Political Sciences and Regional Studies”.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 22.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 133–136.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):133–136.

Научная статья
УДК 349.41(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-133-136

НАПРАВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОЗДАНИЮ И ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОПАРКОВ

Игорь Александрович Владимиров^{1,2,3}, Радмир Аузагиевич Иксанов^{1,2,3}

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия

²Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия

³Башкирский кооперативный институт, филиал Российского университета кооперации

Автор ответственный за переписку: Р. А. Иксанов, iksanov333@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы правового режима геопарков, моделей организации геопарков на примере Республики Башкортостан. Изучен опыт регулирования создания, управления и функционирования геопарков в России и ее субъектах, а также в зарубежных странах. Предложены направления законодательного регулирования деятельности по созданию и организации геопарков. Предложено закрепить систему принципов правового регулирования в области создания, управления и развития геопарков и сохранения геологического наследия, а также проработать возможность использования государственно-частного партнерства в сфере развития рекреации применительно к земельным участкам памятников природы, вошедших в состав геопарка. Отмечается, что отсутствие дефинитивного аппарата, в свою очередь, влечет отсутствие правового режима геопарков, вследствие чего возникают проблемы при регулировании отношений по рациональному использованию и охране природных объектов геологического, туристического, рекреационного, историко-культурного и иного назначения. На федеральном и региональном уровне, ввиду отсутствия законодательства о геопарках, существует необходимость принятия нормативно-правового акта, устанавливающего правовые основы создания и функционирования геопарков в России и в ее субъектах.

Ключевые слова: геопарк, устойчивое развитие, геотуризм, глобальный геопарк, законодательство, особо-охраняемые природные территории, туристско-рекреационные зоны

Для цитирования: Владимиров И. В., Иксанов Р. А. Направления законодательного регулирования деятельности по созданию и организации геопарков // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 133–136. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-133-136>.

Research article

DIRECTIONS OF LEGISLATIVE REGULATION OF ACTIVITIES ON CREATION AND ORGANIZATION OF GEOPARKS

Igor A. Vladimirov^{1,2,3}, Radmir A. Iksanov^{1,2,3}

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia

²Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

³Bashkir Cooperative Institute, branch of the Russian University of Cooperation

Corresponding author: R. A. Iksanov, iksanov333@yandex.ru

Abstract. The article examines the issues of the legal regime of geoparks, models of organization of geoparks on the example of the Republic of Bashkortostan. The experience of regulating the creation, management and operation of geoparks in Russia and its subjects, as well as in foreign countries, is studied.

Various definitions of the concept of "geopark" are analyzed and the author's definition of a geopark is proposed. Directions for legislative regulation of activities for the creation and organization of geoparks are proposed. It is proposed to consolidate the system of principles of legal regulation in the field of creation, management and development of geoparks and the conservation of geological heritage, as well as to work out the possibility of using public-private partnership in the field of recreation development in relation to land plots of natural monuments included in the geopark. It is noted that the absence of a definitive apparatus, in turn, entails the absence of a legal regime for geoparks, as a result of which problems arise in regulating relations for the rational use and protection of natural objects of geological, tourist, recreational, historical, cultural and other purposes. At the federal and regional levels, due to the lack of legislation on geoparks, there is a need to adopt a legal act that establishes the legal basis for the creation and operation of geoparks in Russia and its constituent entities.

Keywords: geopark, sustainable development, geotourism, global geopark, legislation, specially protected natural areas, tourist and recreational areas

For citation: Vladimirov I. V., Iksanov R. A. Directions of legislative regulation of activities for the creation and organization of geoparks. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):133–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-133-136>.

В российском законодательстве на сегодняшний день отсутствует нормативное закрепление понятия «геопарк». В юридической науке также до сих пор не выработано универсальное, единое для правоприменительной практики и регулирования правовых отношений понятие геопарка.

Первоначально геопарки создавались для обеспечения сохранения геологических объектов на территориях, где ведение туризма и туристической деятельности оказывало отрицательное воздействие на важные объекты геологического наследия, а также для устойчивого развития сельских территорий. В настоящее время акцент в создании геопарков сосредотачивается на устойчивом развитии как средстве повышения благосостояния сельского населения, проживающего на территории геопарков, сокращения бедности и использования образования как средства лучшего сохранения и защиты геологического наследия.

Центром устойчивого развития туризма в геопарках стал геотуризм, поскольку он включает в себя деятельность по размещению, питанию, транспортировке и обслуживанию посетителей. Чтобы достичь таких результатов, разрабатываются детальные картографические планы геопарков, а также представляются разработанные планы управления при подаче заявки на получение статуса глобального геопарка ЮНЕСКО.

Геопарки по всему миру получают международное признание за счет развития бизнеса, в том числе агробизнеса, и создания рабочих

мест на сельских территориях. Процессы создания геопарков в различных странах мира свидетельствуют о том, что функционирование геопарков, а также управление геопарками, повышение статуса геопарка от национального к глобальному, поддерживается государствами, представляет интерес и является частью программ развития туризма и повышения благосостояния сельского населения.

Отсутствие дефинитивного аппарата, в свою очередь, влечет отсутствие правового режима геопарков, вследствие чего возникают проблемы при регулировании отношений по рациональному использованию и охране природных объектов геологического, туристического, рекреационного, историко-культурного и иного назначения.

Субъекты Российской Федерации предпринимают собственные попытки урегулировать данные отношения. В Республике Башкортостан осуществляется процесс обсуждения законопроекта Республики Башкортостан о геопарках. На сегодняшний день в Республике Башкортостан создано 2 геопарка: «Янгантау» и «Торатау». Геопарк «Янгантау» является единственным российским геопарком в списке глобальных геопарков ЮНЕСКО.

Таким образом, на федеральном и региональном уровнях, ввиду отсутствия законодательства о геопарках, существует необходимость принятия нормативно-правового акта, устанавливающего правовые основы создания и функционирования геопарков в России и ее субъектах.

Для принятия законодательства о геопарках необходимо определить правовую природу и признаки данного явления. В существующем законопроекте «О геопарках Республики Башкортостан» не определен правовой статус геопарка [1]. Юридическое оформление правового статуса геопарка и правового режима пользования охраняемыми территориями как формами рекреационного, рационального природопользования и устойчивого развития территорий в зависимости от модели создаваемого геопарка являются одной из главных задач принятия Закона о геопарках. Считаем, что в модели организации геопарков должны быть отражены специфика правового режима создаваемой территории и особенности системы управления единой сетью памятников природы геологического и иного профиля, сосредоточенных на относительно небольшом расстоянии друг от друга.

По нашему мнению, геопарки представляют собой единые объединенные территории геологического значения, управляемые в целях сохранения, образования и устойчивого развития [2]. Геопарки предназначены для достижения целей устойчивого развития, в том числе на глобальном, международном уровне, таких как: искоренение бедности; обеспечение устойчивого экономического роста; повышение устойчивости городов и населенных пунктов; создание устойчивых моделей потребления и производства; борьба с изменением климата и укрепление международного партнерства.

В 24 странах мира, в том числе в России, созданы Национальные комитеты по геопаркам. В Российской Федерации функционирует Российский комитет Международной программы ЮНЕСКО по геонаукам и геопаркам. На сегодняшний день в мире существуют 4 региональные сети геопарков:

- 1) сеть геопарков Азиатско-Тихоокеанского региона;
- 2) сеть европейских геопарков;
- 3) сеть геопарков Латинской Америки и Карибского бассейна;
- 4) Африканская глобальная сеть геопарков.

На международном уровне существует несколько различных подходов к развитию геопарков, и все они поддерживаются государством. В некоторых случаях были созданы уз-

коненные структуры управления, такие как в Глобальном геопарке ЮНЕСКО «Апуанские Альпы» в Италии (Apuana Geopark, 2011). В Греции управление геопарком окаменелых лесов Лесбоса осуществляется Музеем естественной истории, официально зарегистрированной некоммерческой организацией. Музей является государственным и находится в ведении министра культуры.

Формирование местных и сельских инициативных групп государственными и частными организациями и заинтересованными сторонами, осуществляющими социально-экономическую деятельность, играет важную роль в качестве органов управления в испанских геопарках. Испания имеет в значительной степени децентрализованную административную структуру управления, и это подходит для «восходящего» управления, необходимого для многих геопарков. Для управления такими геопарками, как геопарк TERRA.vita (Германия) и геопарк Мадони (Италия) местные органы власти работают совместно над созданием руководящих комитетов и необходимых структур управления, включающих сообщества, бизнес и государственные учреждения.

Независимо от структуры, эффективное управление необходимо для достижения согласованного подхода к использованию геопарка и сведения к минимуму вредных последствий. В таких многоаспектных областях, как геопарки, управленческие структуры должны решать, помимо прочего, сложные проблемы и возникающие конфликты в коммерческой деятельности, в геотуризме. Так, например, в Австралии хорошо организовано сохранение геологии и важных геологических объектов в соответствии с действующим законодательством через национальные парки и другие заповедники. Знание того, какие геологические районы чувствительны к эксплуатации, и эффективное управление ключевыми особенностями облегчает путь к устойчивому развитию туризма через геотуризм в сельских районах, который становится приоритетом для роста бизнеса и создания рабочих мест [3]. Это может быть достигнуто путем взаимодействия органа управления геопарком с государственными учреждениями, отвечающими за управление объектами геонаследия.

Помимо развития туризма, управление геопарками призвано способствовать сохранению земельных ресурсов, стимулированию устойчивому управлению водными ресурсами, сохранению разнообразия растений и животных, поддержке экосистемы и признанию национальных исторических и культурных ценностей.

Для достижения этих целей органы управления геопарков осуществляют обслуживание среды геопарка в сотрудничестве со специалистами в области геологии, биологии, экологии, социальной культуры и туризма. Общей целью является устойчивое использование геологических объектов, повышение осведомленности населения о геологическом наследии и сохранение геологического разнообразия, биоразнообразия и культурного разнообразия.

Таким образом, снижение любого ущерба за счет надлежащей защиты окружающей среды имеет жизненно важное значение для общественного признания геопарков и других туристических направлений, ориентированных на природу. В последнее время юристы иссле-

дуют правовые предпосылки деградации туристических объектов и охраняемых территорий во многих частях мира в результате чрезмерного развития туризма, которое приводит к эрозии почв в геопарках, замусориванию и вандализму. Обеспокоенность по поводу негативных последствий, происходящих в геопарках, наблюдается по всему миру.

Отсутствие понятийного аппарата, слабое законодательное регулирование вопросов функционирования и развития геопарков влечет неэффективность либо отсутствие правового режима геопарков, вследствие чего возникают проблемы при регулировании отношений по рациональному использованию и охране природных объектов геологического, туристического, рекреационного, историко-культурного и иного назначения. Ввиду отсутствия законодательства о геопарках, существует необходимость принятия нормативно-правового акта, устанавливающего правовые основы создания и функционирования геопарков на федеральном уровне.

Список источников

1. Лунева Е. В. Реализация права рационального природопользования в развитии экологического каркаса России // Экологическое право. 2021. № 5. С. 16–22.
2. Злотникова Т. В. Международный и региональный опыт развития геопарков как правовая основа изменения экологического законодательства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4(66). С. 28–46.
3. Лунева Е. В. Организация геопарков в России и особенности их правового режима // Lex russica (Русский закон). 2021. № 9(178). С. 32–43.

References

1. Luneva E. V. Realization of the right of rational nature management in the development of the ecological framework of Russia. *E`kologicheskoe pravo = Ecological law*. 2021;(5):16–22. (In Russ.).
2. Zlotnikova T. V. International and regional experience in the development of geoparks as a legal basis for changing environmental legislation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Legal state: theory and practice*. 2021;4(66):28–46. (In Russ.).
3. Luneva E. V. Organization of geoparks in Russia and features of their legal regime. *Lex russica (Russkij zakon) = Lex russica (Russian law)*. 2021;9(178):32–43. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Владимиров — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и экологического права;

Р. А. Иксанов — старший преподаватель кафедры политологии, истории и теории государства и права.

Information about authors

I. A. Vladimirov — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Environmental Law;

R. A. Iksanov — Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 26.08.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 26.08.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 137–141.
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2022;4(57):137–141.

Научная статья
УДК 342
doi: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-137-141

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОПОРЯДКА

Айгуль Фидусовна Самигуллина

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, samigullina_aygul@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются виды и формы взаимодействия органов внутренних дел с государственными и негосударственными организациями при обеспечении правопорядка, выделяются проблемы, возникающие при таком взаимодействии, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: взаимодействие, правопорядок, государственные и негосударственные организации, администрация, волонтеры

Для цитирования: Самигуллина А. Ф. Основные формы взаимодействия органов внутренних дел с государственными и негосударственными организациями при обеспечении правопорядка // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 137–141. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-137-141>.

Research article

MAIN TYPES OF INTERACTION BETWEEN INTERNAL AFFAIRS BODIES WITH STATE AND NON-STATE ORGANIZATIONS WHILE ENSURING LAW AND ORDER

Aigul F. Samigullina

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, samigullina_aygul@inbox.ru

Abstract. The article considers the types and forms of interaction of internal Affairs bodies with state and non-state organizations in ensuring law and order, identifies the problems arising from such interaction and suggests ways to solve them.

Keywords: interaction, law and order, state and non-state organizations, administration, volunteers

For citation: Samigullina A. F. Main types of interaction between internal affairs bodies with state and non-state organizations while ensuring law and order. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):137–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-4-57-137-141>.

Необходимость в рассмотрении и решении проблем организационного характера при взаимодействии органов внутренних дел (ОВД) с государственными и негосударственными учреждениями при обеспечении правопорядка не вызывает сомнений. Актуальность заявленной проблематики определяется реальным состоянием обеспечения правопорядка в на-

шей стране. В настоящее время реальная картина отображает большое количество совершаемых административных правонарушений и преступлений.

В это же время задача, которая была поставлена в процессе административной реформы по повышению качества работы государственной власти, не может быть решена

без активного диалога между гражданами, государственными структурами и органами внутренних дел.

Согласно статистическим данным, в 2021 году на территории России было зарегистрировано 1 991 532 преступления, что на 3,3% меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. Но, несмотря на положительную динамику в целом, имеется тенденция к увеличению среди преступлений экономической направленности (+4,2%), мелких хищений 13 861 (+49,8%). COVID-19 существенно повлиял на картину преступности как в России, так и во всем мире: снизилась «уличная» преступность, выросла киберпреступность и «домашние» преступления. Доля киберпреступности в 2021 году достигла 26% (еще в 2018 году она составляла лишь 9%).

Раскрыто 1 087 983 преступлений. Из числа деяний уголовных дел, которые находились в производстве на начало года, на 2,7% меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

Анализ социально-криминологической характеристики преступности за 2021 год показал, что около половины преступлений (734 027) совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Каждое третье преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения (43,5%).

Преступления, совершенные в общественных местах, в зависимости от региона с наибольшим удельным весом: Москва, Воронежская область, Санкт-Петербург, Республика Башкортостан; с наименьшим удельным весом: Чеченская Республика, Республика Дагестан, Ингушетия, Адыгея [1]. Это лишь малая часть различных категорий, по которым разделяются преступления при формировании статистической отчетности. При этом именно разделение на видовую принадлежность позволяет нам производить анализ о факторах, влияющих на совершаемое преступление, и соответственно, привлекать силы и средства, необходимые для взаимодействия по предупреждению, пресечению и расследованию преступлений и административных правонарушений.

Обратимся к терминологии о понятии взаимодействия служб ОВД внутри системы, кото-

рое, в принципе, определяет основное направление деятельности. Взаимодействие органов предварительного следствия и дознания — это «основанная на законе, согласованная деятельность должностных лиц государственных учреждений, направленная на раскрытие преступлений, изобличение виновных, пресечение, предупреждение преступной деятельности и возмещение материального ущерба путем наиболее рационального сочетания методов, применяемых этими органами» [2, с. 61]. Исходя из этого, рассматриваемое взаимодействие можно определить как согласованную по целям, месту и времени деятельность ОВД службами и иными органами при раскрытии и пресечении административных правонарушений и преступлений.

По нашему мнению, самым эффективным является взаимодействие на ранней стадии, на которой только оно возможно при конкретных обстоятельствах.

Специфика определенных событий криминального характера предусматривает взаимодействие с другими службами государственных и негосударственных организаций. Так, например, криминальное ДТП предусматривает взаимодействие с сотрудниками ГИБДД, поджог — с пожарными частями МЧС, проверка сообщения о преступлении экономического характера, связанная с получением информации о счетах и вкладах граждан и организаций, — с банками и кредитными организациями, проверка сведений о недвижимом имуществе — с Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии. Данные сведения предоставляются по результатам процессуальных действий или по запросу на основании ч. 4 ст. 21 УПК РФ [3].

Взаимодействие с государственными организациями и учреждениями, муниципальными органами, общественными объединениями и гражданами осуществляется как сотрудничество, определенное одной целью. Сотрудники ОВД могут использовать возможности государственных и муниципальных органов, общественных организаций. Порядок осуществления данной деятельности определяется компетенцией привлеченных сил, но основным принципом их деятельности является законность [4].

Однако существует ряд проблемных вопросов, возникающих при взаимодействии, которые заключаются в нежелании граждан принимать какое-либо участие в процессуальной деятельности. Кроме этого, предоставление какой-либо информации не является прямой обязанностью работников той или иной организации, в связи с чем исполнение запросов на практике, как правило, занимает определенное время. Чаще всего срок исполнения запроса устанавливается внутренним регламентом организации. Для решения данной проблемы необходимо совершенствование ведомственных приказов с указанием четкой регламентации действий сотрудников организаций, содержащих искомую информацию.

Взаимодействие органов внутренних дел (ОВД) с общественными объединениями и гражданами, участвующими в обеспечении общественного порядка и безопасности, предполагает следующие основные формы:

- совместно проводимый анализ состояния охраны общественного порядка и общественной безопасности;
- разработка совместных мероприятий по профилактике противоправных деяний;
- обучение и инструктаж участников общественных объединений методам и формам правоохранительной деятельности;
- совместное с участковыми уполномоченными полиции обеспечение общественного порядка на административных участках;
- профилактика противоправных деяний среди лиц, не достигших совершеннолетия, совместно с сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних ОВД;
- совместное патрулирование с нарядами патрульно-постовой службы полиции.
- совместная деятельность с добровольными народными дружинами и казачьими войсковыми обществами [5].

В настоящее время все шире становится понятие «волонтер», аналогичное понятиям «дружинник», «внештатный сотрудник». Волонтеры привлекаются сотрудниками полиции на безвозмездной основе по определенным направлениям, которые не связаны с риском для их жизни и здоровья. Волонтеры могут оказывать помощь как в группе, так и по одному.

Кроме волонтерского движения для обеспечения правопорядка могут быть привлечены частные детективные и охранные организации. В отличие от волонтеров, их деятельность строго регламентируется Законом Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-I «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [6]. К сожалению, в настоящее время отсутствуют нормативно-правовые разработки, регламентирующие порядок эффективного взаимодействия ОВД и частных охранных предприятий (ЧОП) при обеспечении правопорядка. Волонтеры и сотрудники ЧОП привлекаются в основном при проведении массовых мероприятий, розыске лиц, для сбора информации и др.

Рассмотрим взаимодействие с контролирующими органами. Анализ изменений в ч. 7 и ч. 8 ст. 144 УПК РФ, внесенных Федеральным законом от 22.10.2014 № 308-ФЗ [7], показал, что необходимость взаимодействия ОВД возникает с налоговыми органами (ст. 198–199.1 УК РФ), контрольно-счетными органами, контрольно-ревизионной службой, Росздравнадзором, Роспотребнадзором, Росреестром, Таможенным комитетом и др. в следующих случаях: обращение представителя контролирующего органа с сообщением о выявленном правонарушении в рамках его профессиональной деятельности; при возникновении сомнений в подлинности отчетной документации о расходовании бюджетных средств; обращения ОВД в контролирующий орган за криминалистически значимой информацией.

Учитывая заинтересованность контролирующего органа в проводимой проверке, ситуация формирует непосредственное взаимодействие, что позволяет производить обмен информацией в кратчайшие сроки.

Но встречается и другая ситуация, когда к совершенному преступлению причастен руководитель или иные должностные лица проверяемой организации. В данном случае также целесообразна непосредственная коммуникация с исполнителем, но остается риск искажения информации, возможно, тем же исполнителем. В таких случаях целесообразно направить запрос общего характера, без конкретизации искомой информации; привлечение средств массовой информации [8].

Исследование данной темы оставляет множество вопросов. Возникновение взаимодействия между структурами может возникнуть по инициативе как одной, так и другой стороны. В этой связи мы можем выделить следующие виды взаимодействия:

- постоянное взаимодействие между ОВД и организациями, которое наблюдается чаще при обмене информации (запросы, заявления, уведомления.);
- ситуативное взаимодействие, к примеру, при проведении митингов, демонстраций, забастовок;

– плановое взаимодействие при проведении ярмарок, спортивных и праздничных мероприятий.

В настоящее время взаимодействие ОВД с государственными и негосударственными организациями требует совершенствования ведомственных регламентов (инструкций, приказов) о взаимодействии следственных, контролирующих и надзорных органов с четкой регламентацией алгоритма действий каждого из них в ходе раскрытия и расследования преступлений и административных правонарушений.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://genproc.gov.ru>
2. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М. : Юридическая литература, 1965. 367 с.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : редакция от 05.12.2022. КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
4. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. 2-е издание, исправленное и дополненное. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2006. 748 с. (Серия «Высшее образование»).
5. Мальцева Е. А., Мальцев Е. П. Охрана общественного порядка и общественной безопасности при взаимодействии казачьих и народных дружин с правоохранительными органами // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : сборник материалов Международной научно-практической конференции «Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений (Воронеж, 20 мая 2015 г.). Воронеж : Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 255–257.
6. «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» : Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 : последняя редакция // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/
7. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» : Федеральный закон от 22.10.2014 № 308-ФЗ : последняя редакция // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170088/
8. Арсланова А. Р. Криминалистическая тактика процессуальных действий при рассмотрении сообщения о преступлении. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 176.

References

1. The state of crime in Russia for January-December 2021. Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: <https://genproc.gov.ru>
2. Zhogin N. V., Fatkullin F. N. Preliminary investigation in the Soviet criminal process. Moscow : Legal literature, 1965. 367 p. (In Russ.).
3. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 No. 174-FL: adopted by the State Duma on November 22, 2001: approved by the Federation Council on December 5, 2001: edition of December 5, 2022. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
4. Ishchenko E. P., Toporkov A. A. Criminalistics: textbook / ed. E. P. Ishchenko. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Law Firm "KONTRAKT", INFRA-M; 2006. 748 p. (Series "Higher education"). (In Russ.).
5. Maltseva E. A., Maltsev E. P. Protection of public order and public safety in the interaction of Cossack and folk squads with law enforcement agencies. *Prestupnost` v SNG: problemy` preduprezhdeniya i raskry`tiya prestuplenij : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Prestupnost` v SNG:*

problemy` preduprezhdeniya i raskry`tiya prestuplenij (Voronezh, 20 maya 2015 g.). = Crime in the CIS: problems of preventing and solving crimes: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference "Crime in CIS: problems of prevention and disclosure of crimes (Voronezh, May 20, 2015). Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015, pp. 255–257. (In Russ.).

6. "On private detective and security activities in the Russian Federation": Law of the Russian Federation dated March 11, 1992 No. 2487-1: latest edition // ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/

7. "On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation": Federal Law of October 22, 2014 No. 308-FL: latest edition // ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170088/

8. Arslanova A. R. Forensic tactics of procedural actions when considering a crime report. M. : Yurlitinform, 2019. 176 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Ф. Самигуллина — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления.

Information about the author

A. F. Samigullina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Public Administration.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 10.10.2022.

The article was submitted 05.09.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 10.10.2022.

**ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ,
НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ
(БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»**

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Он должен содержать не более 15 источников, в том числе не более 3 ссылок на публикации авторов статьи и их соавторов с целью избежать недобросовестного увеличения библиометрических показателей авторов.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок составляют по ГОСТ Р 7.0.5—2008.

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Отсылки на затекстовые библиографические ссылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на английском языке („References”) согласно Vancouver Style.

Пример:

Сорокин Д. Е., Сухарев О. С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 4–15.

Sorokin D. E., Sukharev O. S. Structural and investment objectives of the development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Law*. 2013;(3):4-15. (In Russ.).

8. Заголовок статьи приводят на русском и английском языках.
 9. Основные сведения об авторе(ах) приводятся на русском и английском языках и содержат:
 - имя, отчество, фамилию автора (полностью);
 - наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город, страна);
 - электронный адрес автора (e-mail);
 - открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).
 10. Аннотацию формируют по ГОСТ Р 7.0.99 на русском и английском языках. Объем аннотации не должен превышать 250 слов.
 11. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Их приводят на русском и английском языках.
 12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
 13. Авторы полностью несут ответственность за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.
 14. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.
 15. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.
 16. Автор, ответственный за переписку, должен предоставить в редакцию заполненные регистрационные карты на всех авторов и согласие на обработку персональных данных, разрешенных для распространения, от каждого из них.
- Регистрационную карту можно скачать на сайте *vestnik-bist.ru*.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки». 2022. № 4 (57)

Компьютерная верстка *А. Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т. Е. Бочарова*

Сдано в набор 10.10.2022. Подписано в печать 14.10.2022.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 18,05.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 46

Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Адрес редакции и издателя:
Проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел. +7 (347) 216-41-62
e-mail: vestnikbist@mail.ru
www.vestnik-bist.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
Проспект Октября, д. 27, корп. 2, оф. 61, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059
www.proprint02.ru